

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

Д.В. Иванов

**РЕВОЛЮЦИИ И КОЛЛЕКЦИИ:
Петроградское (Ленинградское) отделение
Государственного музейного фонда
и Музей антропологии и этнографии**

Санкт-Петербург
2018

УДК 069.5+39(470.23-25)

ББК 79.18+63.5

И20

Рецензенты:

к.и.н. В.А. Прищепова

к.и.н. В.Г. Ананьев

Д.В. Иванов

И20 Революции и коллекции: Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда и Музей антропологии и этнографии / Отв. ред. Н.П.Копанева. СПб.: МАЭ РАН, 2018. — 208 с. (Kunstkamera Petropolitana).

ISBN 978-5-88431-356-9

В 20-е годы XX в. собрания многих музеев пополнились экспонатами из Государственного музейного фонда, в котором сосредоточивались предметы, реквизируемые из частных собраний после Октябрьской революции. Атрибуция этих артефактов зачастую затруднена очень скудной сопроводительной информацией, содержащейся в музейной документации, в которой практически всегда отсутствует информация о дореволюционных собирателях. Определению бывших владельцев раритетов посвящена вторая часть книги, а в первой части кратко излагается история самого Государственного музейного фонда с 1917 по 1929 г.

Книга предназначена для историков и музейщиков.

Ключевые слова: Государственный музейный фонд; Революция; музейное дело; формирование коллекций МАЭ.

In 1920s many museums were enlarged by exhibits from The State Museum Storage, which accumulated items from private collections after October Revolution. Attribution of these exhibits is often difficult because of the lack of documentation. The second part of the book is devoted to identification of former owners. The first part is devoted to brief history of The State Museum Storage.

The book is intended to historians and ethnographers.

Keywords: The State Museum storage, Russian Revolution, Museum work in Soviet Russia.

УДК 069.5+39(470.23-25)

ББК 79.18+63.5

*На обложке спереди: памятник Ленину во дворе бывшего дворца
великой княгини Ксении Александровны. Фото Д.В.Иванова*

На обложке сзади: Ново-Михайловский дворец

ISBN 978-5-88431-356-9

© Д.В. Иванов, 2018

© Оформление серии. В. Яковлев, 2018

© МАЭ РАН, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙНЫЙ ФОНД, СОБРАННЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ». ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ	9
Две революции	9
Кружок любителей искусства	18
В условиях военного коммунизма	26
В годы НЭПа	41
Противостояние с Внешторгом	52
Музейный бум и музейная революция	60
Собственные музеи	71
Работа с музеями и иными учреждениями	79
Вне Петрограда	84
Ликвидация	91
КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ И КОЛЛЕКЦИИ В ПОИСКАХ СТУЛЬЕВ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ БЫВШИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ	98
Путешествия великого князя	105
К.В.	118
Якобсон, Кавос, Елисеев	127
Пушкинский Дом	132
Музей Города в Собственном Дворце	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1	162
Приложение 2	173
Приложение 3	175
Приложение 4	179
Приложение 5	182
Список источников	185
Библиография	191
Список принятых сокращений	199
Список иллюстраций	201
Именной указатель	203

ВВЕДЕНИЕ

Пролетарию столь же необходимо выковывать счастье, смотря в будущее, сколько внимательно изучать и прошлое. И мы считаем своим долгом хранить для народа его ценности и его вековые создания, лишь стряхивая с них пыль и не допуская запустения.

А.В. Луначарский. Речь 25 ноября 1919 г.

Революционные события 1917 г. создали особую структуру, хорошо известную музейным сотрудникам,— Государственный музейный фонд.

Во многих музеях России хранятся экспонаты, поступившие в 20-е годы XX в. Из этого фонда, в котором после революции сосредоточивались изъятые из частных собраний художественные и исторические ценности. Имеются подобные предметы и в собрании Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого Российской академии наук (далее — МАЭ РАН). Обычно эти экспонаты объединяет не только время поступления, но и отсутствие какой-либо информации о действительных собирателях раритетов, а также зачастую ошибочная атрибуция. Так, в МАЭ РАН в 1920-е годы ряд японских, китайских, индийских культовых изображений (не всегда буддийских) был записан, как «монгольские будды».

Нам показалось важным попытаться восстановить дореволюционную историю этих артефактов, выяснить имена бывших владельцев, постараться понять их интересы и пристрастия, опреде-

лить, где находились поступившие в МАЭ РАН вещи до Октября 1917 г. Этому посвящена вторая часть книги. В первой же мы решили кратко изложить историю самого Музейного фонда, одной из наиболее неоднозначных музейных структур, с деятельностью которой тесно связан процесс становления музейного дела в Советской России, а позднее в Советском Союзе. Эта организация неоднократно реформировалась и меняла названия: Художественная комиссия по приемке движимого имущества Петроградских дворцов бывшего Петроградского дворцового управления; Художественно-историческая комиссия при Зимнем дворце (существовали художественно-исторические комиссии при загородных императорских дворцах и в Москве); Художественная комиссия по охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР; Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины; и наконец, с 1921 г. — Государственный музейный фонд Главнауки Наркомпроса РСФСР¹. При этом не менялась сама суть учреждения — охрана памятников, распределение экспонатов между музеями. В.И. Ерыкалов, возглавлявший Музейный фонд в 1919–1925 гг., в 1923 г. отмечал, что при всех происходивших изменениях сохранялась непрерывная преемственность личного состава и работы организации [Ерыкалов 1924: 1]. Неудивительно, что историки и музеееды, хранители постоянно обращаются к материалам Музейного фонда. Удивительно то, что полноценная история Петроградского отделения ГМФ, наиболее значимого и обширного, так и не написана².

Скорее всего, отсутствие такой обобщающей работы связано, как бы это ни казалось, на первый взгляд, странным, с очень большим количеством документов, сохранившихся с 1917–1929 гг.

¹ В работе мы используем либо название, соответствующее конкретному году, о котором идет речь в тексте, либо Музейный фонд — как общее и наиболее распространенное название, вне зависимости от времени описываемых событий.

² Деятельность Московского отделения рассмотрена в научной литературе намного полнее [Равикович 1988; Жуков 1989].

Кроме того, материалы, относящиеся к деятельности Музейного фонда, хранятся в настоящее время в разных архивах. В первую очередь это Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ) и Архив Государственного Эрмитажа (далее — АГЭ), хотя отдельные списки Музейного фонда были выявлены нами в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (далее СПбФ РАН). Некоторые фотографии, выполненные фотографами Фонда, находятся в Архиве Института истории материальной культуры РАН (далее — АИИМК РАН)³.

Посчитав необходимым посвятить первую часть книги истории Петроградского отделения ГМФ, мы были вынуждены ограничиться лишь кратким изложением основных направлений деятельности Музейного фонда. Этим определяется и стиль изложения первой части, где каждая глава — небольшой очерк определенного этапа его работы. Хочется надеяться, что даже такой, несколько дробный, стиль описания позволит читателю составить общее представление о работе и даже «жизни» Петроградского отделения ГМФ в разные периоды. Собственно Музей антропологии и этнографии упоминается в первой части достаточно редко, поскольку в силу своего особого статуса академического музея он оказался вовлечен в общую деятельность Музейного фонда гораздо меньше, чем музеи, находившиеся в подчинении у Наркомпроса РСФСР.

Деятельность Музейного фонда, на наш взгляд, нельзя также рассматривать вне исторического и общего культурного контекста. На период существования этой структуры с момента основания летом 1917 г. и до окончательной ликвидации в 1929 г. пришлись Октябрьская революция, Гражданская война и годы военного коммунизма, НЭП, начало индустриализации.

События, происходившие как в стране, так и в «музейном мире», нашли свое меткое, иногда жесткое, иногда забавное,

³ Мы благодарны В.Г. Ананьеву за информацию о фотоматериалах ГМФ, хранящихся в Архиве ИИМК РАН (Фонд 67).

а главное фотографически точное отображение у М. Зощенко, А. Мариенгофа, И. Ильфа и Е. Петрова.

В судьбе Музейного фонда, вовлеченного во все основные процессы музейного строительства первого послереволюционного десятилетия, можно проследить общие приметы эпохи в целом. Эпохи, в которую сформировалось музейное дело не только Советской, но и современной России.

В ведении Музейного фонда находились не только хранилища, наполненные реквизированным имуществом, но и собственные музеи, открытые в национализированных дворцах. Преемственность состава в целом сохранялась на протяжении всего этого времени, но вот цели, которые ставились перед сотрудниками, менялись. Без истории возникновения и ликвидации этих очень интересных музеев невозможно понять историю Музейного фонда и его закрытия, связанного с таким неприятным явлением, как продажа раритетов.

Мы хотели бы выразить искреннюю благодарность всем, кто оказал нам помощь в работе — Л.Г. Черенковой, Л.Г. Лебедевой, В.Л. Иванову, В.А. Киселю, Н.П. Копаневой, Ю.К. Чистову, О.И. Андреевой за консультации и ценные замечания. А.Ю. Синицыну — за предоставленные фотографии некоторых экспонатов. С.Б. Шапиро — за помощь при фотосъемке предметов, а также всем сотрудникам музеев, архивов и библиотек, которым автор надоедал на протяжении многих лет и без труда которых эта книга была бы просто невозможна.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙНЫЙ ФОНД, СОБРАННЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ». ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ

Две революции 1917

«Дни свободы» — так были озаглавлены мартовские выпуски «Петроградской газеты» в 1917 г. [Петроградская 1917: 1]. В эти дни не просто многое менялось — изменилось практически всё. Закончилась история Российской империи и монархии, встал вопрос о будущем политическом устройстве страны, а также о судьбе имущества, принадлежавшего бывшей августейшей фамилии, до революции находившегося в ведении упраздненного Министерства императорского двора.

Инициаторами создания комиссии по приемке движимого имущества петроградских дворцов были Максим Горький и Ф.И. Шаляпин [Миролюбова 2001: 94]. Уже 4 марта (ст. ст.) 1917 г. (через два дня после отречения Николая II) в Петрограде на Кронверкском проспекте, 23 в квартире Горького собрались представители интеллигенции, избравшие «Комиссию по делам искусств», в которую вошли Максим Горький, Ф.И. Шаляпин, М.В. Добужинский, Н.К. Рерих [Миролюбова 2001: 94]. Комиссия попыталась наладить сотрудничество по вопросам охраны петроградских дворцов с новой властью — Временным правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Александр Бенуа, присутствовавший на совещании у Горького, записал в дневнике, что Алексей Максимович несколько раз повторил: «Сами художники должны теперь взять в свои руки охрану музеев» [Бенуа 2006: 127]. Задача крайне непростая, учитывая продол-

жавшуюся войну, борьбу за влияние в новой России, общую нестабильность в стране. Однако на призыв самопровозглашенной «комиссии искусств» отреагировали оба органа власти, претендовавшие на верховенство в период фактического двоевластия, но отреагировали по-разному.

Через четыре дня в «Известиях Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» наряду с сообщением о таинственном автомобиле, мчащемся по ночам с потушенными фарами по городским улицам, с которого стреляют в людей; воззванием к еврейским рабочим от «Еврейской Рабочей Партии Социал-Территориалистов («С.С.»»); приветствиями со всех концов земли «от колонии в Сан-Франциско» до «мусульман гор. Томска»; разъяснением избирательного права женщин — «На обращение представительниц Общества петроградских женщин-юристок Исполнительный Комитет Сов[ета] Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов] разъяснил, что всеобщее избирательное право, на основании которого будут произведены выборы в Учредительное собрание, распространяется и на женщин»; постановлением об аресте Николая II; манифестом об утверждении конституции «Великого Княжества Финляндского», появилось и знаменитое воззвание об охране дворцов и памятников [Известия. 1917. № 9: 1, 5, 6, 7].

«Воззвание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Граждане, старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу.

Граждане, берегите это наследство, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искусства, берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вашей и предков ваших.

Искусство — это то прекрасное, что талантливые люди умели создать даже под гнетом деспотизма и что свидетельствует о красоте, о силе человеческой души.

Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы — все это ваша исто-

рия, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой вырастает ваше новое народное искусство.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» [Известия. 1917. № 9: 2].

Это первая декларация Советов по охране памятников истории и культуры, провозглашенная еще до Октябрьского переворота.

Временное правительство в лице А.Ф. Керенского ответило созданием организации, получившей название «Художественная комиссия по приемке движимого имущества Петроградских дворцов бывшего Петроградского Дворцового Управления» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1]. **Это несколько корявое и длинное первоначальное название конторы очень любопытно, поскольку указывает на прямую связь с бывшим Дворцовым управлением Министерства императорского двора.**

Уже в октябре 1917 г. в документах фигурирует упрощенное название «Художественно-историческая комиссия при Зимнем дворце» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 22]. Изначально в состав комиссии входили всего несколько человек — В.А. Верещагин (председатель комиссии), Н.Г. Пиотровский и Б.А. Надеждин (члены комиссии), а также им помогал смотритель дворца Н.Н. Дементьев. То, что на должность председателя 1 июля 1917 г. А.Ф. Керенский назначил В.А. Верещагина [Миролюбова 2001: 94], было, безусловно, не случайно.

Василий Андреевич Верещагин (1859–1931) до революции был действительным статским советником, камергером, гофмейстером и членом Совета Академии художеств. С 1903 г. он руководил Кружком любителей русских изящных изданий, являлся одним из основателей Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины [Миролюбова 2001: 94]. Василий Андреевич был также библиографом и библиофилом, одним из издателей и редакторов журнала «Старые годы» [Острой 1991: 176], написал несколько книг на тему искусствоведческой библиографии [Верещагин 1898, 1902, 1908, 1911–1913, 1913]. Будучи люби-

телем старины и бывшим гофмейстером, хорошо знавшим имущество Зимнего дворца, Верещагин прекрасно соответствовал новой должности. Кроме того, определенную роль в выборе именно Верещагина, возможно, сыграл тот факт, что сестра Василия Андреевича была замужем за директором Эрмитажа Дмитрием Ивановичем Толстым.

Одним из помощников Василия Андреевича в Художественно-исторической комиссии стал Н.Г. Пиотровский.

Николай Грацианович Пиотровский родился в 1874 г. в Умани. После окончания Археологического института в Петербурге работал в Киеве у известного искусствоведа Ханенко, для музея которого собирал коллекции, участвуя в экспедициях по Сибири и Дальнему Востоку. Он был почетным членом Санкт-Петербургского Археологического института. С 1914 по 1919 гг. работал над изучением надгробий на русских кладбищах.

Основными задачами членов Художественно-исторической комиссии на этом этапе стали описание, учет и сохранение в первую очередь имущества Зимнего дворца. Это было далеко не просто, поскольку в это время в бывшей императорской резиденции располагались Временное правительство, а также охранявшие его воинские части и юнкера. Как отмечают Г. Миролубова и Л. Тарасова, сотрудники комиссии нашли, что в Зимнем дворце «все было заплевано и загажено, и даже на мраморных статуях висели для просушки полотенца» (цит. по: [Миролубова, Тарасова 2001: 95]). Бывший в это время директором Эрмитажа граф Д.И. Толстой охарактеризовал военную охрану Временного правительства как плохо дисциплинированную, но не буйную: «Вели себя очень непринужденно, курили, плевали на пол, развели порядочную грязь, порой играли в карты, но не буянили и особенно не шумели» (цит. по: [Блинов 1992]). Еще до октябрьских событий, по свидетельству служителей дворца, «были неоднократные попытки некоторых представителей дворцового караула проникнуть ночью в те запертые помещения дворца, в коих хранятся принятые комиссией драгоценности» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 10].

Кроме работы в главном дворце бывшей империи, сотрудники комиссии занимались описанием и фотографированием⁴ имущества Елагиноостровского дворца, Летнего дворца Петра I⁵, Часовни Спасителя на Петроградской стороне⁶ [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–20]. В их обязанности входило только наблюдение за имуществом бывшей царской семьи.

В это же время возникают художественно-исторические комиссии в бывших императорских загородных резиденциях Царском Селе, Гатчине. Эти художественно-исторические комиссии на данном этапе были полностью самостоятельны.

Сложная обстановка в стране вносила постоянные изменения в деятельность только еще формирующихся структур охраны памятников. Осенью 1917 г. Временное правительство, опасаясь наступления немцев на Петроград, предписало художественно-историческим комиссиям приступить к эвакуации ценностей из Петрограда и его окрестностей в Москву. Часть памятников была отправлена, часть упакована, но не отправлена — страну ждали новые перемены.

«26 (ст. ст. — Д.И.) Октября 1917 г., в 11 ч. утра, Председатель Художественной Комиссии при Зимнем Дворце В.А. Верещагин и член Комиссии Н.Г. Пиотровский сделали попытку проникнуть в Зимний Дворец, но не смогли осуществить своего намерения, встретив препятствие со стороны воинских караулов, охранявших Дворец» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 22].

⁴ Фотофиксации памятников уделялось значительное внимание и позднее в 1918–1919 гг. Фотографом Музейного фонда был А.И. Функ [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2), позднее А.И. Гусаров.

⁵ В фотоархиве ИИМК РАН находятся фотографии Летнего дворца Петра I, выполненные фотографами Комиссии [АИИМК РАН. Ф. 4. III. 642. О. 3602.45. 91346 – П6408. О. 3609.60. 913622].

⁶ Часовня Христа Спасителя в домике Петра I.

«27 (ст.ст. — Д.И.) Октября, в 11 часов утра, члены Художественной Комиссии Б.А. Надеждин и Н.Г. Пиотровский были вызваны по телефону военным комендантом Дворца, корнетом Покровским, для участия в осмотре учиненного разгрома, в присутствии Комиссара Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Г.С. Ятманова» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 22].

В дальнейшем Григорий Степанович Ятманов сыграл видную роль в деле охраны памятников и в развитии музеев в Советской России и Советском Союзе. Комиссар, окончивший саратовское Боголюбовское художественное училище [Жуков 2005: 160], писавший до революции иконостас в Новодевичьем монастыре [Бенуа 2006: 510], Ятманов, возглавлял Петроградский (позднее — Ленинградский) Отдел по делам музеев и охране памятников до 1927 г., затем был инспектором музейных учреждений Ленинграда и его пригородов [Жуков 2005: 162]. Петербургский КГИОП считает Г.С. Ятманова одним из своих основоположников [История КГИОП 2015]. Д.И. Толстой, оставивший едкую, несколько даже карикатурную характеристику комиссара, отмечал при этом, что он был неглупым и «производил впечатление человека осторожного, работающего с большевиками, но с оглядкой» (цит. по: [Блинов 1992]).

Для оценки ущерба был приглашен и Александр Бенуа [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 22], смотревший на Ятманова снисходительно, но признававший, что тот был не авантюристом, а человеком честным и преданным делу, хотя и походил на театрального приспешника Пугачева [Бенуа 2006: 189]. Эта примечательная компания из «певца Людовиков» Бенуа [Эрнст 2004: 7], неглупого, но лишенного какого-либо лоска комиссара Ятманова, еще одного комиссара Бернгарда Давидовича Мандельбаума, заведующего бывшей Собственной Его Величества Библиотекой Василия Васильевича Гельмерсена и членов Художественно-исторической комиссии приступила к осмотру дворца. Они не только попытались оценить утраты, но и составили довольно любопыт-

ный список улик, оставленных «посетителями» — два штыка австрийского образца, которыми взламывали помещения; 17 социалистических брошюр, сочинения В. Либкнехта «Пауки и Мухи»; два погона защитного цвета с одной звездочкой; черновик социал-революционной резолюции села Россоши Воронежской губернии на имя А.Ф. Керенского; часть красного знамени с надписью «да здравствует революция»; письмо из Корсуни от 13 октября 1917 г., которое начиналось словами: «Здравствуй Венка», и заканчивалось подписью «Аня» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 25]. Так, осматривая повреждения имущества и здания дворца, члены комиссии встретили Октябрьский переворот, поставивший сразу несколько очень сложных вопросов: сотрудничать ли с новой властью, нужна ли сама Художественная комиссия этой власти, тем более что 30 октября 1917 г. был национализирован Зимний дворец [Музейное дело 2003: 132].

На ноябрьском заседании В.А. Верещагин в присутствии народного комиссара А.В. Луначарского и комиссара Зимнего дворца В.В. Игнатова⁷ заявил, что члены комиссии готовы остаться на своих постах, хотя они не разделяют политические убеждения Советов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 60].

Причем Василий Андреевич не разделял эти убеждения не просто искренне, но и, насколько это позволяли обстоятельства, открыто. Чуть позднее, в декабре 1917 г., Бенуа запишет в своем дневнике о Верещагине: «Бедняга совсем раскис. Он люто ненавидит большевиков. Я догадываюсь, что его служба — главным образом вопрос денег» [Бенуа 2006: 573]. Луначарский не только согласился продлить полномочия комиссии, но и высказал идею об объединении в ее составе всех остальных «Художественных комиссий пригородных к Петрограду местностей» [ЦГАЛИ.

⁷ Василий Васильевич Игнатов (1884–1938) — актер, активный участник революционного движения, о котором А.Н. Бенуа пишет, что «о нем у меня осталась самая смутная память. Мне кажется, он сам был несколько перепуган столь неожиданным для него самого назначением, и держался он, скорее, как-то в стороне» [Бенуа 2006: 191].

Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 61]. Это объединение носило на данном этапе скорее формальный характер, сотрудников было мало, а объем работы — очень большой. Все продолжали заниматься решением конкретных вопросов на местах, проводя иногда совместные заседания.

В ноябре 1917 г. В.А. Верещагин совместно с Петроградским столичным управлением уголовного розыска приступил к поиску похищенных из Зимнего дворца 25–27 октября ценностей. Сыщикам удалось найти коллекцию медалей, украденную из Малой Библиотеки в покоях Александра II, которая была передана на хранение библиотекарю Василию Васильевичу Гельмерсену [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 16. Л. 58, 62].

Судя по ведомости за декабрь 1917 г., штат был незначительно увеличен. Теперь в Художественно-исторической комиссии числились В.А. Верещагин (председатель), Н.Г. Пиотровский (член комиссии, помощник председателя), Б.А. Надеждин (член комиссии, помощник председателя), С.Р. Эрнст (член комиссии), А.А. Труханов (делопроизводитель), М.К. Ясинская (переписчица) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 76]. Появление в комиссии искусствоведа Сергея Ростиславовича Эрнста, по всей видимости, было связано с влиянием Александра Бенуа, с которым Эрнст был очень хорошо знаком. Бенуа называл Эрнста «Казанова всех наших дев» [Бенуа 2006: 213]. Сам Александр Николаевич, являвшийся, по мнению Эрнста, «вождем и кормчим нашего искусства» [Эрнст 2004: 7], принимал участие в заседаниях комиссии исключительно в качестве приглашенного лица, как и другой утонченный эстет, коллекционер Владимир Николаевич Аргутинский-Долгоруков.

Одной из главных проблем в 1917 г. стал «украинский вопрос». А.В. Луначарский, по ходатайству Украинской Рады, решил изъятие из Эрмитажа исторических предметов, относящихся к Гетманской Украине и Запорожью. По мнению народного комиссара, для музея эти памятники не имеют большой культурно-исторической ценности, но их передача имела бы большое политическое значение [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1.

Л. 62–63]. Комиссия выступила резко против такой передачи, указав также на возможные претензии Польши вслед за Украиной [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 80]. О том, что это за столь необходимые Украине реликвии, пишет Д.И. Толстой: «В действительности у нас никаких “регалий” не находилось: была гетманская булава, сомнительной достоверности, приобретенная, кажется, при Николае I, запорожская пушка, несколько запорожских знамен, когда-то найденных в м. Смеле у графа Бобринского и поднесенных им Государю, и еще несколько совсем незначительных предметов» (цит. по: [Блинов 1992]). Однако сама возможность передачи каких-либо предметов из Эрмитажа была воспринята как руководством музея, так и Художественно-исторической комиссией с большой тревогой.

17 ноября (ст. ст. — Д.И.) 1917 г. на совместном заседании Петроградской и Пригородных комиссий (гатчинской, царско-сельской) было принято заявление по поводу возможных перемещений музейных ценностей.

«1. В основе жизни государственных музеев лежит принцип их неприкосновенности (здесь и далее курсив мой. — Д.И.).

2. Среди таких музеев Эрмитаж занимает исключительное место центральной русской сокровищницы мирового значения.

3. Сделавшись отныне неотъемлемым достоянием народа, Эрмитаж имеет своим хозяином весь народ в его целом, выразителем воли которого ныне является Учредительное Собрание.

4. Всякое мероприятие, до отчуждения музейных сокровищ относящееся, хотя бы и вызываемое вескими политическими соображениями, но предвосхищающее волю Учредительного Собрания, является неправомерным» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 65].

Отвечая на претензии Украинской народной республики, поддержанные Лениным и Луначарским, Художественно-истори-

ческие комиссии в 1917 г. четко обозначили недопустимость изъятия предметов из музеев и дворцов и заявили о неприкосновенности государственных музеев.

Важным было и решение новой власти о приостановке эвакуации памятников искусства в Москву, где в ноябре 1917 г. Московский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов также образовал Комиссию по охране памятников искусства и древностей. Первоначально комиссия занималась организацией охраны памятников Кремля и учетом находившихся в нем музейных ценностей. Комиссаром Кремля 26 ноября был назначен Казимир Малевич [Жуков 2005: 41]. В 1918 г. полномочия Московской комиссии были расширены до Москвы, Подмосковья и провинции [Равикович 1988: 21].

Расширение новой музейной структуры, в ведение которой попадали все новые и новые памятники, проходило в условиях продолжавшегося наступления немецких войск на Петроград, начала Гражданской войны, тяжелейшего социально-экономического кризиса, а самое главное — общей неопределенности (стра-на перестала быть прежней, но еще не стала новой — Советской).

Кружок любителей искусства

Зоя. Брось, Аметистов! Где ты шатался семь лет?

Аметистов. Эх, кузина! В девятнадцатом году в Чернигове я отделом искусств заведовал...

Зоя расхохоталась

М.А. Булгаков «Зойкина квартира»

В первые месяцы после Октября, когда официальное письмо могло начинаться словами «Милостивый Государь Народный Комиссар», а подпись включать титул, согласие продолжить работу при новой власти поставило членов комиссии в сложное положение. В одной из петроградских газет появилась статья «Государ-

ственный Художественный Совет», в которой Верещагин был назван «верным слугой большевиков» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 1]. В ответе редактору издания Василий Андреевич написал: «Как я, так и лица, одинаково со мной мыслящие, как например Александр Бенуа, П.П. Вейнер, гр. В.П. Зубов⁸, Г.К. Лукомский⁹, А.А. Половцов¹⁰ и др., продолжаем работать, являясь действи-

⁸ Граф Валентин Платонович Зубов (1884–1969) — представитель одного из самых известных аристократических родов России. Учился сначала в Петербургском университете, потом в немецких университетах. В 1913 г. в Берлине ему была присвоена степень доктора философии. В 1917 г. возглавил Гатчинскую художественно-историческую комиссию. Затем стал директором Гатчинского дворца-музея. В 1925 г. В.П. Зубов уехал из России. В эмиграции продолжил заниматься научной работой. О В.П. Зубове см.: [Семенов 2018].

⁹ Георгий Крескентьевич Лукомский (1884–1952) — художник, критик, историк архитектуры. До революции принимал участие в работе Музея Старого Петербурга. В 1917 г. возглавил Царскосельскую художественно-историческую комиссию. В ноябре 1918 г. уехал в Киев, где возглавил музей, созданный на основе частной коллекции Б.И. Ханенко. Затем перебрался в Крым, в 1920 г. — в Константинополь. Позднее жил в Германии, Франции, Англии. О Г.К. Лукомском см.: [Ботт 2005; Ходасевич 2005].

¹⁰ Александр Александрович Половцов-младший (1867–1944) — дипломат, этнограф и коллекционер. В 1896 г. был командирован Министерством внутренних дел в Ташкент. В это время секретарем Половцова стал другой известный ученый-этнограф Михаил Степанович Андреев. Будучи сотрудником МВД, А.А. Половцов совершил множество поездок по Туркестану и Закавказью. Позднее перешел на работу в Министерство иностранных дел. В 1906–1907 гг. был генеральным консулом в Бомбее. Много сделал для пополнения восточных коллекций Музея художественной школы барона Штиглица. В 1917 г. возглавил эту школу и музей. Был членом Гатчинской художественно-исторической комиссии. В ноябре 1917 г. стал первым директором Павловского дворца-музея. В 1918 г. пешком ушел в Финляндию, откуда отправился во Францию и открыл антикварный магазин в Париже. А.А. Половцову совместно с М.С. Андреевым принадлежит работа по этнографии иранских племен Средней Азии [Андреев, Половцов 1911].

тельно «верными слугами», но не какой бы то ни было политической партии, как утверждает это автор заметки, а тех идеалов, которым мы всегда отводили самое почетное место — идеалов искусства» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 1 об.].

Служить этим идеалам предстояло в условиях, когда сотрудники комиссии не могли угодить никому.

Для красных они — «старые интеллигенты», всецело поддержавшие ходатайство бывшего великого князя Николая Михайловича о выдаче ему некоторых исторических сочинений, необходимых для его изысканий» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 114]. И, вообще, скорее всего, просто стерегут имущество старых хозяев. Возможно, что мнение о «сторожах царского добра» имело основание. Бенуа в дневнике записал, что еще 7 марта 1917 г. услышал от Верещагина первые призывы к восстановлению монархии, и даже лично Николая II [Бенуа 2006: 149].

Для белых они — отступники, сотрудничающие с большевиками, разворовывающими страну: комиссары В.А. Карелин и Ю.Н. Флаксерман вывезли из Зимнего дворца четыре повозки мебели. Сделали они это без согласования с Художественной комиссией, выразившей свой протест [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 23 об.], но мебель уже была увезена и объявлена не имеющей ни исторического, ни музейного значения. А четкого понимания того, что действительно является памятником, не было даже у самих членов комиссии.

Для части творческой интеллигенции они — хранители ветхой старины, мешающей становлению нового самобытного искусства. Обращаясь и к ним в том числе, В.В. Маяковский напишет стихотворение «Той стороне»

«Характер различен.
За целость Венеры вы
Готовы щадить веков камарилью.
Вселенский пожар размочалил нервы.
Орете:
«Пожарных!»

Горит Мурильо!»
А мы —
Не Корнелия с каким-то Расином —
отца, —
предложи на старье меняться, —
мы
и его
обольем керосином».

В январе 1918 г. в газете левых эсеров «Знамя Труда» Александр Блок опубликовал статью «Интеллигенция и революция»: «Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не все потеряет. Дворец разрушаемый — не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, — не кремль. Царь, сам свалившийся с престола, — не царь. Кремли у нас в сердце, цари — в голове. Вечные формы, нам открывшиеся, отнимаются только вместе с сердцем и с головой» [Знамя. 1918. № 122: 3]. Сам поэт подчеркивал: «Считаю долгом оговорить заранее, что я никогда не подходил к вопросу с социологической, а тем более с политической стороны. Тема моя, если можно так выразиться, музыкальная (конечно, не в специальном значении этого слова)» [Знамя. 1918. № 122: 2]. Это выступление Блока было неоднозначно, даже болезненно воспринято многими современниками, тем более что горячих голов, готовых воспринять слова знаменитого и крайне популярного поэта не в музыкальном, а в прямом смысле слова, хватало.

В.И. Ерыкалов позже написал, что они испытывали давление со стороны как собственников, у которых отбирались вещи, так и сторонников уничтожения этих предметов «из ложно понятого принципа разрушения старого» [Ерыкалов 1924: 2]. А. Бенуа в дневнике эмоционально отметит: «Теперь все возможно, вплоть до аутодафе всех Рембрантов или всех религиозных картин» [Бенуа 2006: 555].

В это время вокруг Верещагина собирается группа людей, готовых заниматься вопросами охраны памятников и музейным

делом даже в таких непростых условиях. Причины, по которым большинство из них стало членами Художественно-исторической комиссии, были, по всей видимости, чисто меркантильными: для многих представителей дворянства и интеллигенции работа в различных отделах искусств, музеях становится единственной возможностью выжить в годы военного коммунизма. Так, с 1918 по 1920 г. в Музее Города в Аничковом дворце работала мать «черного барона» М.Д. Врангель¹¹.

В феврале — марте 1918 г. внештатным сотрудником Художественно-исторической комиссии был сын директора Эрмитажа и племянник Верещагина Андрей Дмитриевич Толстой [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 133 об.], сражавшийся потом в рядах Белой гвардии. Уполномоченным-хранителем Морского музея и Музыкального музея в память Александра III Верещагин назначил княжну Елену Александровну Щербатову [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 21].

Служба давала возможность избежать мобилизации в окопные батальоны [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 65], обязательной для них согласно декрету-воззванию СНК «Социалистическое отечество в опасности!»: «В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся — расстреливать» [Декреты 1957: 490–491]. До 15 марта 1918 г. состоял в Комиссии Виктор Борисович Шкловский [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 101]. Их пребывание в Комиссии имело временный, у некоторых даже почти мимолетный характер (Толстой, Щербатова, Шкловский довольно скоро покинут как Комиссию, так и Петроград), но одновременно формировался и состав постоянный из людей, готовых серьезно заниматься сохранением раритетов.

¹¹ Мать известного белого генерала Петра Николаевича Врангеля, а также искусствоведа, сотрудника Императорского Эрмитажа Николая Николаевича Врангеля. С 1918 по 1920 г. работала в Музее города. В октябре 1920 г. на парусной рыбацкой лодке бежала в Финляндию.

К маю 1918 г. Комиссия насчитывала девять человек основного состава и десять человек по дополнительному штату [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1а. Л. 2 об.]. Эти 19 человек составили крайне примечательную группу, объединившую столь неординарных людей, что по крайней мере о некоторых из них следует сказать особо.

Основу этой группы составил своеобразный «кружок», сформировавшийся еще даже не в дореволюционном Петрограде, а в Петербурге вокруг журнала «Старые годы» (одним из издателей и редакторов которого был В.А. Верещагин), Музея Старого Петербурга и художественного объединения «Мир искусства». Членом совета «Музея Старого Петербурга» с 1907 г. был В.Я. Курбатов¹² [Петрова 2014: 297], ставший в 1918 г. членом комиссии «по дополнительному штату». С журналом «Старые годы» были связаны новые сотрудники Н.А. Габилев и П.П. Вейнер¹³, последний также активно участвовал в работе Музея Старого Петербурга. К этому кругу примыкал и первый директор Государственного Эрмитажа С.Н. Тройницкий. В состав комиссии входил художник Вениамин Павлович Белкин, до революции принимавший участие в петроградских и московских выставках «Мира искусства», рисовавший для журналов «Аполлон» и «Сатирикон». В 1918 г. участвовал в выставке современной живописи

¹² Владимир Яковлевич Курбатов (1878–1957) — историк искусства и архитектуры, химик, инженер-технолог. В 1900 г. окончил физико-математический факультет Петербургского университета. С 1909 г. член дирекции Музея Старого Петербурга. Был заместителем директора Музея Города и возглавлял Отдел садово-паркового искусства. Читал в Музее Города бесплатные лекции. Автор нескольких работ по истории Петербурга и пригородов [Курбатов 1912, 1914, 1915, 1925]. Написал книгу о Музее города [Курбатов 1928]. О нем см.: [Аксельрод 1994].

¹³ Петр Петрович Вейнер (1879–1931) — создатель и редактор журнала «Старые Годы» (1907–1916), один из основателей Музея Старого Петербурга. В 1917 г. — член Гатчинской художественно-исторической комиссии. Был выслан на Урал. В 1928 г. вернулся в Ленинград и работал в Эрмитаже. В 1930 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Расстрелян в 1931 г. О нем см.: [Минкина 1997].

и рисунка, в 1919 в Первой свободной выставке произведений искусства в Петрограде.

Особое место в комиссии занимали две женщины— В.А. Гайковская (Нечай-Гайковская), революционерка, примыкавшая сначала к левым эсерам, но вступившая в РКП в дни Октября [Памятник борцам 2014] и ставшая помощником комиссара по охране дворцов, членом комитета по принудительному отчуждению помещений, и А.Н. Армадерева (Якоби), жена Г.А. Армадерева¹⁴, бывшего царского офицера, а затем красного командира.

Наконец особую группу составили несколько новых сотрудников, которые, будучи в старой России коллекционерами и любителями старины, в советское время стали профессиональными музейными работниками, во многом сформировавшими основы современного отечественного музейного дела — М.Д. Филосов, П.П. Вейнер, Ф.Ф. Нотгафт, В.Ф. Левинсон-Лессинг.

Федор Федорович Нотгафт¹⁵ родился 6 июня 1886 г. в Петербурге. После окончания училища св. Петра в 1908 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Примерно в это же время он увлекся коллекционированием живописи [Левинсон-Лессинг 1962: 7]. Это увлечение скоро перерастет в страсть, определившую его дальнейшую судьбу. В 1909 г. он обратился к Б.М. Кустодиеву с просьбой написать портрет его жены Р.И. Нотгафт; так началась дружба художника и коллекционера.

В 1910 г. он познакомился с М.В. Добужинским и А.Н. Бенуа¹⁶. В 1911 г. начинает активно собирать работы К.С. Петрова-Водкина. В 1913 г. Кустодиев написал еще один портрет жены Нотгафта.

¹⁴ Георгий Александрович Армадерева (1888–1956) — выпускник Павловского военного училища (1909 г.), участник Первой мировой войны. В 1918 г. вступил в РККА, один из организаторов ВОХР. В 1941 г. арестован, освобожден досрочно в 1954 г., в 1955 г. реабилитирован.

¹⁵ В документах Художественно-исторической комиссии его фамилия записана как Нотгафт.

¹⁶ Именно А.Н. Бенуа, стоявший у истоков Художественно-исторической комиссии, приведет в нее на работу Ф.Ф. Нотгафта.

В качестве сотрудника комиссии он принимал участие в создании Строгановского дворца-музея, по которому, совместно с К.В. Тревер, написал путеводитель [Строгановский 1922]. В январе 1919 г. поступил на должность хранителя отделения французского и английского искусства в Эрмитаж. Занимался отбором картин для Эрмитажа в Музейном фонде и загородных дворцах [Левинсон-Лессинг 1962: 8]. С 1919 по 1921 г. — секретарь художественного отдела Ленинградского дома искусств, где организовывал выставки Б.М. Кустодиева, К.С. Петрова-Водкина. В 1921–1923 гг. — секретарь общества «Мир искусства» и устроитель его последних выставок, а также один из учредителей издательства «Аквилон» [Левинсон-Лессинг 1962: 11]. Это издательство отличалось изданием книг небольшими тиражами, доступной ценой и сотрудничеством с прекрасными художниками-иллюстраторами. В нем выходят табель-календарь на 1922 г. с литографиями Кустодиева, «Белые ночи» Достоевского, «Бедная Лиза» Карамзина, «Скупой рыцарь» Пушкина с иллюстрациями Добужинского и т. д. В 1925 г. **Ф.Ф. Нотгафт возглавляет художественную часть ленинградского отделения Госиздата** [Левинсон-Лессинг 1962: 11]. Федор Федорович умер в блокадном Ленинграде в 1942 г. После его смерти собранная им коллекция поступила в Эрмитаж.

В 1918 г. в Комиссии по охране памятников **Ф.Ф. Нотгафт** познакомился с другим ее сотрудником, В.Ф. Левинсон-Лессингом.

Владимир Францевич Левинсон-Лессинг родился 2 марта 1893 г. в городе Юрьев (Тарту, Эстония) в семье профессора Юрьевского университета. В 1902 г. Левинсон-Лессинги переехали в Петербург. В 1916 г. Владимир Францевич закончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Музейную деятельность начал в 1918 г. в Комиссии по охране памятников, продолжил в 1919 г. в Русском музее. В 1921 г. пришел на работу в Эрмитаж, в котором проработал до конца своей жизни [Кантор 2003: 183]. С 1924 по 1926 г. совмещал работу в Эрмитаже с должностью хранителя Ораниенбаумского дворца-музея. В 1928–1933 гг. был членом экспертно-закупочной комиссии при

объединении «Антиквариат». С 1936 по 1938 г. он был также научным сотрудником Научно-исследовательского института живописи, скульптуры и графики Академии художеств. В 1938 г. ему по совокупности работ была присуждена степень кандидата исторических наук. В годы войны он возглавлял филиал Эрмитажа в Свердловске, куда были отправлены основные коллекции музея, а в 1945 г. руководил их реэвакуацией. С 1956 г. — заместитель директора Эрмитажа по научной работе. В.Ф. Левинсоном-Лессингом написана «История Картиной галереи Эрмитажа» [Левинсон-Лессинг 1985]. Скончался в 1972 г. и похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища в Петербурге.

Это были не просто люди одного круга, это были люди одного «кружка» дореволюционных собирателей и любителей искусства и старины.

11 мая 1918 г. члены Комиссии решили выделить часть сада Зимнего дворца под площадку для детского сада на Галерной 25 [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1а. Л. 21]. Это было одно из их первых решений в условиях военного коммунизма.

В условиях военного коммунизма 1918–1920

Большевистская Россия является раем для искусства и музеев. Там, может быть, и нет хлеба, но русский пролетарий утоляет свой голод Бетховеном и проводит свои ежедневные духовные обеды и ужины во дворцах и музеях. К сожалению, у меня нет непосредственной информации из России, которая могла бы мне проверить эти утверждения.

М.И. Ростовцев. «Русское искусство и большевики»

В Петрограде стояли пустующие, покинутые прежними владельцами дворцы и особняки. 23 февраля 1918 г., в день создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Н.Г. Пиотровский предло-

жил на зданиях, имеющих историческое значение, наклеивать специальные плакаты [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 20 об.]. А что делать с оставленным в этих домах имуществом? И кому оно теперь принадлежит? Комиссия решила по возможности оставлять художественные ценности у частных лиц, если таковые еще проживали по своим дореволюционным адресам, выдавая им охранные свидетельства [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 19 об.].

2 марта 1918 г. заявления с просьбами поставить дома на охрану подали профессор Петроградского археологического института Н.П. Лихачев и Т.П. Мятлева [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 62]. 30 апреля Н.Г. Пиотровский был назначен хранителем библиотеки и музея древней письменности профессора Лихачева. Парадная часть дома Мятлевых будет передана Музее Старого Петербурга [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 6], а затем Отделу Изобразительный искусств Наркомпроса¹⁷.

Сложнее было с дворцами, оставленными хозяевами. Их либо опечатывали, либо изымали и перевозили ценности в Бюро (склады.—Д.И.) комиссии, находившееся в Зимнем дворце, а иногда сразу передавали музеям [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 19 об.]. За год было выдано 250 охранных грамот, а на склады отправлено свыше 8000 предметов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 20].

10 марта 1918 г. с расположенной на окраине Петрограда станции «Цветочная» в Москву отбыл поезд с членами советского правительства. В первопрестольной в это время вокруг охраны па-

¹⁷ Созданный 22 мая 1918 г. Отдел искусств Наркомпроса сразу же попытался получить для себя какой-нибудь из петроградских особняков. Сначала попробовали внести перемены в составе управления Строгановского дворца [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1а. Л. 4], однако Музейному фонду удалось отстоять его за собой. В 1919 г. Отделу Изобразительных искусств, членом Художественной коллегии которого был Казимир Малевич, достался дом Мятлевых на Исаакиевской площади [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 33]. В 1921 г. левыми художниками в нем был организован Музей художественной культуры, а после переезда в Петроград Малевича с группой учеников — Государственный институт художественной культуры, ставший одним из центров русского авангарда.

мятников разворачивалась борьба группы Грабаря и комиссии из художников-передвижников (С.Ю. Жуковского, В.Н. Мешкова). Грабарь, по утверждению автора обстоятельного доклада «О положении дел охраны в Москве», написанного для Художественно-исторической комиссии при Зимнем дворце, обвинял передвижников в халатности, по которой произошло разграбление патриаршей ризницы [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 149]. Автор письма увидел «со стороны комиссии много доброй воли в охране частных коллекций и вообще много прекрасных начинаний, но полное не умение взяться за дело и бесконечное московское разгильдяйство» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 149 — 149 об.].

28 мая 1918 г. организован Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины [Равикович 1988: 22]. Во главе этого Отдела встала революционерка Н.И. Седова-Троцкая [Музейное 2003: 131], жена Л.Д. Троцкого, во многом определившая становление и развитие музейного дела, охраны памятников, общего отношения к культурно-историческим артефактам в Советской России и СССР. Ниже мы будем еще несколько раз обращаться к ее программной статье «Музейное строительство и революция», опубликованной в 1926 г. Седова-Троцкая — ключевая фигура начинавшегося процесса превращения в музеи дворцов и храмов, а также массового перемещения экспонатов.

Уже в июне была определена новая цель работы — «сосредоточение художественного и исторического имущества как национального достояния в руках государства» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 2]. С этого момента начинается формирование Государственного музейного фонда, который будет вовлечен во все процессы охраны памятников и музейного строительства, от осмотра кладбищ и фотосъемки примечательных исторических надгробий¹⁸ [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 3] до работы с антикварами и перераспределения художественных ценностей.

¹⁸ В Архиве ИИМК РАН имеются негативы некрополей [АИИМК П 5908.Q30.56. 90678 – П 6350.91287], выполненные фотографами Музейного фонда.

18 июня 1918 г. был сформирован Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РСФСР, который возглавил А.В. Луначарский. При Наркомпросе организована Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины [Равикович 1988: 21]. Членами коллегии стали И.Э. Грабарь¹⁹, хранители Румянцевского музея²⁰ Н.И. Романов и Т.Г. Трапезников, сотрудник Третьяковской галереи Н.Г. Машковцев. В борьбе с передвижниками победила группа Грабаря, бывшего к тому же в хороших отношениях с Н.И. Седовой-Троцкой. Вопросы охраны культурных ценностей и музейного дела теперь находились в ведении Наркомпроса, а Художественно-историческая комиссия в 1918 г. стала называться Художественной комиссией по охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР.

Советское правительство рядом постановлений четко указало, что произведения искусства, у кого бы они ни находились, отныне являются собственностью государства.

19 сентября В.И. Лениным подписан Декрет о запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения [Рупасов 2012: 35]. Экспертная оценка вывозимого антиквариата была возложена на Художественную комиссию, которая в 1918 г. дала 45 разрешений, отказала в двух ходатайствах, задержала 48 картин [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 13].

10 ноября в «Северной Коммуне» был опубликован декрет об обязательной регистрации частными лицами художественных ценностей. Учет имевшихся памятников производился уже не только во дворцах, большинство из которых было брошено вла-

¹⁹ Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) — художник, искусствовед, музейный деятель, действительный член АН СССР (1943), действительный член Академии художеств СССР (1947).

²⁰ Один из крупнейших музеев России XIX — первой четверти XX в. Сформировался на основе коллекции графа Н.П. Румянцева (1754–1826). Сначала располагался в Петербурге, в 1861 г. был переведен в Москву. Ликвидирован в 1924 г. О судьбе коллекций Румянцевского музея см. ниже.

дельцами, он начал носить всеобщий характер, коснувшись всех частных собраний. С 1918 г. сотрудниками проводилось планомерное обследование Петрограда по районам с целью выявления предметов, представлявших художественную ценность. Город был поделен на семь районов, каждый из которых курировал Уполномоченный [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 44].

В ноябре 1918 г. Художественная комиссия в Петрограде была переименована в Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины, которым установлен надзор над антикварным рынком [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 2]. Возглавил Отдел народный комиссар В.И. Ерыкалов. Василий Иванович Ерыкалов — фигура загадочная. На данный момент мы даже не можем привести точные даты его жизни, хотя он занимал руководящие посты с ноября 1917 г., в марте — октябре 1918 г. был комиссаром Аничкова дворца, с 1918 по 1925 г. возглавлял Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда.

Любопытно также, что, являясь заведующим Отделом по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины, В.И. Ерыкалов редко председательствовал на многочисленных заседаниях Отдела. Обычно вели заседания либо Б.А. Надеждин, либо М.Д. Философов. Можно только достаточно уверенно сказать, что Ерыкалов был «новым» человеком, чья административная деятельность началась после Октябрьского переворота. В то же время большинство сотрудников составляли «старые» кадры, а В.А. Верещагин продолжил работу в Отделе уже в качестве эксперта.

23 января 1919 г. уполномоченным по учету антикваров и коммиссионных контор был назначен В.С. Спирин [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 8 об.].

10 февраля было принято решение: «1) Предложить всем зарегистрировавшимся антикварам: а) предоставить в двухнедельный срок списки имеющихся у них художественных ценностей и списки купленных и проданных ими в период с 10 ноября (день выхода декрета об обязательной регистрации. — Д.И.); б) вести

впредь книги покупаемых и продаваемых предметов художественно-исторического значения с кратким описанием вещей и указанием лиц, продающих и покупающих эти предметы и их адресов. 2) Сообщить районным комендатурам не зарегистрировавшихся антикваров, с предложением опечатать их магазины» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 14].

Петроград превращался в огромный антикварный рынок. Иногда продавали сами хозяева, вынужденные к этому голодом, иногда воры и мародеры. **Ситуация усугублялась тем, что значительное количество квартир, домов, особняков стали занимать разные учреждения.** В лучшем случае их руководители ультивативно требовали перемещения произведений искусства. 3 февраля 1919 г. Коммунистическая фракция 6-го Латышского стрелкового полка потребовала немедленно освободить от художественных ценностей квартиру Капниста в доме № 12 по Английской набережной, предназначенную для нужд клуба фракции [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 12]. В худшем — они весьма вольно распоряжались доверенными им раритетами. **Когда было принято решение о передаче ковров с дачи Фаберже, вывезенных ранее в помещения уездного Совдепа, Русскому музею, выяснилось, что ковры придется разыскивать** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 27]. **Зачастую крупногабаритные экспонаты просто невозможно было вывезти.** Так, в ноябре 1919 г., в связи с занятием дома Шарлье на Полюстровской набережной Пролеткультом, легко перевозимые предметы были доставлены в Музейный фонд, а большой гобелен было решено оставить на хранение тому учреждению, которому передан дом [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 45 об. — 46].

Значительное количество подлинных шедевров было спрятано бывшими владельцами в тайниках или упаковано и оставлено в самых неожиданных местах, но расположенных, по странному стечению обстоятельств, чаще всего рядом с железнодорожными станциями.

25 февраля 1919 г. эксперт А.С. Замков и уполномоченная Е.П. Тераевич осмотрели на складах Николаевской железной

дороги на станции Охта — Навалочная пять ящиков, сданных Российским Транспортным Обществом для отправки в Ростов-на-Дону и оставшихся не востребованными. В ящиках оказались картины, предположительно кисти Ван Дейка (Распятие), Мурильо²¹ (св. Антоний), Айвазовского (Бурный день)²², а также Френца, Стефановского и неизвестного художника [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 263. Л. 3]. На обороте первых двух картин имелись наклейки «Е.И.В. Георгия Максимилиановича» (Его Императорского Высочества Георгия Максимилиановича, 6-го герцога Лейхтенбергского. — Д.И.) и штемпель в виде кружка с короной и инициалами «Г.М.». На одной из картин Айвазовского была табличка с надписью на английском языке о том, что картина написана Айвазовским и принадлежит великой княгине Александре Петровне [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 263. Л. 3]. Осмотр был проведен в сильный мороз, в слабоосвещенных складских помещениях, поэтому служащие отметили, что произведения нуждаются в повторной экспертизе [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 263. Л. 3].

15 марта 1919 г. В.Л. Драке доложил об этой находке на заседании Отдела, указав, правда, что холсты происходят из коллекции великого князя Георгия Михайловича [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 23].

В феврале 1920 г. собрание Шехтмана было обнаружено на складах Черниговских холодильников²³ [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 81. Л. 7].

Мародерство и кражи, начавшиеся в 1917 г., продолжались и в годы военного коммунизма, несмотря на весьма эффективные действия ЧК и революционных трибуналов. Еще согласно «Декрету о суде» от 22 ноября 1917 г. мародерство и хищничество, наравне с саботажем и контрреволюцией, передавались на

²¹ В тексте документа Мурелос.

²² Видимо, была еще одна картина Айвазовского.

²³ Склады Хладкомбината № 1 на Черниговской улице рядом с железнодорожной станцией «Бадаевская». «Черниговский холодильник» под названием «Холодильник “Б”» функционирует до сих пор.

рассмотрение революционным трибуналам [Декреты 1957: 125]. Уличная торговля из-под полы дворцовым имуществом отражена у А.М. Ремизова:

«Навстречу солдат — столкнулись глазами. Солдат приостановился.

— Не хотите ли купить, товарищ, хорошая вещь, — наклонился, шепчет: — из дворца!» [Ремизов 2000: 183].

27 марта 1919 г. Отдел направил в ЧК обращение о розыске картин, похищенных из квартиры И.П. Балашева [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 27]. В этом же месяце **Верещагин остановил** продажу полотен кисти Рокотова и Венецианова в аукционном зале (Мойка, 61).

Сотрудниками Отдела в галерее Ауэра был обнаружен рисунок «Греза», похищенный из библиотеки Академии художеств. Рисунок был возвращен на место, а перед руководством Академии поставлен вопрос о степени охраны библиотеки [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 13].

24 апреля хранитель музея при Первом Кадетском корпусе сообщил, что неизвестные взломали печать Отдела; часть похищенного обнаружена в Коллективе Коммунистов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 33 об. — 34]. **Большое количество ценностей** попадало на аукционы города, поэтому было решено обязать комиссионные конторы оповещать Отдел для предварительной экспертизы произведений, выставляемых на торги [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 31 об.].

Разворовывали прямо на глазах сотрудников. 2 октября 1919 г. уполномоченный М.И. Михайлов доложил о злоупотреблении рабочих, присваивающих себе различные предметы во время работ по переноске и вывозу вещей [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 32 об. — 33].

В самом Бюро также случались повреждения произведений искусства: однажды был порван портрет кисти Брюллова. Этот случай стал поводом к новому постановлению: ответственность

за сохранность предмета несет сотрудник, производящий опись, а за экспонаты в целом — заведующий Бюро [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 37 — 37 об.]. Разработали также правила приема новых работников:

«а) новые служащие Отдела принимаются всегда на испытание, обычно на две недели. В случае необходимости срок испытания может быть продлен постановлением Совета;

б) в случае отрицательного отзыва о принимаемом со стороны хотя бы одного из участвующих в заседании Совета прием на испытание проводится закрытой баллотировкой;

в) окончательный прием (после испытания) производится всегда закрытой баллотировкой» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 34 об.].

14 марта 1919 г. по прошению был принят на службу В.А. Беклемишев [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 22 об.], 10 апреля экспертом по оружию утвержден И.П. Бачманов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 32].

В 1918 г. скульптор князь Сергей Александрович Ухтомский, проживавший в своем имении Звана (Званка) Весьегонского уезда Тверской губернии, был арестован ЧК. Выкупив себе свободу изготовлением гипсового бюста Карла Маркса [Ларин 2013], молодой скульптор, учившийся в Париже у Родена, приехал в Петроград, где поселился в «Доме искусств» (ДИСК) и устроился на службу в Отдел по охране памятников. Сергей Александрович был женат на Евгении Павловне Ухтомской (Корсаковой), занимавшейся переводами для известного петроградского издательства «Аквилон», соучредителем которого был Ф.Ф. Нотгафт, перешедший вместе с Эрнстом и Левинсоном-Лессингом в 1919 г. на работу в Эрмитаж [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 18 об., 21].

Увеличение объема работ и их разнообразие потребовали образования в Отделе пяти секций:

1. Архитектуры и церквей.

2. Живописи, скульптуры и прикладного искусства.
3. Библиотек и архивов.
4. Охраны и регистрации имущества в национализированных домах.
5. Охраны памятников вне Петрограда (Иногородняя) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 17].

Позднее, летом 1920 г., в составе Отдела появилась новая (шестая) секция — садово-парковая [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 60].

Основная работа по отбору, описанию и распределению раритетов легла на вторую секцию — «Живописи, скульптуры и прикладного искусства», которой до февраля 1919 г. руководил В.П. Зубов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 20 об.].

2 мая 1919 г. в Петрограде было объявлено военное положение. С территории Эстонии начиналось наступление Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича, поддерживаемое эстонскими частями и британским флотом. В результате весеннего наступления к началу июня войска Юденича вышли на подступы к Луге, Ропше, Гатчине, Красному Селу. 13 июня восстали гарнизоны форта «Красная Горка» и батареи «Серая Лошадь», но уже к 16 июня совместными действиями кораблей Красного Балтийского флота и береговых отрядов восстание было подавлено [Пухов 1939: 47–53]. Бунт морских крепостей привел к массовым арестам в Петрограде участников контрреволюционного подполья и изъятию агентами Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем большого количества боеприпасов.

15 июля начальник Внутренней Обороны Петрограда сообщил, что все оружие у частных лиц будет реквизироваться, охранные свидетельства Отдела памятников больше не действуют и все художественно-историческое и этнографическое оружие должно быть перевезено в музеи [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 302. Л. 3]: начиналась массовая экспроприация старинного оружия. В это время в Музей антропологии и этнографии от чекистов поступает значительное количество японских мечей, персидских

и турецких сабель, малайских крисов²⁴ и т. д. К 1920 г. экспертами будет осмотрено около 23 000 единиц оружия, вывезенного в Петропавловскую крепость и на Гороховую, ²⁵ [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 62]. Отдел по охране памятников имел своего постоянного представителя при Петроградской ЧК. В 1919 г. им был скульптор Густав Иванович (Янович) Скильтер [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 48 об.]. ЧК предоставляла сотрудникам Отдела для осмотра имущество занятых квартир [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 62]. Совместно с чекистами обследовались здания посольств и миссий [ЦГАЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 397. Л. 62 об.].

Это взаимодействие не всегда было успешным для Музейного фонда. 11 декабря 1919 г. уполномоченный по Адмиралтейскому району М.И. Михайлов сообщил, что агентами ЧК конфисковано художественное серебро в доме Балашова. Правление Отдела поручило своему представителю при ЧК срочно запросить выдачу серебряных вещей. На полях этого документа имеется приписка: «Серебро от Чрезвычайной Комиссии получить не удалось, по сообщению ЧК, серебро вывезено из Петербурга» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 48 об.].

12 августа в Ревель из Гельсингфорса прибыл генерал Юденич [Корнатовский 2004: 275], назначенный Колчаком Главнокомандующим всеми русскими сухопутными, морскими вооруженными силами против большевиков на Северо-Западном фронте. Началась подготовка второго похода генерала Юденича на Петроград.

24 августа в Петрограде открылась Первая буддийская выставка, подготовленная видными востоковедами С.Ф. Ольденбургом²⁶

²⁴ Поступившее в МАЭ холодное оружие было разделено в музее по региональному принципу на восемь коллекций (№ 2718, 2719, 2720, 2721, 2723, 2724, 2729, 2753). См. Приложение 2.

²⁵ Адрес Петроградской ЧК.

²⁶ Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) — востоковед, индолог, Действительный член Академии наук (1908). С 1904 по 1929 г. — непрерывный секретарь Академии наук. В 1916 г. возглавил Азиатский музей. В 1917 г. был министром Народного просвещения Временного

и О.О. Розенбергом²⁷. Осенью во время наступления Юденича в буддийском храме в Петрограде была расквартирована воинская часть. Храм был разгромлен и разграблен. Похищены все серебряные и позолоченные предметы, разбита статуя Большого Будды²⁸ [Андреев 1992: 28].

20 октября Юденич взял Павловск и вышел на подступы к Петрограду. В городе большевиками объявлена всеобщая мобилизация. Многие сотрудники Отдела были призваны в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, сражаться с белогвардейцами отправились минимум 12 человек. Впрочем, работа в Отделе давала возможность избежать участия в боевых действиях: так, в отношении библиографа А.А. Войтова возбудили ходатайство об освобождении от службы в РККА [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 26].

Другие в буквальном смысле рвались в армию. Бывший комендант дворцов и сотрудник Отдела В.А. Гайковская служила агитработником на северо-западном фронте и одновременно трудилась на железной дороге, занимаясь ремонтом путей [Памятник борцам 2014]. В конце октября на Пулковских высотах шли ожесточенные бои за Петроград. 23 октября в связи с тревожным положением на фронте пришлось установить особое наблюдение за Зимним дворцом силами сотрудников [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 38].

30 октября чекисты арестовали В.А. Верещагина в качестве заложника. Правление Отдела обратилось к Луначарскому с ходатайством об освобождении Верещагина, официальное письмо

правительства. С 1918 г. активно сотрудничал с Советской властью. С 1930 по 1934 г. возглавлял Институт востоковедения АН СССР. Об Ольденбурге см.: [Каганович 2006].

²⁷ Оттон Оттонович Розенберг (1888–1919?) – востоковед, буддолог, приват-доцент Петроградского университета. О Розенберге см.: [Игнатович 1991].

²⁸ В послереволюционной судьбе буддийского храма в Петербурге также принимал участие Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины (Музейный фонд). См.: [Иванов 2014: 26–35].

было отправлено и в ЧК. Но судьба Верещагина и других заложников решалась не на Гороховой, а под Ропшей, Гатчиной, Лугой. В конце октября части Красной Армии перешли в контрнаступление, 7 ноября отряды РККА заняли Волосово, а белые отступили на свои летние позиции под Ямбургом. 7 ноября Верещагин был освобожден [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 40].

Эпидемии, голод и холод оказывали влияние на все стороны жизни оголодавшего, замерзающего города: «Холод, стоящий в театрах, действует убийственно на сборы. Некоторые театры, как например “Привал комедиантов”, для успокоения публики стали печатать в объявлениях температуру зрительного зала» [Бирюч 1919. № 9: 28]; «Был месяц, когда все ели одну капусту, — это было осенью, когда наступал Юденич. Был месяц, когда все ели картофельную шелуху» [Анненков 1991. Т. 1: 29]. 13 ноября Н.Г. Пиотровский выступил с докладом о резком повышении цен и крайне тяжелом положении служащих [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 43 об.]. От тифа умерла сотрудница иногороднего отдела И.И. Коронина [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 16 об.].

Несмотря на бодрые заверения газеты «Северная Коммуна» («Для красного Петрограда идет успешная заготовка хлеба в Рыльском уезде, Курской губ. Крестьяне охотно отдают даже свои пайки. Уполкомпродсевоб и руководитель экспедиции по заготовке хлеба Сахарев» [Северная 1919. № 38: 4]), положение с продовольствием в городе было катастрофическим. Та же «Северная коммуна» сообщала, что «взрослому населению и детям всех возрастов на вторую половину февраля будет выдано: I категории рыбы 2 фунта (русский фунт — 409,5 грамма. — Д.И.), II категории 1 фунт» [Северная. 1919. № 38: 3].

Театральный журнал «Бирюч» писал: «13 декабря в Мариинской больнице умерла от отравления артистка частных театров Л.Д. Симонова <...> как говорят, решила на самоубийство под влиянием голода. Самоубийца оставила после себя малолетнюю дочь. Покойной было 24 года» [Бирюч. 1919. № 9: 29].

В отчетах о работе Музейного фонда за этот период говорится, что сотрудникам Отдела приходилось иногда вырубать пред-

меты изо льда в промерзших пустующих помещениях [ЦГАЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 397. Л. 125 об.].

Количество трупов было таким, что не хватало даже «гробов напрокат». Это привело к тому, что Петросоветом было принято решение о начале строительства первого в городе крематория. Причем к этому вопросу подошли творчески. Художник Юрий Аненнков писал, как управляющий делами комиссариата Петросовета Б.Г. Каплун предложил ему в 1919 г. нарисовать обложку рекламной брошюры, в которой говорилось, что «сожженным имеет право быть каждый гражданин» [Аненнков 1991. Т. 1: 93]. Эта идея привлекала также новое руководство города своей очевидной революционностью, разрывом с традициями, явным вызовом церкви. Кремацию поддерживали Ленин и Троцкий. Последний даже предложил вождям революции подать пример и завещать сжечь свои трупы [Шкаровский]. Строить крематорий планировалось на территории Александро-Невской лавры.

К этому важному в жизни города, но далекому, на первый взгляд, от искусства делу о строительстве крематория имел самое непосредственное отношение Отдел по охране памятников. Причем отношение двоякое. Автором одного из проектов крематория стал архитектор Ной Троцкий, в будущем зодчий «Большого Дома» и «Дома Советов», на тот момент штатный сотрудник Отдела, а руководство Отдела выступило категорически против постройки крематория в саду Александро-Невской лавры [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 55]²⁹.

В конце 1919 г., после освобождения из ЧК и, по всей видимости, осознав полный провал наступления белых на Петроград, Верещагин уехал за границу. Находившиеся у него дома художественные ценности и библиотека были сданы на ответственность

²⁹ Строительству крематория на территории монастыря помешали в первую очередь финансовые трудности. В результате первый в городе крематорий был организован на Камской улице на Васильевском острове (об истории кремации в Петербурге см. [Шкаровский]).

вселенному в квартиру Г.С. Семенову [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 81. Л. 9 об.].

22 января 1920 г. приказом Юденича была ликвидирована Северо-Западная армия — непосредственная угроза красному Петрограду миновала. После окончания боев 10 февраля 1920 г. 7-я армия РККА преобразована в Трудовую армию. В начале этого года В.А. Гайковская в разгар эпидемии сыпного тифа назначается военным комиссаром транзитного госпиталя. В конце марта 1920 г. бывший сотрудник Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины сгорит от сыпного тифа за несколько дней [Памятник борцам 2014].

В жизни Музейного фонда в это время произошло важное событие: под склад, или Бюро фонда, выделили большое помещение в Ново-Михайловском дворце [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 73 об.], который станет главным хранилищем Петроградского Отдела. Ранее все изъятые художественные ценности поступали в «Старое Бюро» в Зимнем дворце [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 113]. Выделение нового помещения не означало ликвидацию старого: склады Музейного фонда в Зимнем дворце еще долго продолжали работать. В Бюро было вывезено 10 000 артефактов, непосредственно в Эрмитаж более 2000 предметов³⁰, а в Русский музей 1900. Все возраставшие объемы поступающих раритетов требовали составления справочника [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 397. Л. 1. Д. 74] и позволили организовать Показательную выставку Отдела музеев и охраны памятников [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 397. Л. 1. Д. 80].

Библиотечной секцией была установлена охрана над исключительно ценным архивом Абамелек-Лазарева [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 65]. Зарегистрировано до 25 000 книг, альбомов, рисунков, рукописей — архив Воронцовых, Перовских (с рукописями А.К. Толстого), грамоты XVI–XVIII веков [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 20 об.]. На полу в покинутой квартире собраны

³⁰ 4 августа 1920 г. в Эрмитаже состоялся доклад хранителя Мацулевича о коптских тканях, поступивших из Музейного фонда [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 63].

письма Г.Р. Державина, часть архива Воронцовых извлечена из подвала с земляным полом [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 65].

Количество и ценность экспроприированных памятников были таковы, что позволяли их демонстрировать как главные достижения Советской власти в Петрограде: в конце декабря в Москве на VIII Всероссийском съезде Советов на выставке Петросовета были представлены экспонаты Музейного фонда [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 8 об.].

На 1 января 1921 г. в Петроградском Отделе работало 139 человек, из них один коммунист [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 80]. По всей видимости, этим единственным безымянным партийцем был заведующий Музейным фондом В.И. Ерыкалов.

В годы НЭПа 1921–1925

Но, с другой стороны, рассуждая материально, сейчас не девятнадцатый год. Это понимать надо.

Это в девятнадцатом году не то что без телефона обходились — не жравши сидели, и то ничего.

М. Зоценко «Телефон»

В 1921 г. в составе Наркомпроса было сформировано Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука), а интересующая нас организация с ноября 1921 г. — **Государственный музейный фонд Петроградского (затем Ленинградского) отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР**, однако старое название Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины также продолжало использоваться. Секцию живописи, скульптуры и прикладного искусства возглавлял М.Д. Филосовов. Библиотечную секцию — Б.А. Надеждин [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 16 об.]. **Национализированными домами-музеями** руководил Н.Г. Пиотровский.

14 апреля на должность заведующего первым сектором был утвержден архитектор Л.А. Ильин³¹. Несмотря на эмиграцию Верещагина, в Петроградском Музейном фонде продолжал преобладать его «кружок», одним из дореволюционных центров которого был Музей Старого Петербурга. Более того, в ноябре в штат Музейного фонда были зачислены другие служащие Музея Города, ответственные за художественно-историческое имущество Аничкова дворца: хранитель Исторических комнат В.К. Клигенберг, заведующий имуществом исторических комнат С.Е. Бабенко, сторожа — Акулов, Комаров, Спиридонов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 65]. В 1920-х годах в Музейном фонде работала архитектор, ученица Ильина, много с ним впоследствии сотрудничавшая, Дагмара Рудольфовна Бетлинг-Кольбе [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 154. Л. 28].

Архитектурной секцией Фонда проводился постоянный осмотр зданий, требовавших по своему положению особого внимания или находившихся в угрожающем состоянии [Ерыкалов 1924: 4]. Иногда сотрудникам фонда приходилось указывать служащим самых различных учреждений, расположившихся в бывших особняках, на необходимость сохранности зданий.

3 марта Уполномоченному В.П. Полянскому поручили довести до Отдела ЧК, занимавшего дом Умновой³², о необходимости соблюдения ими правил охраны архитектурных памятников и о недопустимости колки дров на парадной лестнице [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 13 об.].

³¹ Лев Александрович Ильин (1880–1942) — архитектор, до революции был членом комитета Музея Старого Петербурга, с 1918 по 1928 г. директор Музея Города. Был одним из основателей в 1923 г. Музея оживающего культа. Создатели этого музея пытались сохранить в нем изымаемое из храмов церковное имущество. В 1941 г. избран Членом-корреспондентом Академии архитектуры СССР. Об Л.А. Ильине см.: [Бусырева 2000].

³² Дом Умновой (наб. Лейтенанта Шмидта, 5) был построен в 20-е годы XVIII в. Перестроен в 1816 г.

Архитектурная секция занималась и исследовательской работой: по материалам архива Гренадерского полка ее сотрудники выявили «тайный домик Екатерины II на Петербургской наб., 20» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 30].

В начале 1920-х годов в сферу интересов Музейного фонда вошла археология — для подготовки материалов по организации при Отделе охраны Секции охраны мест археологических исследований. 26 апреля 1921 г. была принята на должность сотрудницы 1-го разряда Мария Александровна Спицына [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 24]. Руководство Музейного отдела Наркомпроса в лице Седовой-Троцкой уделяло значительное внимание археологическим памятникам: «Отмена частной собственности на памятники и предметы археологии, вносившие в прошлом элемент случайности в выбор памятников для исследования, а также широкое развитие в настоящее время краеведческой работы на местах создали возможность перехода к широким плановым и коллективным археологическим исследованиям, позволяющим заменить “охоту за вещами” систематическим научным освещением вопросов. Одной из задач М.О. (Музейный отдел. — Д.И.) ставит себе развитие инструктирования местных научных работников в методологии археологических изысканий» [Троцкая 1924: 238].

Продразверстка времен военного коммунизма, конфискация у крестьян лошадей в ходе Гражданской войны, засуха привели к страшному голоду, охватившему Поволжье, Украину, Урал, Западную Сибирь в начале 1920-х годов. Советское правительство было вынуждено обратиться за помощью к иностранным государствам и организациям. Для борьбы с голодом летом 1921 г. была создана Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) под председательством М.И. Калинина. Помголом был найден новый источник пополнения государственной казны для закупки продовольствия за рубежом — церковное имущество.

23 февраля 1922 г. вышел декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся у групп верующих». Музейный фонд совместно с комиссией Помгола приступил к осмотру памятников в Новгороде, Пскове, Кириллове, Тихвине, Петро-

заводске и других местах [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 6]. С 7 марта по 7 августа в Петрограде обследовали до 280 церквей с целью выявления культовых предметов из драгоценных металлов. Лучшие артефакты (около 3000 памятников музейного значения) передали в Эрмитаж, где они экспонировались на специальной выставке [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 6].

Драматическая история, связанная с попыткой сопротивления этой конфискации, наказанием за это и борьбой за художественные произведения, изложена в одном из документов Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук, относящихся к Пушкинскому Дому. При чтении этого документа бросается в глаза большое количество помарок, опечаток и исправлений, сделанных известным публицистом и литературным критиком Нестором Котляревским. Письмо явно начинали несколько раз писать заново просто поверх старого текста:

«31 ноября 1922 г.

№ 310

В Ревтрибунал

Постановлением Ревтрибунала от 5-го Июля 1922 г. приговорен к смертной казни женатый на дочери известного поэта Я.И. Полонского Н.А. Елачич³³ за противодействие изъятию церковных ценностей. Между тем в квартире осужденного Н.А. Елачича находятся вещи, касающиеся деятельности и жизни Я.П. Полонского и имеющие безусловный интерес для собраний Пушкинского Дома при Академии наук. Об этих вещах уже было в свое время словесно заявлено Дому гражданкой Елачич, причем она лишь просила временно сохранить ей эти вещи до ее смерти, как дорогие ей воспоминания о покойном ее отце; при заявлении своем она упомянула

³³ Николай Александрович Елачич (1872–1938) — действительный статский советник, секретарь Правления православных приходов. Смертный приговор был заменен на заключение. В 1923 г. освобожден по амнистии. Вновь арестован в 1930 г., расстрелян в 1938 г.

о 20 картинах кисти покойного поэта, его гипсовом бюсте (работы Бернштама), гипсовом бюсте Тургенева (работы жены поэта Ж.А. Полонской), гипсовой статуэтке Пушкина, Я.П. Полонскому подаренной на 50-летнем юбилее, картинах Клевера и Мещерского и о нескольких книгах, имеющих на себе автографы писателей и представляющих библиографическую редкость. Ввиду вышеизложенного Пуш. Дом при АН просит Ревтрибунал исключить из составленной описи имущества Н.А. Елачича названных вещей и предоставить их в распоряжение Пушкинского Дома ввиду их музейного значения, оставив их временно под ответственностью Н.Я. Елачич, впредь до возможности вывезти их по принадлежности в здание Пушкинского Дома на Васильевском Острове.

Подписал Директор Н. Котляревский.

Секрет. Упр. Делами (подпись неразборчива. — *Д.И.*).»
[СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1922). Д. 2. Л. 79 — 79 об.].

Не только церковное имущество рассматривалось Помголом как возможный источник дохода. Е.Ю. Соломаха пишет, что М. Лемке в «Красной газете» рекомендовал продажу музейных экспонатов для спасения голодающих. В 1922 г. по распоряжению Л.Д. Троцкого, несмотря на протест Луначарского, из Эрмитажа был изъят и передан в Гохран ряд ювелирных изделий [Соломаха 2014: 10]. 12 апреля из дома-музея Шереметева³⁴ сдано комиссии Помгола 98 серебряных и золотых предметов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 9].

Тогда же вводится временная плата за посещение советских музеев на нужды голодающих, установленная точно на новогодние праздники. Дирекция Музея антропологии и этнографии получила следующее распоряжение: «Главмузей вынес постановление производить во всех музеях сбор в пользу голодающих в течение недели с 26/XII по 2/I — 1922 г.

³⁴ О подведомственных Музейному фонду домах-музеях см.: [Собственные музеи].

Петроградское Отделение Главмузея, доводя об этом до сведения, предлагает Вам установить на указанный срок плату за посещения вверенного Вам музея в 5000 руб.» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1921). Д. 3. Л. 116].

Голод и разруха вызывают массовые антибольшевистские восстания по всей стране. Все популярнее становится идея о Советской власти без коммунистов. В марте 1921 г. **начался Кронштадтский мятеж** под лозунгом «Власть Советам, а не партиям!».

Летом 1921 г. ЧК объявляет о раскрытии в Петрограде контрреволюционной «Петроградской боевой организации», возглавляемой В.Н. **Таганцевым**. По опасности эта организация приравнивалась к Кронштадтскому мятежу. По «Делу Таганцева» будут расстреляны и убиты при задержании свыше 90 человек — представителей интеллигенции. Среди них один из сотрудников Музейного фонда, уполномоченный по Спасскому и Литейному районам скульптор С.А. Ухтомский, а также поэт Н.С. Гумилев. Эта казнь стала одной из самых массовых акций устрашения начала 1920-х годов. 10 сентября Евгения Павловна Ухтомская отслужила панихиду, по особому чину заочного отпевания, по своему погибшему мужу в Казанском соборе [Таганцев 1998: 147]. В июне 1921 г. **арестован сотрудник Иногородней секции Музейного фонда Е.С. Рахлин-Румянцев** [Соломаха 2015: 14], **отпущенный** вскоре на свободу. 1 июля уволен со службы художник, фотограф и этнограф, специалист по Средней Азии С.М. Дудин [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 39 об.].

Этот сигнал от советских властей, а также, видимо, понимание, что Гражданская война окончательно выиграна большевиками, подтолкнули в начале 1920-х годов к бегству за границу тех «бывших», которые не сделали этого раньше.

29 августа 1921 г. уполномоченный В.Ф. Штейн сообщил о том, что пропало все имущество Оболенской по адресу Потемкинская ул., 11, находящееся под охраной Музейного фонда, а «владелица же таковых находится в неизвестном отсутствии» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 52 об. — 53]. В справочнике «Весь Петроград» за 1917 г. по указанному адресу не упоминается

ни одна из многочисленных Оболенских, но в соседнем угловом доме (Фурштатская, 49) жила княгиня Анна Александровна Оболенская (Урусова), жена князя Михаила Леонидовича Оболенского, проживавшего в Петрограде в 1915 г. на Потемкинской, 11 [Крылов-Толстокович]. Анна Александровна скончалась 6 февраля 1964 г. в Каннах. Любопытно, что в документах 1918–1919 гг. (самого «дворянского» периода в истории Музейного фонда) очень редко, но иногда упоминается сотрудница А.А. Оболенская, окончательно отчисленная 1 апреля 1919 г. [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 26 об.].

1 сентября 1921 г. Ерыкалов сообщил, что, по информации из газет, у погибшего при попытке перейти Финляндскую границу бывшего сенатора Страховича обнаружены вещи, похищенные из Эрмитажа. В то же время Музейному фонду ничего не было известно о пропаже предметов из Эрмитажа. В связи с этим Ерыкалов потребовал у служащих разобраться в ситуации [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 54 об.].

В 1921 г. эмигрировал «приглашенный эксперт» комиссии, изредка посещавший самые ранние заседания, друг Александра Бенуа В.Н. Аргутинский-Долгоруков.

После обвинения в 1922 г. в контрреволюции на фронте искусства уехал в Польшу один из главных сотрудников Музейного фонда, работавший в нем со дня его основания, Николай Грацианович Пиотровский. В Варшаве он продолжил научную работу и в 1929 г. издал книгу «Русский некрополь: фрагменты» [Пиотровский 1929]. В 1925 г. из командировки в Париж не вернулся в СССР бывший сотрудник Художественно-исторической комиссии С.Р. Эрнст. Эмигрировал В.П. Зубов — бывший глава Гатчинской художественно-исторической комиссии, основатель Института истории искусств, существующего в Петербурге и сейчас. Осужден по «Делу лицеистов» и отправлен в ссылку на Урал еще один бывший член комиссии — П.П. Вейнер.

Положение сотрудников как музеев, так и Музейного фонда в годы НЭПа продолжало оставаться крайне сложным. Вся тяжесть ситуации раскрывается в трогательном заявлении младше-

го служащего (дворники, смотрители) Музея антропологии и этнографии Кондратьева, по всей видимости, бывшего крестьянина и человека малограмотного:

«В Совет ученых Этнографического музея
от мл[адшего] служ[ащего] Г.П. Кондратьева

Заявление

В настоящий момент не имею никаких средств для пропитания, уже четвертый день приходится питаться только одной капустой без хлеба действительно есть оставше немного на родине картофеля. Но я не могу ее привести по двум случаям, во-первых, жена больная, которая могла б заменить временно службу в музее за меня во время отсутствия моего, во-вторых, не имею на проезд денег. О сем и покорнейше прошу Совет ученых этнографического музея не отказать в каком-либо пособии.

Г. Кондратьев 21 /III 22» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1922). Д. 5. Л. 41].

10 февраля 1921 г. произошло одно весьма показательное событие: Заведующий Убежищем для глухонемых уведомил руководство Музейного фонда, что дальнейшая служба в Отделе глухонемого фотографа А.И. Гусарова, согласно правилам, повлечет его увольнение из Убежища. Правление Музейного фонда, учитывая, что «Убежище более обеспечивает А.И. Гусарова, чем служба в Отделе», постановило уволить его со службы [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 8].

В июне того же года сотрудники Архитектурной секции обратились с ходатайством о покупке им велосипедов, а также о снабжении их обувью ввиду необходимости больших передвижений по городу [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 37].

На 1 января 1922 г. в Петроградском Отделе Музеев и 40 подведомственных ему учреждениях работало 1430 человек, меньше половины которых получало паяк (145 академических пайков и 542 просвещенских). Крайне низким оставалось и денежное

содержание [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 8] при постоянном обесценивании денег. Если среднее жалование служащего 6-го разряда в апреле 1922 г. составляло 11 миллионов, то осенью того же года — 45 миллионов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 8].

21 февраля 1923 г. умерла лошадь — сотрудник Музейного фонда. Среди заявлений и дел служащих хранится ее удостоверение:

«Удостоверение.

Настоящим Управление Государственного Музейного Фонда удостоверяет, что лошадь / мерин, рожд. 1906 г./, стоящая в доме № 2 по Дворцовой наб., принадлежит Государственному Музейному Фонду и употребляется для служебных перевозок Фонда.

Настоящее удостоверение выдано на предмет освобождения означенной лошади от трудгужналога согласно обязательному постановлению Петрогубиспокома, опубликов. в № 5 Вестника Петросовета» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 134. Л. 50].

Анатолий Мариенгоф напишет: «В те дни человек оказался крепче лошади» [Мариенгоф 1998 II: 32]. 8 июля умерла еще одна лошадь (буланый мерин) Музейного фонда [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 157. Л. 6].

В январе 1923 г. часть младших служащих, «к сожалению, очень небольшая», получила тулупы и валенки [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 19]: находившиеся в ведении Музейного фонда дома-музеи и дворцы не отапливались уже пять лет, и температура зимой в залах опускалась до минус 2 градусов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 79 об.]. Дома-музеи из-за малой посещаемости, по причине холода в залах принимали одиночных посетителей один раз в неделю по воскресеньям с 12 до 15 часов; экскурсионные группы — два раза в неделю по вторникам и четвергам [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 74]. 22 ноября была установлена оплата дежурств в часы, когда музеи были открыты для посещения, «по 10 коп. черв. в час» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 74].

Научная и выставочная работа Музейного фонда и подведомственных ему музеев в условиях НЭПа сочеталась с коммерциализацией музейной деятельности. Государство, создававшее общий музейный фонд и способствовавшее росту количества музеев, особенно в провинции, одновременно стремилось перевести финансирование многих музеев на местный уровень, а также на хозрасчет.

1 декабря 1922 г. в центральных музеях Петрограда, домах-музеях и пригородных Дворцах-музеях введена входная плата по 1 миллиону рублей с посетителя [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 8].

После деноминации с 1 февраля 1923 г. в музеях Петрограда и пригородов введена новая плата для посетителей — 2 рубля. Правом бесплатного посещения пользовались учащиеся государственных художественных школ, экскурсии учащихся и красноармейцев, экскурсии, бесплатно организованные Политпросветом [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 138. Л. 60 об.].

11 апреля 1923 г. вышло постановление СНК за подписью Л. Каменева, предоставляющее Наркомпросу «право иметь по музейному отделу и подведомственным им учреждениям специальные средства, получаемые путем извлечения доходов:

1) от взимания входной платы, продажи изданий и права на издания;

2) от эксплуатации земельных участков, строений и прочих имуществ, не имеющих историко-художественного значения, но связанных с музеями, дворцами, монастырями, парками, заповедниками и проч., состоящими в ведении музейного отдела» [Музей 1923: 78].

Музей быта в Фонтанном доме сдавал в аренду некоторые помещения и часть парадного двора, где горожане могли хранить свои дрова [Краско 2009]. Е.Ю. Соломаха пишет о сдаче в аренду мебели Строгановского дворца, приводя расценки для сотрудников и посторонних лиц [Соломаха 2015: 19]. Коммерческая деятельность музеев не всегда была успешной. Так «Новый Кредит» отказался от дальнейшей аренды складов в Шуваловском дворце.

По этому поводу в Ликвидационную комиссию «Кредит коопа» было подано заявление о взыскании долга по арендной плате с 1 апреля [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 154].

В 1924 г., после принятия Совнаркомом постановления «О выделении и реализации госфондового имущества», коммерциализация приняла весьма причудливую форму. Ю.Н. Жуков отмечал, что продажа тогда была разрешена самим музеем через антикварные магазины и аукционные залы Главнауки Наркомпроса в Москве и Ленинграде. 60 % выручки отходило музеям (!), а остальное государству [Жуков 1992: 86]. Музейному фонду было также позволено обменивать предметы из «эквивалентного» фонда на более ценные, с их точки зрения, раритеты, а также закупать произведения искусства за наличные деньги. Всего к 1 октября 1925 г. для различных музеев Фондом было закуплено экспонатов на 587 рублей 20 копеек [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 203 об.].

В 1924 г. Музейный фонд был разделен на три отдела: Художественный (заведующий М.Д. Философов), Историко-бытовой (Б.А. Надеждин), Военно-исторический (П.П. Потоцкий³⁵). Хранителем складов была И.А. Чайковская. Руководил фондом до июня 1925 г. В.И. Ерыкалов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 175 об.]. Была определена деятельность организации по пяти направлениям: 1. Учет и регистрация; 2. Работа над церковным имуществом; 3. Поступления в хранилища фонда; 4. Выдача со складов фонда; 5. Внутренняя работа на складах фонда [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 175 об.].

А уже в 1925 г. проходит новая реорганизация Музейного фонда, разделенного на две части: Учетно-справочная, ведающая учетом и охраной памятников на местах, которая располагалась в Мраморном дворце, и собственно Хранилище в Ново-Михайловском дворце (имелись также склады Музейного фонда при

³⁵ Павел Платонович Потоцкий (1857–1938) — военный историк, генерал от артиллерии (1916), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., русско-японской войны, Первой мировой войны.

Эрмитаже и Русском музее). Учетно-справочную часть возглавляла О.М. Ошанина, Хранилищем заведовал Б.А. Надеждин [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 195 об.]. **Хранилище подразделялось** на восемь отделов: 1. Графики и библиотеки (хранитель Б.А. Надеждин); 2. Картин и скульптуры (Е.Я. Захарьенко); 3. Керамики и стекла (Е.П. Соколова); 4. Церковного имущества (Ф.А. Каликин); 5. Мебели и бронзы (Л.А. Динцес); 6. Прикладного искусства (И.М. Лурье); 7. Военного имущества (Г.С. Габаев, В.Ф. Пузинский); 8. Эквивалентный фонд (К.Г. Родити) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 195, 195 об., 196].

23 февраля 1925 г. распоряжением Ленинградского отделения Главнауки был утвержден действующий штат сотрудников Музейного фонда в 32 должности [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 196], и в этом же году Музейный фонд начал покидать многие сотрудники. В 1925 г. **переедет в Киев П.П. Потоцкий; уедет хранитель складов И.А. Чайковская; окончательно сосредоточится на работе в Эрмитаже, покинув Музейный фонд, М.Д. Философов.** В июне оставит пост заведующего В.И. Ерыкалов. После ухода Ерыкалова руководителем Фондом стал инспектор музеев С.К. Исаков, *с оставлением должности вакантной.*

Противостояние с Внешторгом

С другой стороны, целиком взять все это в «казну» — было бы столь же нецелесообразным. Советскому государству нечего было бы делать с большинством этих памятников. Настоящее решение наметилось как сочетание музейных интересов государства с его фискальными <...> нуждами.

А.М. Эфрос. «Музейное дело в Советской республике»

Сложное отношение Советской власти к «дворянскому добру» в сочетании с постоянной острой нехваткой финансов привели к тому, что на художественные произведения претендовал

не только Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины, но и Народный комиссариат торговли и промышленности.

С марта 1917 г. комиссию, которой предстояло заняться торговлей антиквариатом за валюту, возглавлял Максим Горький — человек, ратовавший за неприкосновенность памятников искусства [Рупасов 2012: 48]. 31 декабря 1918 г. наркомом торговли и промышленности Л.Б. Красиным, очень интересовавшимся искусством, по воспоминаниям знавшего его художника Юрия Анненкова [Анненков 1991: 231], была создана Антикварно-оценочная комиссия по классификации и учету предметов роскоши и художественных ценностей [Рупасов 2012: 48]. Это предновогоднее решение властей означало, что Отделу в 1919 г. предстоит взаимодействовать с новым ведомством, довольно агрессивно заявившим свои права на ювелирные изделия и произведения искусства.

23 января 1919 г. Б.А. Надеждин доложил о назначенном для выяснения вопроса о взаимоотношениях, но несостоявшемся совместном совещании представителей Отдела и Антикварно-оценочной комиссии Горького [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 8]. К этому времени Отделом проводился разбор серебра в Государственном банке [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 20], но работа шла медленно, банковские служащие не спешили открывать ячейки сейфов. Комиссар Народного банка просто не отвечал на запросы Отдела [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 17]. До конца лета должен был быть решен вопрос, кому распоряжаться пока нетронутыми драгоценностями. Постановление Исполкома Петроградского Совета от 2 июня 1919 г. за подписью Зиновьева сохранило двусмысленность в этом деле: «При реквизиции и национализации квартир, особняков, дворцов, а также всяких складов и хранилищ движимого имущества до сейфов включительно, все государственные организации, а также отдельные лица, имеющие право на реквизицию, должны до занятия помещений вызвать экспертов *отдела охраны памятников и старины* или же членов *оценочно-антикварной комиссии* для учета и выемки предметов

художественного и исторического значения» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 3].

14 июня С.А. Ухтомскому удалось перевезти из Петроградской Ссудной казны в Эрмитаж раритеты, принадлежавшие княгине Оболенской [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 52 об.], а вот сотруднику М.Ф. Мокржицкому заведующий сейфами Народного банка отказал в доступе к безопасным ячейкам, заявив, что «ценности, находящиеся в сейфах, будут отправлены в Москву в Отдел Кредитных Билетов, Рыбный переулок, 3» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 4]. **При этом в Музейный фонд поступали заявления** от владельцев с указанием конкретных банков, номеров ячеек, перечнем находящихся в них артефактов.

11 июня поступило заявление Н.Н. Епанчина о том, что в безопасных ящиках Петроградского Общества Взаимного Кредита помещены иконы XVII–XVIII веков, собрание документов XVII–XX столетий, редкие монеты, старинные рукописи и книги [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 7 — 7 об.].

25 июня — заявление А.А. Харитоновой о нумизматической коллекции в сейфе № 2061 Первого отделения Народного банка [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 24].

27 июня — заявление бывшего обер-гофмаршала Павла Константиновича Бенкендорфа о ценностях в Учетно-Ссудном банке [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 26], а также В.Г. Киреевой о нумизматической коллекции в Петроградском Обществе Взаимного Кредита [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 28].

28 июня — заявление Д. Полешаева о ценных исторических документах, унаследованных Долгорукими от графини Потоцкой, времен Потемкина и Александра I, находящихся в сейфе № 3046 Волжско-Камского банка [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 29].

В.И. Ерыкалов, безрезультатно писавший руководству финансовых учреждений, поручил 9 августа М.Д. Философову прояснить ситуацию личными переговорами с заведующим сейфами товарищем Гашелем и комиссаром Народного Банка [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 51].

А уже 21 августа М.Д. **Философов** сообщил «о том, что по сведениям, полученным им от М.Ф. Андреевой³⁶, состоялось соглашение между Народным Банком и Оценочно-Антикварной Комиссией о передаче последней всех художественных ценностей из сейфов» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 20 об.]. По странному стечению обстоятельств вопрос о том, кто будет определять дальнейшую судьбу ценностей (и их окончательную передачу торговому ведомству) решился в августе 1919 г., когда всякие претензии на сейфовое имущество со стороны владельцев потеряли силу по истечению срока [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 59].

8 июня 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР был преобразован в Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ) РСФСР. Это, казалось бы, далекое от музейного дела бюрократическое преобразование в экономическом ведомстве имело в будущем самое непосредственное отношение к вопросу сохранения культурных ценностей. С этого времени Отдел охраны памятников был вынужден работать в контакте с Учетными Тройками В.С.Н.Х. и Антикварно-экспертной комиссией Внешторга [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 62]. **Понимая противоречивость сложившейся ситуации, когда судьба раритетов оказывалась в ведении одновременно двух ведомств, их руководители в лице Г.С. Ятманова от Отдела по охране памятников и комиссара НКВТ М.Ф. Андреевой при участии Максима Горького разработали проект положения о взаимоотношениях Отдела и Экспертной комиссии. Согласно положению служащие Отдела получали возможность примерно раз в месяц обследовать склады Экспертной комиссии для выявления предметов, имеющих музейное значение, которые не могли быть отпущены для продажи без разрешения Музейного фонда** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 83]. Последнее слово оставалось за сотрудниками Отдела по охране памятников.

³⁶ Мария Федоровна Андреева (1868–1953) — актриса, создательница Большого драматического театра в Петрограде, член РСДРП с 1904 г., гражданская жена Максима Горького, много сделавшая для продвижения торговли русским антиквариатом за рубежом.

В 1921 г. выходит одно из самых малопривлекательных постановлений Советской власти — «Положение об Экспертных комиссиях НКВТ»:

«На основании постановления Совета Народных Комиссаров 7-го февраля 1921 года в целях составления Государственного запаса художественных ценностей и предметов старины и роскоши для вывоза их за границу при Народном Комиссариате Внешней торговли учреждаются Экспертные комиссии, которые являются единственными органами, производящими в своих районах отбор, классификацию, учет и оценку художественных и антикварно-исторических ценностей и предметов старины и роскоши, могущих служить для экспорта» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 1].

Это положение четко предписывало, что *единственными органами*, в ведении которых теперь находились памятники искусства, являются Экспертные комиссии. Столкновение интересов двух государственных структур было неизбежно.

Уже 10 февраля 1921 г. между Экспертными комиссиями и Музейным фондом возник конфликт о правах на выдачу разрешений на вывоз за границу антиквариата. Кроме того, сотрудниками Экспертной комиссии было вывезено на собственные склады собрание Утемана³⁷ из его особняка на Николаевской (Лейтенанта Шмидта) наб., 31, без согласия и участия Музейного фонда, что вызвало протест со стороны последнего. Из документов следует, что между этими двумя органами все-таки существовало какое-то предварительное соглашение, касающееся собрания Утемана, но оно было нарушено Экспертной комиссией в одностороннем порядке [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 8 об.].

³⁷ Франц Францевич Утеман (1868–1925) — крупный предприниматель, действительный статский советник. В начале XX в. входил в руководящий состав ряда крупных компаний (резиновая мануфактура «Треугольник», пивоваренный завод «Бавария», фабрика «Скороход» и др.).

Сотрудник Музейного фонда Е. Сытников докладывал: «Отбор вещей иногда происходит помимо меня, причем мне не сообщается какие и где отобраны вещи» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 4 об.].

Хотя имели место и обратные случаи. Так, 2 июля товарищ председателя Экспертной комиссии А.Р. Дидерихс³⁸ был вынужден пожаловаться М.Д. Философову на то, что представители Музейного фонда «по очевидному недоразумению» вывезли из квартиры Арапова практически все ценное имущество, уже отобранное Экспертной комиссией и снабженное ее ярлыками [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 5]. Иногда сотрудникам Музейного фонда удавалось пополнить собрания различных музеев за счет Экспертной комиссии. 26 ноября часть экспонатов с выставки Внешторга была отправлена в Тверской музей [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 9]. В Музей антропологии и этнографии в это время поступил ряд коллекций «от Экспертной Комиссии»³⁹. Из документов следует, что 9 марта 1921 г. лаборантка музея Е.П. Саминова получила со склада-выставки Экспертной комиссии 27 экспонатов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1921). Д. 3. Л. 16].

В 1922 г. Петроградская Экспертная комиссия была реорганизована в Петроградский Отдел Художественных Ценностей (ПОХЦ). Борьба за раритеты между Музейным фондом и Внешторгом в лице ПОХЦ продолжилась.

25 февраля 1922 г. состоялось заседание Межведомственной экспертной комиссии, на котором присутствовали А.Р. Дидерихс, Н.М. Егоров, М.Ф. Газе от ПОХЦ, А.П. Келлер от Главмузея, Ларионов от Рабкрина⁴⁰. Результаты этого заседания были явно

³⁸ Андрей Романович Дидерихс (1884–1942) — художник, график, учился в Мюнхене и Париже. В 1917–1921 г. — участник коммуны в квартире Максима Горького. С 1919 г. заместитель председателя комиссии Внешторга.

³⁹ См. Приложение 3.

⁴⁰ Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин) существовала с 1920 по 1934 гг.

в пользу Внешторга. Было решено: «1) Утвердить Межведомственную Экспертную Комиссию в составе: Дидерихс (ПОХЦ), А.П. Келлер (Главмузей), Ларионов (Рабкрин). 2) ПОХЦ выпускает экспонаты непосредственно музеям, а не музейному фонду. 3) *Вещи выпускаются НКВТ за соответствующий эквивалент Наркомпроса, могущий служить экспортным товаром.* Расчет за музейные предметы производится на основании оценки, данной на складах-выставках ПОХЦ. 4) Снабжению из фонда ПОХЦ подлежат исключительно музеи Северной области, зарегистрированные в Главмузее» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 10].

Отныне музеи могли только выкупать (обменивать на достойный эквивалент) памятники, попавшие на склады Внешторга. Более того, представителям музеев было разрешено осматривать только Выставку № 2 (Мойка, 72) и выставку № 3 (ковровый склад), а все раритеты, находящиеся на складе-выставке № 1 (Халтурина, 3), уже считались экспортным товаром, поскольку из них «в свое время были отобраны Главмузеем все интересные в музейном отношении вещи» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 11]. Также постановили установить срок для выкупа экспонатов музеями, по истечении которого Главмузей теряет право на предметы [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 11].

Это было серьезное поражение Музейного фонда в противостоянии с Внешторгом. Уже к маю 1922 г. со склада № 1 было отправлено за рубеж ювелирных изделий, хрусталя, фарфора, ваз, клуазоне, восточных изделий из камня и слоновой кости 678 ящиков на сумму 170 239 рублей золотом. С коврового склада отпущено 2116 восточных ковров на 194 098 рублей. Оставшиеся на складах предметы, как не имеющие ценности за границей, предполагались для продажи на аукционе по адресу Мойка, 72 [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 19 — 19 об.].

В этой ситуации остается неясной позиция главы Музейного отдела Наркомпроса Н.И. Седовой-Троцкой, ратовавшей за создание общего государственного музейного фонда, из ведения которого выводилось не просто большое, а очень большое количество потенциальных экспонатов. Правда, 11 июля 1922 г. для

находящихся в тяжелейшем финансовом состоянии музеев было сделано небольшое послабление: «В случае обнаружения на складах-выставках вещей исключительно художественного интереса, не могущих быть покрытыми эквивалентом Главмузея, ввиду их исключительной ценности — возбуждать специальные ходатайства перед центральными органами о передаче таковых вещей Главмузею и, до решения вопроса, не зачислять вещей в Экспортный фонд» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 20]. Любопытно, что этим же числом датирован акт о безвозмездной передаче со склада-выставки № 1 Внешторга Пушкинскому Дому Академии наук архива Пущина, документов из собрания Фаберже, переписки Оболенской, семейного архива и фотографий семьи Норман [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1922). Д. 2. Л. 72].

15 июля 1922 г. в межведомственную комиссию по вопросам обмена музейных предметов на вещи, не имеющие музейного значения, В.И. Ерыкаловым были назначены заведующий отделом картинной галереи Государственного Эрмитажа А.Н. Бенуа и научный сотрудник управления Государственного Музейного фонда А.И. Циммерман [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 23].

Декрет ВЦИК и СНК от 8 марта 1923 г. обязал Музейный отдел провести перерегистрацию и отобрать только те артефакты, которые имеют «исключительное музейное значение» [Эфрос 1924: 243].

В домах-музеях проводилась оценка имеющихся экспонатов, причем «ненужное обиходное имущество» направлялось в Госфонд — фактически на продажу. Из особняка Шуваловой сдано 3054 предмета, из Фонтанного дома сдано 1200 (отобрано 4239), Строгановского дворца—1445 (отобрано 2000), из Юсуповского сдано 1545 [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 36].

10 декабря 1923 г. в Госфонд из Юсуповского дворца поступило «различное имущество не художественное и мало художественной ценности» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 182 об.].

При этом пока еще сохранялась и возможность обратного движения памятников. В ноябре 1923 г. Музейный фонд попросил ПОХЦ о передаче в Этнографический отдел Русского музея

18 экспонатов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 75 об.]. Всего в этом году Музейным фондом на экспортных складах Госфонда было отобрано 832 произведения [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 177]. В 1924 г. директор МАЭ академик Е.Ф. Карский и секретарь музея С.М. Дудин ходатайствовали о выделении экспонатов из Госфонда, причем в одном из писем было указано о преимущественном праве музеев на отбор коллекций [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Д. 5. Л. 41 об.]. В результате незначительное количество предметов со складов Госфонда Музеем антропологии и этнографии в 1924 г. было получено⁴¹.

В октябре 1925 г. при Госторге СССР образовано печально известное объединение «Антиквариат», закупавшее за рубли и продававшее за валюту художественные и исторические ценности [Жуков 2005: 69].

Музейный бум и музейная революция 1918–1924

«Музей — это значит покой искусства», — говорила традиция, «Музей — это значит жизнь искусства», — установила революция.

А.М. Эфрос. «Музейное дело в Советской республике»

Начавшийся в 1918 г. процесс превращения в музеи бывших частных особняков, а также храмов привел к своеобразному музейному «буму» первых послереволюционных лет. В это время возникло множество новых музеев, многие из которых существуют до сих пор, некоторые были позднее упразднены.

Начало было положено соборами Московского Кремля и бывшими императорскими резиденциями. Декрет 23 января 1918 г. об отделении Церкви от государства послужил поводом к экспроприации церковных памятников, начавшейся с храмов

⁴¹ См. Приложение 3.

Московского Кремля, которые были объявлены музеями [Троцкая 1926: 40].

13 июля 1918 г. вышел декрет СНК «О национализации имущества низложенного российского императора и членов бывшего императорского дома» [Равикович 1988: 25].

Музеями становятся и пригородные императорские резиденции. В 1918 г. музеем стал Екатерининский дворец в Детском Селе⁴², в этом же году вышел каталог музея Екатерининского дворца, составленный председателем Царскосельской художественно-исторической комиссии Г.К. Лукомским [Лукомский 1918]. 13 мая 1918 г. для посетителей был открыт Большой Петергофский дворец [Российская 2001. Т. 2: 301].

19 мая 1918 г. открывается Гатчинский дворец-музей. Его возглавил В.П. Зубов, руководивший до этого Художественно-исторической комиссией в Гатчине [Семенов 2018]. Первым директором Павловского дворца-музея становится А.А. Половцов, ранее входивший в гатчинскую комиссию.

В 1918 г. в Аничковом дворце открывается очень необычный, по-своему уникальный музей — Музей Города⁴³. Там проводились различные мероприятия. Максим Горький делился воспоминаниями о Л.Н. Толстом, а театральный отдел организовал цикл лекций о театре в эпоху Возрождения [Аксельрод 1996: 120]. Всего в Музее Города только с 29 ноября по 22 декабря 1918 г. было прочитано 124 лекции! Среди выступавших — А.В. Луначарский, уже упоминавшийся Горький, А.Ф. Кони [Попова 1998: 34].

Превращен в музей Елагиноостровский дворец с павильонами и Каменоостровским театром [Прищепова 2000: 104].

Дворец великого князя Николая Михайловича частично передан Музею почтового ведомства, а частично обращен в откры-

⁴² В 1918 г. Царское Село было переименовано в Детское Село им. Урицкого. В 1937 г. город получил свое нынешнее имя Пушкин.

⁴³ О судьбе коллекций Музея города см. «Музей Города в Собственном Дворце».

тую историческую библиотеку, насчитывавшую свыше 20 000 томов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 6].

В основе послереволюционного «музейного бума» лежали как национализация художественно-исторических ценностей, названная А.В. Луначарским «живым охранением народного достояния» [Равикович 1988: 27], так и возникновение коммунистических музеев: в 1919 г. в Петрограде основан первый Музей Революции [Равикович 1988: 33]. Преемником этого музея в настоящее время является Музей политической истории. 4 августа 1921 г. Музейный фонд передал в Музей Революции собрание миниатюр [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 47]. В 1919 г. в Москве основан Музей Красной Армии (в настоящее время — Центральный музей вооруженных сил) [Кончин 1981: 28, 29].

В феврале 1919 г. в Петрограде проходила Первая Всероссийская конференция музейных работников [Равикович 1988: 39]. К открытию конференции в Эрмитаже была приурочена выставка, на которой были продемонстрированы произведения, поступившие из петроградских и загородных дворцов [Северная. 1919. № 31: 2]. На конференции С.Ф. Ольденбург выступил с инициативой расширения уже существующего при Академии наук музея Востока, где должны быть собраны экспонаты из разных мест и от частных лиц и который должен был стать крупнейшим отечественным центром востоковедения [Северная. 1919. № 38: 2]. А.В. Луначарский озвучил идею построения своеобразной единой музейной пирамиды, вершину которой должны были образовывать *специализированные* центральные музеи, а основание — *комплексные* региональные, а между музеями всех уровней должно быть налажено взаимодействие [Равикович 1988: 39]. Но наиболее важным решением этой конференции было постановление о необходимости для музеев *обоснования* своих коллекций, до которого их собрания рассматриваются как часть единого *государственного музейного фонда* [Ятманов I 1923: 3].

Руководитель Музейного отдела Н.И. Троцкая в статье «Музейное строительство и революция» указала основные цели на этом этапе «первоначального накопления музейных ценностей»:

«Все старинные особняки по Москве и Ленинграду, где, главным образом, они и были сосредоточены, Музейным Отделом просматривались. Все то, что представляло в них историко-художественную старину, принималось представителями М.О. (Музейного отдела. — *Д.И.*) совместно с представителями ЧК. Надо сказать, что политика наша в этот период была направлена не к тому, чтобы отбирать лучшие вещи, а к тому, чтобы собрать и сохранить все, что могло представлять какой-либо интерес: делалось это вполне сознательно с целью не утратить значительных вещей при спешной разборке. Отобранное вывозилось в особое хранилище, чем было положено начало *будущему музейному фонду*» [Троцкая 1926: 36].

Процессы возникновения новых музеев охватили не только Петроград, но и Москву. Причем если в Петрограде с 1918 по 1920 г. было создано 22 музея, то в Москве — 38 [Равикович 1988: 26]. В годы военного коммунизма в Москве создаются Музей старой Москвы, Музей искусства Востока (преемником Музея искусства Востока является Государственный музей искусства народов Востока), Музей-коллекция уникальных старинных инструментов, Музей мебели и игрушки [Равикович 1988: 31]. В 1919 г. в Москве под руководством известного художника-авангардиста В.В. Кандинского открыт экспериментальный Музей Живописной культуры. В нем читались лекции, проходили диспуты и проводились исследования воздействия художественных полотен на зрителя. Музей просуществовал до 1928 г. [Музейное 2003: 138].

Эту особенность, точно передающую атмосферу красной Москвы, подметил Анатолий Мариенгоф:

«35

Прекращено пассажирское железнодорожное движение.

36

Народным Комиссариатом по просвещению разработан проект создания пяти новых музеев:

1. Московского национального.

2. Русского народного искусства.

3. Восточного искусства.
4. Старого европейского искусства и
5. Музея церковного искусства.

37

Я сегодня читал в университете свою первую лекцию о каменном веке.

Беспокойный предмет» [Мариенгоф 1988: 177].

В это время начинает преобладать идея о строгой обучающей и научной специализации музея. Музей-институт, музей-школа, музей-кружок — таким виделся советский музей новым властям. Музейно-выставочная работа начинает восприниматься руководством Наркомпроса не просто как неотъемлемая часть просветительской деятельности, а фактически как главная функция музея, даже в ущерб хранительской. Товарищ Троцкая скажет: «Все свое внимание М.О. устремляет на то, чтобы сделать музеи как можно менее “музейными” (ограниченными одной задачей сохранения), чтобы материал музеев связать как можно теснее с общим укладом жизни, максимально усилить общественно-утилитарную сторону их деятельности» [Троцкая 1924: 239].

Такой преимущественно образовательный подход не только коснется старых музеев, но и послужит основанием для формирования новых обучающих музеев при различных организациях и предприятиях.

Совет профессоров педагогического института принял решение о создании при институте музея-выставки по внешкольному образованию с мастерской для изготовления предметов по внешкольному образованию [Северная. 1919. № 27: 4].

Весной начали работу шесть первых естественнонаучных экскурсионных станций. Они расположились в ближайших пригородах (Павловск, Лахта, Сестрорецк, Петергоф), а также на Каменном острове при сельскохозяйственном институте [Березина 2015: 73]. Под экскурсионные станции были переоборудованы обычные дачные помещения, достаточно просторные, чтобы в них можно было разместить группу из 30–40 человек, столовую,

кабинет и лабораторию для изучения собранного материала [Березина 2015: 74]. Сотрудники Музейного фонда выступили против организации экскурсионной станции в Елагиноостровском дворце [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об.].

Это противодействие навязываемой сугубо просветительской роли музеев не означало, что сотрудники Музейного фонда не понимали значение музея как образовательного центра. Когда в январе 1920 г. в Аничковом дворце откроется Центральная школьная станция гуманитарных экскурсий, преподавателями на курсах экскурсоводов станут, в числе прочих, П.П. Вейнер, В.Я. Курбатов, Л.А. Ильин [Березина 2015: 81] — представители старого «верещагинского» кружка, знатоки и хранители старины.

Уже в 1919 г. перед музейными работниками встал важный вопрос об основном предназначении музея. Советская власть, стремившаяся всеми силами повысить грамотность населения, рассматривала музеи в первую очередь, если не исключительно, как центры просвещения.

В эти годы вообще очень активно обсуждались вопросы образования, и высшего образования в частности. На страницах центральных газет высказывались любопытные мнения: «Слушательницы высших женских курсов признали, что представительницы старостата на совещании по реформе высшей школы не выразили истинного мнения большинства слушательниц. Считая, что реформа высшей школы вызвана настоящей потребностью самой высшей школы, собрание находит необходимым реформу высшей школы на следующих основаниях: 1) Полная автономия высшей школы. 2) Доступ широких народных масс в нее. 3) Бесплатное обучение. 4) Прием в высшую школу без свидетельства об окончании средней школы. 5) Совместное обучение (здесь курсисток можно понять. — *Д.И.*). 6) Участие студенчества в управлении высшей школы» [Северная. 1918. № 121: 2].

Некий анонимный студент опубликовал открытое письмо тов. Луначарскому о ненормальном, по его мнению, положении в университетах и институтах: «Считаю нужным обратить ваше внимание, уважаемый товарищ, на положение дел в нашей выс-

шей школе. Большая часть трудящегося студенчества, занятая утренние часы на всевозможных должностях, фактически лишена возможности заниматься учебными делами... Таким образом, регулярно и продуктивно может заниматься лишь кучка студентов из буржуазных кругов, обеспеченная не своим личным трудом, а капиталом своих родителей. С тов. приветом студент» [Северная. 1918. № 121: 3].

Музейное строительство этого периода неразрывно связано с реформами образования, попытками превратить музеи в дополнительные учебные центры. Уже 17 февраля 1918 г. специальным постановлением за подписью Луначарского был учрежден Центральный педагогический музей в Петрограде [Равикович 1988: 35]. Г.С. Ятманов отмечал: «Музеи делают центрами школьной и внешкольной экскурсионной работы и накануне того, что изучение музейных собраний войдет в курсы и программы просветительных и учебных учреждений как обязательный метод обучения» [Ятманов 1923 II: I–II]. Стремясь всячески усилить эту роль музея, осенью 1919 г. Наркомпрос предписал ликвидировать старые, направленные фактически на учет и охрану памятников, отделы, заменив их подотделами *внешкольного образования* в составе трех секций: фото-кинематографической, театральной, памятников искусства и старины [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 38]. **Это решение, разрушающее основную — хранительскую — функцию музея,** было крайне негативно воспринято как Московской коллегией по делам музеев, так и Петроградским отделом по охране памятников как наносящее вред делу музейного строительства [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 38]. Директор Государственного Эрмитажа С.Н. **Тройницкий, определяя три главные стороны деятельности музея — хранение, изучение и популяризацию, на первое место ставил именно хранение.** Старый порядок все-таки был сохранен.

В самом начале 1920-х годов активно обсуждался вопрос об объединенном руководстве музеями. Противниками подобного объединения были искусствоведы Н.Г. **Машковцев** и П.П. **Муратов**, указывавшие, что методы собирания художественных цен-

ностей отличны от методов собирания исторических и естественнонаучных коллекций [Равикович 1988: 45]. Сторонником единого руководства музеями был Бруно Адлер⁴⁴, считавший, что любой артефакт, попавший в музей, становится «научно-музейным объектом». Точку зрения Адлера поддержали академик С.Ф. Ольденбург, председатель Петроградского отдела по делам музеев Г.С. Ятманов, директор Русского музея А.А. Миллер [Равикович 1988: 46].

Близкую позицию занимал директор Эрмитажа Тройницкий, четко разделявший естественнонаучные и «гуманитарно-исторические» музеи, однако полагавший, что последние образуют единый комплекс, поскольку, по его мнению, любой археологический, этнографический, историко-бытовой экспонат является одновременно в той или иной степени *художественным* памятником [Тройницкий 1923: 21].

Объединенное управление рассматривалось как необходимое условие создания единой музейной сети, в организации которой видная роль отводилась государственному Музейному фонду, собранному, как мы знаем, из бывших частных коллекций, судьбу которых определила Советская власть и ее представитель Н.И. Седова-Троцкая: «Выдающиеся частные художественные собрания, хорошо известные, независимо оттого, исчезли ли их владельцы с горизонта или находились у своих коллекций, были национализированы и превращены в музеи <...>. Ко всем другим, менее известным или совсем неизвестным частным коллекциям, владельцы которых продолжали оставаться в пределах советской республики, применялась, как предварительная мера охраны, выдача владельцам временных «охранных грамот» на их

⁴⁴ Бруно Фридрихович Адлер (1874–1942) — этнограф, географ, музеевед. Окончил Московский и Лейпцигский университеты. В 1902 г. по приглашению В.В. Радлова поступил на работу в МАЭ. С 1910 г. хранитель ЭОРМ. С июня 1911 г. профессор, заведующий кафедрой географии, этнографии и антропологии Казанского университета. С 1920 г. директор Центрального музея Татарской АССР [Люди 2003: 15].

художественное имущество <...>. В дальнейшем тщательное обследование экспертами М.О. коллекций, на которые были выданы грамоты, приводило все к большему и большему сокращению числа их и, наконец, к *полному аннулированию охранных грамот с проведением в жизнь декрета о взятии на учет всех памятников искусства и старины*, включая и архитектурные. Значение этого *первого декрета революции в области искусства* (декрет от 10 октября 1918 г.) было огромно и произвело в свое время чрезвычайное впечатление (еще бы! —Д.И.).

Впервые в истории государство брало в свои руки охрану всех имеющих общественное значение произведений искусства в стране, где бы и у кого бы они ни находились [Троцкая 1926: 36]. И наконец, «Между тем мы склоны рассматривать *все музейное имущество*, где бы оно ни находилось, как *единый государственный музейный фонд*» [Троцкая 1926: 51].

Это последнее высказывание Троцкой, противоречащее сделанному в 1917 г. заявлению Художественно-исторической комиссии Верецагина о том, что в основе жизни государственных музеев лежит принцип их неприкосновенности, на наш взгляд, является переломным и по-настоящему революционным, определившим ту легкость, с которой в советское время осуществлялись передачи музейных экспонатов тысячами.

Завершение Гражданской войны и периода «первичного накопления музейных ценностей» привело к своеобразной музейной революции времен НЭПа. В середине 1920-х годов сотрудники Музейного фонда оказались вовлечены в глобальную реорганизацию, имевшую три основные цели: формирование государственной музейной сети, перераспределение памятников культурного наследия по стране, а также, что не маловажно, создание специализированных музеев.

Как всегда по-революционному четко и кратко эту мысль сформулировала Н.И. Троцкая: «Очищение музеев от *балласта* и научное определение типа музея, ведущее к освобождению части материала одного музея для другого, составляет очень важную часть реорганизации» [Троцкая 1926: 51].

Оружейная палата преобразована в Центральный музей высших достижений декоративного искусства и «освобождена от случайных предметов, попавших в нее как в царскую кладовую, и от непрофильных материалов» [Равикович 1988: 61–62].

Естественно, что в первую очередь подобная реорганизация касалась самых крупных хранилищ, способных служить материальной базой при создании новых научно-специализированных музеев.

Сотрудник Третьяковской галереи и Отдела по делам музеев и охраны памятников Наркомпроса Абрам Маркович Эфрос в 1924 г. дал развернутое определение новой музейной политики: *«Существование каждого музея должно быть оправдано. Этим самым была выдвинута проблема планового музейного строительства, т.е. государственной музейной сети.*

Музеям ныне ставился ряд требований: уничтожения всех случайностей в подборе материалов, *прекращения параллелизма в их работе, выявления основных музейных типов нужных республике*, координации работы всех музеев и связи их с общекультурной работой Республики» [Эфрос 1924: 254].

Государственный исторический музей был определен как Центральный музей истории русского быта, а все восточные коллекции переданы в Музей восточных культур [Равикович 1988: 61].

Сильнее всех пострадал Румянцевский музей, который был в 1924 г. просто ликвидирован. Русская часть его картинной галереи отправилась в Третьяковскую галерею, западноевропейская — в Музей изящных искусств (в настоящее время Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), коллекции из отдела древностей поступили в Государственный исторический музей, на основе этнографического музея возникает Центральный музей народоведения, библиотека и отдел рукописей стали «фундаментом» Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (Российская государственная библиотека) [Равикович 1988: 61].

Больше всех от этих преобразований выиграл Музей изящных искусств, превратившийся из учебного музея слепков при

Московском университете в Центральный музей старого западноевропейского искусства. Он получил не только картины из Румянцевского музея, но и коллекции Г.А. Брокера, Д.И. Щукина. В него передавались экспонаты из Эрмитажа и конечно из Музейного фонда [Равикович 1988: 63]. Причем в Москву отправляли предметы из Ленинградского отделения Музейного фонда, что вызывало понятное недовольство и сопротивление ленинградских сотрудников. Жена создателя и идеолога Коминтерна отвечала им: «В Москве очень слабо, вернее ничтожно представлена старая западная живопись, в интересах и научных и просветительных необходимо ее пополнить. Богатые коллекции старой живописи хранятся в Эрмитаже — там они и должны оставаться. Но имеется, как сказано выше, единый государственный музейный фонд, собранный революцией, преимущественно в Москве и Ленинграде. Старая живопись Москвы может быть пополнена только из той части фонда, которая находится в Ленинграде. Однако это вызывает возражения со стороны главного претендента — главного не по нужде, конечно, а по богатству: Эрмитажа.

Традиции прошлого — нечего греха таить — крепки в Эрмитаже и сейчас. Руководящие работники его склонны подчас усматривать в направляющей работе Музейного Отдела что-то вроде “уравнительного раздела”, а тем самым и гибели Эрмитажа» [Троцкая 1926: 51]. Естественно, по мнению товарища Троцкой, это было не так, и памятники отправлялись в Москву.

В Ленинграде особенно сильно от этой музейной революции пострадали дворцы-музеи, созданные революцией Октябрьской.

Собственные музеи

Небывалый рост и развитие музеев.
Петроград стал теперь художествен-
ным центром и для Европы.

*Г.С. Ятманов. «Деятельность Петроградского
отдела музеев по охране памятников искусства
и старины и музейному строительству»*

Среди многочисленных национализированных, вместе со всем имуществом, зданий сотрудники Фонда еще в годы военного коммунизма выделили дома Строгановых, Шуваловых, Бобринских как представляющие исключительный интерес в архитектурном отношении, обладающие обширными собраниями произведений искусства и являющиеся, по сути, готовыми музеями [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 6]. Надзор над скульптурой в этих домах поручили скульптору В.А. Беклемишеву [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 27 об.].

Дома-музеи определили в ведение секции Национализированных зданий Музейного фонда, образовав из них группу собственных музеев, находившихся в подчинении заведующего Музейным фондом В.И. Ерыкалова, арендовавшего квартиру в Строгановском дворце [Соломахин 2015: 16].

Ерыкалов писал, что в результате неприкосновенности отобранных дворцов были сохранены Строгановская и Юсуповская галереи; Строгановская библиотека; Строгановская нумизматическая коллекция; Шереметевские собрания серебра и оружия; Шереметевский архив; Шуваловское собрание эмалей, фаянсов, картин [Ерыкалов 1924: 3].

О городской усадьбе Бобринских Луначарским и Советом Петроградской коммуны 19 марта 1918 г. издано специальное постановление: «Не подлежит никаким занятиям и реквизициям как исторический памятник и музей» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 112].

20 ноября 1919 г. решено использовать дворец Бобринских как временный склад Музейного фонда, а еще находящиеся там остатки коллекции Долгоруких присоединить к основной части

коллекции, уже сданной в Эрмитаж [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 44]. В 1922 г. этот особняк передали Русскому музею для организации Историко-бытового отдела [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 5 об.], и, соответственно, он оказался выведен из подчинения Музейного фонда.

Последний хозяин Строгановского дворца на Невском, граф Сергей Александрович, с 1907 г. жил за границей. В революционном Петрограде находилась его племянница княжна Елена Александровна Щербатова, работавшая в Художественно-исторической комиссии по крайней мере до 25 февраля 1918 г. [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 28]. В марте 1918 г., возможно после отъезда княжны Щербатовой, комиссаром Строгановского дворца-музея утвержден В.Я. Курбатов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 120]. В 1919 г. Уполномоченным хранителем Строгановского дворца назначен С.Р. Эрнст [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 21], а в мае 1921 г. хранителем Строгановского дома-музея становится ассистент Российской академии истории материальной культуры, помощник хранителя Эрмитажа Камилла Васильевна Тревер [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 51]. В 1923 г. издан каталог «Строгановский Дворец-музей. Итальянские медали», составленный крупным специалистом по античной нумизматике Александром Николаевичем Зограф [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 78]. В мае 1924 г. в Строгановском дворце восстановлен библиотечный характер Минерального кабинета [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 141].

В начале 1919 г. в секцию Охраны национализированных зданий поступил дом Шаховской [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 33], только второй этаж которого было признано желательным сохранить в полной неприкосновенности [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 4]. Позднее часть художественных ценностей из этого особняка была перевезена во дворец Нарышкиных-Шуваловых [Авгуль 1996: 158], национализированный 1 августа 1918 г. [Краско 2009: 274].

С превращением Шуваловского дворца на Фонтанке в музей возникли определенные трудности: часть раритетов была спрятана в тайниках, оставшееся имущество подготовлено к вывозу

и упаковано в ящики [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 41]. Из-за этого Шуваловский дом-музей смог принять первых посетителей примерно через год после экспроприации — 1 сентября 1919 г. [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 41 об.]. Усилиями Отдела в нем открылась выставка картин, гобеленов и произведений прикладного искусства [Прищепов 2000: 101]. Хранителем Шуваловского особняка стала Мария Сергеевна Коноплева [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 53], подготовившая к марту 1924 г. «буфетную выставку» обиходной посуды [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 120].

Несколько необычно развивалась ситуация с национализацией Шереметевского дворца на Фонтанке и его богатейших коллекций. «Бесхозное» имущество забиралось легко, как писал один из идеологов музейной революции А. Эфрос — «собственники бежали, ценности оставались; — стоило только собственнику скрыться, — коллекция объявлялась конфискованной и переходила в руки государства» [Эфрос 1924: 242]. Владелец Фонтанного Дома Сергей Дмитриевич Шереметьев и его сын Павел Сергеевич находились в 1918 г. в России, в Москве.

30 апреля 1918 года В.А. Верещагин написал владельцу письмо:

«Милостивый Государь
Граф Сергей Дмитриевич.

Для охраны Вашей усадьбы и успешного отражения в будущем могущих быть попыток со стороны разных общественных организаций использовать дом для своих надобностей, Художественно-Историческая Комиссия при Зимнем Дворце находит желательным, чтобы при усадьбе Вашей поселился, за условленную квартиру плату, принявший на себя обязанности хранителя Член Комиссии Н.Г. Пиотровский.

Если с Вашей стороны не встречается возражений — не откажите сделать соответствующие указания Вашему управляющему Е.И. Петрову.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Председатель Верещагин» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 16. Л. 45 — 45 об.].

В 1918 г. Милостивый Государь и граф Сергей Дмитриевич Шереметьев не мог отказать в такой просьбе, хотя, возможно, это письмо было своего рода извинением за уже состоявшееся вселение Пиотровского. В июле 1918 г. Фонтанный Дом был национализирован.

В особняке, в котором находился Музей общества русской письменности [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 2], был открыт Музей истории дворянского быта. Его первым хранителем стал Н.Г. Пиотровский, давший, как записал в своем дневнике Н.С. Таганцев, обещание Сергею Дмитриевичу Шереметеву «оберегать его ценное хранилище» [Таганцев 1998: 146].

28 июня 1921 г. поступил на службу в Музейный фонд Владимир Константинович Станюкович, определенный с 15 ноября на постоянную работу в дом-музей Шереметева [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 68]. В июле 1923 г. Штат Шереметевского дворца пополнили сразу два научных сотрудника: О.В. Ротштейн из Института истории искусств и В.М. Смирнина из Петровского археологического института [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 55–56]. Остальные дома-музеи, как и сам Фонтанный дом, до июля 1923 г. имели только ученых хранителей и несколько человек вспомогательного персонала. Хранитель Шереметевского дворца В.К. Станюкович прочитал в 1923 г. в Академии истории материальной культуры лекцию о постройке усадьбы Останкино [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 80]. В 1924 г. в Шереметевском дворце открыли залы: История Фонтанного Дома как архитектурного памятника; Комната памяти Т.В. Шлыковой и крепостного театра; Комната детского обихода [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 96]. В феврале В.К. Станюкович закончил работу «Крепостные художники Шереметевых» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 109]. Весной им было сделано несколько докладов о крепостных художниках Аргуновых, архитекторе Алексее Миронове [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 144], а также велась работа по подготовке к открытию двух новых комнат домашнего обихода [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 122].

Хранителем дома-музея Юсупова был Яков Федорович Попов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 134. Л. 88]. В 1923 г. С.Р. Эрнстом прово-

дилась работа по подготовке путеводителя по Юсуповскому дворцу [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 77 об.]. В 1924 г. в Юсуповском дворце подготовлена новая выставка — «Распутинские комнаты» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 182].

В начале 1920-х годов количество подчиненных Музейному фонду музеев постоянно увеличивалось. В 1920 г. в ведении Секции национализированных зданий находилось два действующих дома-музея — Шереметева (Музей дворянского быта), с состоящим при нем Музеем древней русской письменности и искусства, а также дом-музей Е.В. Шуваловой. Фонтанный дом Шереметьева в 1920 г. посетило 570 человек, Шуваловский дворец — 2212 [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 75 об.]. А к 1 октября 1921 г. принимали экскурсантов Юсуповский, Строгановский, Шереметевский и Шуваловский особняки, квартира Олив [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 110 об.].

В ведении Садовой секции находились парки и оранжереи — Таврический, Елагиноостровский, Петергофский, Ораниенбаумский, Детскосельский и Гатчинский, Летний сад, а также закрытые для посетителей — Стрельнинское, Михайловское, Знаменское (так в документах ГМФ. — Д.И.) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 110 об.]. А в ноябре 1921 г. к уже перечисленным добавились Екатерингофский дворец и дворец Петра I (в Летнем саду); Петропавловский собор, домик Петра Великого (с часовней Спасителя). У Музейного фонда появились и собственные музеи за пределами Петрограда — усадьбы Марьино и Грузино [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 2], последнее посетило до 2000 человек [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 3]. Причем организацию музея в имени Грузино курировал лично заведующий Музейным фондом В.И. Ерыкалов. В 1922 г. к подведомственным музеям прибавился Меншиковский дворец со смежным музеем Шляхетского корпуса [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 5 об.].

Развитию собственных домов-музеев, организации в них выставок Музейный фонд уделял большое внимание. Усилия организации в начале 1920-х годов были направлены на превра-

щение бывших частных дворцов и их собраний в полноценные музеи.

В 1921 г. на работу была принята Анна Сергеевна Жемчужникова, с поручением организовать выставки Музейного фонда в Каменоостровском дворце и на даче бывшего принца Ольденбургского на Каменном острове [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 1]. Мы полагаем, что Анна Сергеевна была дочерью семейного врача Шереметевых Сергея Александровича Жемчужникова. В ноябре 1921 г. начал принимать посетителей Елагиноостровский дворец (6344 человека) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 3], хранителем которого назначен художник-архитектор Николай Петрович Никитин [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 59].

В 1923 г. заведующим Екатерингофским дворцом, дворцом в Летнем саду и Петропавловским собором был Ф.К. Эдревич [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 134. Л. 72]. В 1924 г. хранителем-архитектором О.М. Равицкой составлен первый отчет о работе Петровского дворца в Летнем саду, Екатерингофского дворца, Домика Петра I, Петропавловского собора. 1 июля введена книга посещаемости собора, в котором за месяц побывало 9000 человек [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 158].

В 1924 г., в самый разгар «музейной революции» Троцкой и Эфроса, Ленинградский музейный фонд приступил к большой работе по подбору экспонатов для московских музеев. Просматривались собрания на складах фонда, в Юсуповском дворце, Музеях Художественной культуры и фарфорового завода [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 136 об.]. По Ленинграду начинают ходить слухи о скором закрытии домов-музеев.

Хранитель Шуваловского дворца и сотрудник Русского музея Мария Сергеевна Коноплева так описывала в отчете впечатление от посещения особняка московскими коллегами, «открыто порицавшими устройство музея “не соответствовавшее марксистской точке зрения” и упускавшими при поверхностности ознакомления с несколькими залами из виду, что мы находимся перед лицом исторического памятника, переустройство и перегруппировка в котором недопустимы с научной точки зрения, или столь же

открыто делавшими пометки о предметах, которые при ликвидации особняка могли бы пополнить Московские музеи» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 142]. **А также:** «После изъятия 20–30 лучших картин из 160 выставленных в особняке в настоящее время нанесло бы такой существенный ущерб, что после него говорить о наличии в особняке ценного собрания картин было бы неуместно. Нет оснований полагать, что изъятия ограничились бы только картинами, весьма вероятно, что та же судьба постигла бы и коллекцию прикладного искусства» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 142].

Отчаянные попытки Коноплевой сохранить дом-музей были обречены на провал. Московские музеи нуждались в шедеврах, а дома-музеи, выделенные в 1918 г. **как готовые музеи, обладающие ценнейшими сформировавшимися собраниями**, перестали соответствовать новому научному подходу. Не только московские коллеги, но и Александр Бенуа, выступая в целом за сохранение музея в Шуваловском особняке, допускал, что из него могут быть изъяты 20–30 выдающихся произведений для пополнения центральных музеев [Бенуа 2015: 255].

Было прекращено бюджетное финансирование дворца, а самые ценные экспонаты (картины, скульптура, мебель) отправились в Москву. 6 июля 1924 г. **М.С. Коноплева подала «мотивированное заявление»** об уходе со службы [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 154]. Заявление, видимо, было отклонено, поскольку 23 сентября Мария Сергеевна принимала участие в ликвидации последствий наводнения, затопившего весь первый этаж особняка и вестибюль [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 171].

Московский музейный фонд проявил также интерес к Фонтанному Дому, откуда в Останкино был отправлен альбом планов этой усадьбы в 313 листов, а также 31 экспонат [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 172].

Предметы из ленинградских дворцов были нужны не только московским музеям, но и Коминтерну. 8 августа товарищ Иванов вывез в Москву для Коминтерна мебель из Юсуповского дворца [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 168].

История домов-музеев, о которых Луначарский говорил: «А какие чудеса открыты в настоящее время обозрению народных масс и учащихся во дворцах Юсупова, Строганова и других!» [Луначарский 1941: 484], подходила к концу.

Музей в Шуваловском дворце, за который боролась М.С. Коплева, прекратил существование в 1925 г. Коллекции из особняка поступили в Эрмитаж, Русский музей, Музейный фонд [Авгуль 1996: 158]. В самом здании вскоре расположился Дом печати [Авгуль 1996: 160].

5 июня 1925 г. Строгановский дворец на Невском был передан Государственному Эрмитажу [Соломахина 2015: 22], но эта мера оказалась лишь временной отсрочкой перед окончательной ликвидацией музея в 1930 г. **Собрание Строгановых было разделено** между Эрмитажем, Русским музеем, пригородными дворцами и Публичной библиотекой; Музею антропологии и этнографии Академии наук досталась археологическая коллекция⁴⁵ [Соломахина 2015: 30], но лучшие произведения из особняка были проданы.

Схожая судьба ожидала и музей в городской усадьбе Шереметевых. 5 июля 1925 г. **Фонтанный дом Шереметевых перешел в ведение** Историко-бытового отдела Русского музея, которому также отошли Летний дворец Петра I в Летнем саду и Меншиковский дворец [Краско 2009: 293], однако это тоже была лишь пауза перед закрытием музея. В 1929 г. здание Фонтанного Дома было передано Совинтуристу, а экспонаты перераспределены между музеями [Краско 2009: 301].

⁴⁵ Это коллекция № 4115, поступившая из Строгановского дома в 1930 г. Состав коллекции: каменные, костяные, бронзовые, железные, серебряные вещи из литовских курганов (Опись коллекции № 4115). По всей видимости, происхождение этих артефактов связано с археологическими изысканиями графа Сергея Григорьевича Строганова.

Работа с музеями и иными учреждениями

Слушайте! Ваша мебель музейного значения не имеет. Ей место не в музее, а в казарме штрафного батальона.

И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»

Основная работа Музейного фонда была направлена не только и не столько на организацию подчиненных ему домов-музеев, сколько на пополнение запасников и экспозиций Эрмитажа, Русского музея, Музея антропологии и этнографии, Пушкинского Дома, а также на формирование собраний новых, появившихся в результате послереволюционного бума музеев.

Еще весной 1918 г. В.А. Верещагиным, А.Н. Бенуа, П.П. Вейнером, Б.А. Надеждиным обсуждалось возможное дальнейшее использование Зимнего дворца. Они пришли к выводу, что дворец может служить для расширения Эрмитажа, а также устройства музеев о дворцовой жизни с включением исторических покоев, портретного и топографического [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 16. Л. 66]. В 1918 г. в бывшей императорской резиденции начал работать Дворец Искусств.

В январе 1919 г. журнал «Бирюч» писал: «Новая администрация Эрмитажа прежде всего поставила своей задачей распространиться насчет Зимнего дворца.

— В нашем идеале — дойти до такого объема, как парижский Лувр, — сказал нам Алекс. Бенуа» [Бирюч 1919: 20]. В 1922 г. Дворец Искусств (Зимний дворец) присоединен к Эрмитажу, которому переданы экспонаты Конюшенного музея, реэвакуированные из Москвы [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 3].

К 1923 г. Эрмитаж и Русский музей получили через Музейный фонд экспонаты из коллекций Долгорукого (с Галерной), Лейхтенбергских, Мятлевых, Дурново, Шереметевых (со Шпалерной), Нарышкиных (с Сергиевской, 29), Воронцовых-Дашковых, Воронцовых-Шуваловых, Горчакова, Олив, Паскевича, Рудановского [Ерыкалов 1924: 2]. Г.С. Ятманов отмечал: «Рост самих музеев

за время революции колоссальный. Эрмитаж сейчас развернут в 80 залах, к концу 1923 г. займет в отведенном Зимнем дворце до 120 зал» [Ятманов I 1923: 9].

В годы музейного бума в Петрограде появилось и много новых, зачастую необычных музеев, чему способствовало большое количество пустующих зданий и квартир.

27 марта 1919 г. руководством Музейного фонда решено предоставить часть помещений Каменноостровского дворца Институту по изучению мозга и психической деятельности для устройства показательного музея [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 27 об.].

Одним из послереволюционных музеев стал Театральный музей. Журнал «Бирюч» писал, что мысль о создании Музея Государственных театров появилась у артистов труппы Государственной Драмы весной 1918 г. [Бирюч. 1919. № 17–18: 302]. В январе 1919 г. музей находился в состоянии формирования: «Пока имеется только помещение для него, каковая является квартира бывшего директора театров В.А. Теляковского. Лучшего помещения нельзя и желать, но сейчас оно в состоянии полного хаоса» [Бирюч. 1919. № 9: 21].

7 августа 1919 г. Театральный музей обратился с просьбой предоставить ему «стильной мебели различных эпох на предмет развития у слушателей Школы Русской Драмы художественного вкуса и содействия правильной постановке пьесы» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 15]. Театральному музею Отделом выделена мебель в стиле ампир и рококо [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 38 об.] из Бюро и национализированных квартир [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 15]. Для посетителей музей открылся 16 мая 1920 г. В марте 1924 г. Музейный фонд выделил Театральному музею 96 книг и 20 акварельных рисунков Григорьева к постановке «Бориса Годунова» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 115 об.].

В начале 1920-х годов, после снятия фактической блокады Петрограда, у Музейного фонда появляется еще одно важное направление деятельности — пополнение региональных музеев.

В 1920 г. был создан Уфимский художественный музей [Музейное. 2003: 136]. 5–12 марта 1920 г. тов. Максимовым из Петрограда была отправлена в Уфимский подотдел по делам музеев

и охране памятников картина XV в. из собрания князя Орбелиани [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 8], 20 августа 1920 г. тов. Максимов уже непосредственно в Уфимский музей передал еще ряд произведений искусства [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 2–8].

В 1921 г. Музейный фонд отослал в различные местные музеи множество произведений искусства. В Ветлужский музей, Устюженский музей (картины, фарфор, бронза), Смоленский музей (картины), Пермский музей (гравюры), Радищевский музей в Саратове (картины), и опять-таки 45 экспонатов в Уфимский музей им. Октябрьской Революции [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 13, 44 об., 55 об.].

Передавали много, причем будущие владельцы далеко не всегда торопились за предназначенными для них экспонатами. Ярославский музей несколько месяцев не забирал подготовленные для него предметы. Руководство Музейного фонда было вынуждено даже уведомить Ярославский музей о том, что если упакованные в ящики и лежащие в коридоре дворца (Ново-Михайловского. — Д.И.) раритеты не будут увезены, то будут считаться поступившими обратно в фонд [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 18].

В результате в Музейном фонде скопилось такое количество различных артефактов, что было объявлено: «Ввиду необходимости усилить работу по регистрационной описи вещей, сосредоточенных в Отделении Бюро в Ново-Михайловском дворце, временно прекратить отбор и отпуск вещей Центральным и Провинциальным музеям» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 60 об.].

При этом изъятые из частных собраний предметы попадали далеко не только в музеи, но и в самые различные учреждения, включая Петроградский дом предварительного заключения, которому досталась мебель из Шереметевского дворца [Станюкович 2005: 220].

Позднее Музейный фонд выдаст цветочному магазину 15 предметов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 71]. Что мог передавать Музейный фонд в цветочный магазин? Ответ нашелся в другом документе: это были вазы, реквизированные из частных собраний [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 88].

Вот еще несколько интересных примеров использования экспропрированного имущества: в клуб Карла Либкнехта попали бронзовые часы — бывшая собственность профессора Отта⁴⁶ [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 21], в клуб курсов командного состава флота: бронзовые часы, женская бронзовая фигура, позолоченные канделябры [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 52, 53, 54], а клубу военно-технических курсов достались часы из светлой бронзы с тремя медальонами [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 53].

Очень показательная история приключилась с предметами, выданными 9 сентября 1920 г. из хранилищ Музейного фонда в клуб Петроградского общества эсперантистов и коммунистической молодежи. Всего им отдали «на хранение» 15 вещей (8 картин, 3 фарфоровые вазы, 4 бронзовых изделия) [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 1]. Дореволюционным владельцем одной из vaz был уже упоминавшийся профессор Отт. Как это ни покажется странным, но в списке на выдачу отсутствует подпись принимающей стороны, а указан лишь адрес Фонтанка 17, кв. 5 [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 1].

Перипетии этого собрания представляются настолько примечательными, что хотелось бы полностью привести один документ, составленный уже в 1924 г. и прекрасно показывающий, какой сложной и запутанной оказывалась судьба бывшего частного имущества в 20-е годы XX в.

«До Управления Государственного Музейного Фонда
Научного сотрудника
Худ. М.П. Мошкова

Доклад.

По поручению Управления Гос.Муз.фонда от 15/II с.г. я отправился для проверки предметов, выданных Складом Гос.

⁴⁶ Профессор Дмитрий Оскарович Отт (1855–1929) — акушер-гинеколог, с 1895 г. лейб-акушер Императорского двора, а с 1893 г. — директор Императорского клинического повивального акушерско-гинекологического института. Д.О. Отт способствовал строительству нового здания для института на Васильевском острове (в настоящее время НИИ акушерства и гинекологии им. Д.О. Отта РАМН).

Муз.фонда 9/X 20 г. в клуб комитета Ленинградского О-ва эсперантистов и коммунистической молодежи по адресу Казанская, д. 5⁴⁷.

Отправившись по этому адресу, я не нашел клуба, и там даже не могли дать справки, где он. Таких же справок не мог получить и в Губпросвете, и в комитете Р.К.С.М. в Смольном, и только случайно в президиуме исполкома центрального района я узнал адрес, где могу узнать о существовании клуба или его имуществе, а именно в Обществе «Межесперо» Казанская, 2. Там получил необходимые сведения: что вследствие отсутствия средств клуб был свернут, а картины и предметы были взяты тов. Микле Руди Вольдемар Густавовичем Мойка, 42, кв. 36 на свою квартиру, которая отапливается и в сравнительной безопасности. К тов. Микле приходилось ходить несколько раз, и только вчера вечером удалось его увидеть и иметь возможность проверить картины и предметы, причем оказалось, что все вещи находятся в целостности, только нижеследующие, № 2113 Ваза стекло разбито, № 3019 Кашпо дно разбито, повреждение. Микле Руди объяснил, что он единственный человек в клубе, который имел квартиру в хорошем состоянии и поэтому, желая сохранить в целости имущество Музейного Фонда, взял ее к себе временно на сохранение. К настоящему докладу прилагается акт от 9/VII с.г. и Выписка из акта Петроград. О-ва Эсперантистов Эсперо от 12 июня [19]23 г.

Марат Мошков

10/VII [19]24 г.» [АГЭ. Ф. 4.Оп. 1. Д. 42. .Л. 2].

Что дальше произошло с этими картинами и вазами, мы не знаем, зато мы можем кое-что рассказать о будущем участников этой истории.

Из секретной докладной заведующего музейным фондом: «20 января [19]28 г. представителем ГПУ был взят с места его

⁴⁷ В документе о выдаче предметов, как отмечалось, указан другой адрес.

занятости (Канцелярия Музейного Фонда) эксперт М.П. Мошков для допроса, и ни в этот, ни в последующие дни на службу не явился, т. к. был ГПУ задержан» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 16].

О другом участнике можно прочесть в «Списке граждан, расстрелянных в 1937–1938 гг.»: тов. Микли-Руди Вольдемар Густавович, 1890 г.р., эстонец, агент по снабжению пароходов заграничного плавления Лен. Главного морского агентства, проживавший по адресу: г. Ленинград, наб. Мойки, д. 42, кв. 36, был арестован 14 ноября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР и в 1938 г. приговорен к высшей мере наказания по статье 58 (контрреволюция). Расстрелян 4 февраля 1938 года [Списки граждан].

Естественно, что эксперты Музейного фонда выделяли магазинам, клубам и другим организациям только те предметы, которые, по их мнению, *не представляли музейной ценности*. Вопрос только в том, насколько правомерной была эта оценка, особенно в отношении восточных раритетов, и какое количество экспонатов, представляющих в настоящее время интерес для многих музеев, отправилось «в казармы штрафных батальонов».

Вне Петрограда

В настоящее время не только в Петербурге, <...> но и в провинции Отдел охраны памятников старины и произведений искусства имеет своих агентов, которые с помощью интеллигентных крестьян и рабочих блюдут как зеницу ока все народное достояние — художественные ценности.

А.В. Луначарский. «Советская власть и памятники старины»

Сразу же после Октябрьской революции стало очевидно, что наибольшей опасности разграбления подвергаются многочисленные загородные особняки. 25 февраля 1918 г. на заседании

Художественно-исторической комиссии специально приглашенная Елизавета Сергеевна Кругликова⁴⁸ высказала мнение о необходимости определения мер по охране помещичьих усадеб [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 22]. Учитывая эту проблему, при разделении Отдела на секции в 1918 г. создали специальную секцию по работе вне Петрограда (5-я, Иногородняя). Ее поначалу возглавлял заведующий 1-й (Архитектурной) секцией [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 35 об.] — архитектор, реставратор, исследователь древнерусского зодчества, занимавшийся вопросами охраны памятников еще до революции, Владимир Васильевич Суслов⁴⁹.

17 декабря 1918 г. Владимир Васильевич Суслов предоставил опись хранящихся у него на квартире произведений искусства, включавших, помимо работ самого Суслова, картины кисти И.Е. Репина, А.В. Маковского, В.Е. Маковского, А. Бенуа, а также

⁴⁸ Елизавета Сергеевна Кругликова (1865–1941) — художница, мастер эстампа и силуэта. После революции преподавала в Академии художеств.

⁴⁹ В.В. Суслов родился в 1857 г. в семье крепостного крестьянина-иконописца. Детство провел в Москве, где отец, после отмены крепостного права, владел иконописной мастерской [Лисовский 1971: 7]. В 1882 г. закончил Академию художеств в Петербурге [Суслова 1978: 10]. В 80-е годы XIX в. совершил ряд поездок по России, занимаясь фиксацией памятников русской старины — зарисовкой, фотографированием, схематичными обмерами, попутно собирал коллекции для Академии художеств [Суслова 1978: 13–15]. С 1887 г. член Русского археологического общества [Суслова 1978: 20]. В 1887–1900 гг. исследовал церковь св. Петра и Павла в Новгороде, крепость в Старой Ладогe, церковь Успения на Волотовом поле. В это же время им были составлены проекты реставрации Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Спасо-Мирожского монастыря в Пскове, церкви Спаса на Нередице в Новгороде. С 1893 по 1900 г. занимался реставрацией Новгородской Софии [Суслова 1978: 22]. С 1895 по 1901 г. издал семь выпусков «Памятников древнерусского зодчества» [Памятники 1895–1901]. В 1915–1916 гг. участвовал в работе комиссии по постройке «Федоровского городка» в Царском селе [Лисовский 1971: 24].

разного рода древности, добытые при исследовании и реставрации новгородской Софии [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 270].

Декрет от 23 января 1918 г. **об отделении Церкви от государства** фактически определил, что главная работа секции теперь будет сосредоточена не столько на сохранении усадеб, сколько на учете церковных ценностей, к которому решено было привлечь духовенство.

14 марта 1919 г. принят на службу архимандрит Ювеналий, командированный в Новгород для участия в комиссии по описанию церковной старины [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35, Л. 22 об.]. Иногородняя секция провела регистрацию имущества в Новгороде, Иверского (г. Валдай) и Юрьева монастырей. Осмотрели свыше 30 имений [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 21]. В процессе работы стали складываться региональные подотделы охраны памятников [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 25]. Для Новгородской и Череповецкой губерний назначили особого Уполномоченного-эmissара. Им стал художник, выпускник Академии художеств, проживавший в Новгороде, Николай Всеволодович Лишев⁵⁰. В июне 1919 г. Николай Всеволодович сообщил в Петроград о планах по застройке в районе храма Спаса на Нередице. Отдел решил срочно телеграфировать Новгородскому губернскому исполкому о недопустимости каких-либо построек в этом месте [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 51]. **Уполномоченным по 1-й (видимо Петроградской. — Д.И.) губернии** определили Е.С. Рахлина-Румянцева [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 18].

Образованы подотделы: Новгородский губернский, Старорусский уездный, Череповецкий губернский, Кирилловский и Белозерский уездные. В другие районы Новгородской губернии, в Ямбургский уезд Петроградской губернии, в Псковскую и Олонецкую губернии командированы сотрудники для выявления исторических памятников [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 42]. Составлена инструкция по учету и охране памятников вне Петрограда [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 46–56].

⁵⁰ О Н.В. Лишеве см.: [Григорьева 2014: 14–15].

27 марта 1919 г. **В.В. Суслов сообщил о создании минского подотдела охраны** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 27], а летом Суслов отправился в Саратовскую губернию для изучения памятников в селах и усадьбах [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 50 об.]. Осенью 1919 г. **в сферу деятельности вошли также Витебская и Смоленская губернии** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 36 — 36 об.].

5 июня 1919 г. стало известно, что Уполномоченный Московской коллегией Анисимов собирается вывезти из Кирилло-Белозерского монастыря две иконы («Успение» и «Одигидрия»), работы Рублева, находящиеся в иконостасе Успенского храма. Узнав об этом, Петроградский Отдел постановил: «Признавая совершенно нежелательным и нецелесообразным изъятие столь больших местных художественно-исторических ценностей без особо уважительных к тому оснований, немедленно установить телеграфное сношение с Московской коллегией местным подотделом по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины об оставлении указанных предметов на месте» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 49]. **Однако 14 июня Анисимов вывез из обители две иконы работы Рублева и пытался вывезти две старинные художественные пелены, но последние были задержаны архимандритом монастыря** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 51 об.]. **Вывоз памятников из Кирилло-Белозерского монастыря был прекращен по категорическому распоряжению из Петрограда (как покажет история, временно. — Д.И.), однако этот случай продемонстрировал растущий антагонизм Петроградского и Московского Отделов, каждый из которых считал указанную местность подведомственной себе** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 18]. **К тому же Н.В. Лишев сообщил о неудовлетворительной реставрации икон, произведенной Московской реставрационной мастерской в Кирилло-Белозерском, Кирилло-Новоезерском и Ферапонтовом монастырях** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 18 об.].

В 1920 г. иногородняя секция описала 215 памятников в Новгородской, Череповецкой, Северо-Двинской, Олонецкой, Петроградской, Псковской и Витебской губерниях. Работа в Архангель-

ской и Смоленской губерниях перенесена на 1921 г. [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 97. Л. 77].

В 1921 г. овдовевший (его жена умерла в 1920 г.) и тяжело больной чахоткой Владимир Васильевич Суслов просил освободить его от работы, связанной с длительными путешествиями по разоренной Гражданской войной России, однако коллеги уговорили его совершить последнюю поездку. Летом выехавший в Хвалынск В.В. Суслов слег окончательно. В июне Владимир Васильевич написал секретарю Музейного фонда Александровой полное отчаяния письмо: «Хозяйство мое в Петрограде все разорено, я сам вырван из почвы с корнем. Все пережитое в Питере настолько тяжело, что начинать снова жить там невыносимо, да и здоровье мое требует юга. Хотелось бы, если Бог даст здоровья, устроить себе в Крыму служебное положение по заведованию древними сооружениями Крыма» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 110]. Этому пожеланию не суждено было сбыться. 31 августа 1921 г. Владимир Васильевич Суслов скончался в Хвалынске от туберкулеза легких и склероза сердца [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 110].

В начале 1922 г. шестеро детей Суслова (от 4 до 18 лет) вернулись в Петроград. В их старую квартиру на Кадетской линии к тому времени были уже вселены другие люди. Анна Владимировна Суслова (старшая из детей) попыталась вернуть семье часть мебели отца. В этом ее поддержал Музейный фонд, желавший, в свою очередь, получить художественные коллекции и библиотеку покойного.

30 января 1922 г. Анна Суслова и служащая Музейного фонда Н.В. Курнецова пришли на Кадетскую линию, но в квартиру их не пустили новые жильцы: «30-го января 1922 г. я, по поручению Отдела, должна была провести подготовительную работу (составление описи, укладка вещей) в кв. худ. Суслова № 2 в д. № 7 по Кадетской линии В.О. Явившись на работу, я не была допущена в квартиру живущей там Веселовой, к-я объявила, что она без мужа ни одной вещи не отдаст. <...> 31-го января к назначенному сроку прибыла подвода с ящиками для книг и трое рабочих. Я с Управдомом и представителем Домкомтруда позвонила

в кв. № 2. Открыл дверь гражданин Трейгут, живущий там, встретил нас грубыми словами и в грубом тоне вел весь остальной разговор. С первых слов, он заявил, что никаких вещей он не отдаст, что он не может отдавать “каким-то людям” вещи, о к-х он должен дать отчет жилищному (следующее слово в тексте неразборчиво. — Д.И.). На мое заявление, что я имею мандат и определенные бумаги за печатью, удостоверяющие мою личность и дающие право вывезти вещи в указанное Отделом место, Трейгут сказал, что печать может иметь всякий, что например у него на столе тоже стоит печать. Выразив полное недоверие к моим полномочиям, он подтвердил его требованием иметь бумагу из Дворца Искусств на его имя и заверенные копии документов, имеющиеся у меня на руках, добавив, что о дне вывоза его нужно предупредить заранее. На мои слова, что проверяя 17/1 [19]21 г. картины в их квартире, я уже предупреждала квартирантов о том, что вещи могут быть вывезены в непродолжительном времени, <...> Трейгут отвечал грубым отказом и криком [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 270. Л. 24 — 24 об.].

Дальнейшая судьба собрания Суслова, хранившегося у него на квартире, нам неизвестна. 3 июня 1926 г. Музейный фонд постановил: «Ввиду невозможности получения каких бы то ни было сведений об имуществе, числившемся под охраной по удостоверению за № 1242 (номер охранного удостоверения на имущество Суслова от 17 декабря 1918 г. — Д.И.) и отсутствием владельца, считать вышеупомянутое учетное удостоверение аннулированным и дело подлежащим ликвидации» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 270. Л. 32].

16 июня 1921 г. принято решение об образовании особого отделения Музейного фонда для предметов церковной старины [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 36 об.].

В 1922 г. усилиями Иногородней секции в Александро-Свирском монастыре устроен Музей Древлехранилище, а в Петроград вывезли архив монастыря, а также 137 произведений из Соловецкой обители [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 3].

Заведующим Иногородней секцией в 1921 г. стал Е.С. Рахлин-Румянцев [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 22 об.]. Евгений Семе-

нович Рахлин-Румянцев — собиратель и признанный знаток церковной старины, задумавший создать храм-музей в селе Рютино Валдайского уезда Новгородской губернии. Строительство храма-музея по проекту гражданского инженера Г.П. Хронжтговского началось в 1916 г. За основу были взяты архитектурные формы Великого Новгорода и Пскова, тем более что «старина собиралась Е.С. Рахлиным-Румянцевым преимущественно на земле Древнего Новгорода и его “пятинах”» [Романченко 1922: 1]. После революции идея храма-музея была поддержана сначала В.А. Верещагиным, а позднее и В.И. Ерыкаловым.

8 октября 1922 г. храм-музей в Рютино был торжественно открыт. В Петрограде вышел «Краткий путеводитель по храму-музею, сооруженному Е.С. Рахлиным-Румянцевым в Новгородской губернии, Валдайского уезда близ села Рютино», составленный историком архитектуры, коллекционером, действительным членом Археологического института, автором «Древностей Старой Ладogi в памятниках зодчества» [Романченко 1905] и сотрудником Музейного фонда Николаем Романченко [Романченко 1922].

В храме-музее было четыре отдела. Первый заключал многочисленные образцы медного литья крестов и образов с XII до начала XX в. [Романченко 1922: 2, 6]. Второй представлял образцы русской иконописи с XV в. В третьем была собрана резьба по дереву, кости, финифть. Четвертый отдел был единственным в России собранием паникадил и лампад [Романченко 1922: 2].

13 августа 1923 г. храм-музей в Рютино был закрыт. Фонды музея переданы Новгородскому музею, а в Рютино организована исправительно-трудовая сельскохозяйственная колония. Храм-музей, так долго создававшийся крупным специалистом по русской старине Е.С. Рахлиным-Румянцевым, просуществовал меньше года. Экспонаты были разделены Новгородским губ-музеем на три категории — артефакты, желательные для Новгородского музея древнего искусства (41 номер); намеченные для передачи в Маловишерский уездный музей (276); вещи, признанные не имеющими музейного значения и отданные в пользование совхозу (23) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 238. Л. 8].

В 1923 г. убит составитель единственного путеводителя по храму-музею Н.Ф. Романченко, в феврале 1924 г. его собрание было передано на хранение в Эрмитаж [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 99 об.).

5 января 1924 г. арестован Е.С. Рахлин-Румянцев. 2 июня 1924 г. осужден Коллегией ГПУ по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже и приговорен к расстрелу. В это время, в январе 1924 г., собранные им раритеты так и не были вывезены в Новгородский и Маловишерский музеи, а оставались лежать в одном из домов Рютино [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 238. Л. 7–8]. Основатель храма-музея был расстрелян 28 июля 1924 г. в Москве. Дальнейшая судьба его коллекций нам не известна.

Ликвидация 1926–1929

Наша страна тем, между прочим, и отличается от капиталистических стран, что она не может, не должна заниматься грабежом колоний и вообще ограблением чужих стран. Стало быть, этот путь для нас закрыт. Но наша страна не имеет также и не хочет иметь кабальных займов извне. Следовательно, закрыт для нас и этот путь. Что же остается в таком случае? Остается одно: развивать промышленность, индустриализировать страну за счет *внутреннего* накопления.

И.В. Сталин. Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г.

В 1926 г. в журнале «Наука и искусства» опубликована программная статья Н.И. Троцкой «Музейное строительство и революция» [Троцкая 1926: 29–53], значительная часть которой посвящена созданию единого Государственного музейного фонда. По злой, но распространенной исторической иронии, опублико-

вание пафосного провозглашения о создании произошло в момент, когда этот самый фонд находился в тяжелой агонии и до его конца оставалось совсем немного.

В 1926 г. Ленинградское отделение Государственного музейного фонда возглавил Г.С. Ятманов, однако уже 1 февраля 1927 г. его на этой должности сменил профессор Академии художеств Дмитрий Михайлович Максимов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 277 об.]. Эта очередная смена руководства, как и последующие за тем кадровые перестановки, должна была способствовать безболезненному умерщвлению организации, собравшей после революции десятки тысяч ценнейших экспонатов. В феврале в Музейный фонд зачислены два новых служащих — Н.В. Куранов и А.Н. Трухачев. Осенью к ним присоединятся Л.А. Иванова и женщина с весьма примечательной судьбой А.Э. Капман.

Августа Эрнестовна Капман родилась в городе Тукумс в семье ремесленника. В 1909 г. окончила Правительственное училище. В 1911 г. работала чернорабочей на мыловаренной фабрике Мюленса в Риге, попутно посещая курсы рисования, живописи и лепки. В партию вступила в 1913 г. В 1915 г. за революционную деятельность приговорена к двум годам заключения. После освобождения работала конторщицей в железнодорожных мастерских в городе Великие Луки. В октябре 1917 г. избрана в Великолукский Совдеп, где была председателем следственной комиссии до 1919 г. С 1919 по 1920 г. — член юридической коллегии Псковского ГубЧК. С 1921 по 1922 г. — инструктор информатор Псковского Губкома РКП(б). В 1922 г. командирована Псковским Губкомом в Высший Художественный Технический институт в Ленинграде, который окончила 7 июля 1927 г., осенью этого же года пришла на работу в Ленинградское отделение Музейного фонда в качестве помощника хранителя Отделения прикладного искусства [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 30 — 30 об.].

Эти новые люди устроились на работу очень вовремя, поскольку и в конце 1920-х годов количество коммунистов среди сотрудников было минимально. В своем донесении ОГПУ в октябре 1927 г. товарищ Максимов отметил, что «старый научный

состав настроен не советски» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 12], а для новых задач были очень нужны «надежные» люди.

В результате Максимовым для дальнейшего трудоустройства, после ставшей уже очевидной ликвидации Фонда, были отобраны только пятеро «проверенных» партийных научных сотрудников (включая самого Максимова) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 23]. Все они поступили на службу в 1927 г.

В 1926–1927 гг. из Ленинградского музейного фонда и дворцов-музеев было отправлено для продажи в гос. Антиквариате раритетов на 1 миллион рублей [Российская. 2001.Т. 1: 146]. В Москве магазин, торгующий экспонатами, находился на Тверской, 26, а в Ленинграде — на Дворцовой набережной, 18 [Жуков 1992: 87] — непосредственно по адресу Ново-Михайловского дворца, где располагалось и само Хранилище Музейного фонда (очень удобно. — Д.И.).

Эта продажа «буржуйского добра» метко описана в 1927 г. Михаилом Зощенко в рассказе «Царские сапоги»: «В этом году в Зимнем дворце разное царское барахло продавалось. Музейный фонд, что ли, этим торговал. Я не знаю кто» [Зощенко 1994: 210]. Главный герой с подругой хотели купить самовар, которого не оказалось. «Зато других вещей было множество. И вещи, действительно, все очень великолепные. Разные царские портьеры, бордюры, разные рюмочки, плевательницы, сорочки и другие разные царские штучки. Ну, прямо глаза разбегаются, не знаешь, за что схватиться и какую вещь приобрести.

Тогда Катерина Фёдоровна на свободные деньги купила, вместо самовара, четыре сорочки из тончайшего мадаполама. Очень роскошные. Царские» [Зощенко 1994: 210]. Сам главный герой покупает себе «царские сапоги» за восемнадцать целковых, но вот беда, на четвертый день сапоги развалились, тогда он попытался жаловаться: «Конечно, на другой день сходил в Музейный фонд. А там уже и торговать кончили — закрыто» [Зощенко 1994: 211].

В этом рассказе точно отражен ассортимент, поступавший в широкую продажу в СССР: «царские портьеры, бордюры, разные рюмочки, плевательницы, сорочки и другие разные царские

штучки». За рубли продавали только заурядные вещи, настоящие произведения можно было купить в магазинах экспортно-импортного объединения «Антиквариат» за валюту. У Зощенко есть только одна маленькая историческая неточность: Музейный фонд еще не закрылся и торговать, на самом деле не кончили — торговать по-крупному только начинали. Не заметить это было невозможно.

15 апреля 1927 г. в уездном городе N умерла теща Ипполита Матвеевича Воробьянинова [Ильф, Петров 2009: 8], в этом же году в Москве с аукциона Главнауки пойдет с молотка ненужный «Музею мебельного искусства» гамбсовский гарнитур из Старгорода: «Представьте себе, что в таком кавардаке она уцелела. Как я вам уже говорил, музейной ценности она не имеет. Ее свалили в склад, и только вчера, *через семь лет (она лежала на складе семь лет!)*, она была отправлена в аукцион на продажу. Аукцион Главнауки. И, если ее не купили вчера или сегодня утром, она наша!» [Ильф, Петров 2009: 131]. Авторы абсолютно точно отметили дату реквизиции (основная экспроприация проходила в 1918–1920 гг.), дату массовой распродажи дворянского и «буржуйского» имущества (1927 г.), основание для продажи — музейной ценности не имеет, продавец — Главнауку, в ведении которой находился Музейный фонд.

В это время Заведующий Ленинградским Государственным Музейным фондом Главнауки Наркомпроса СССР Д.М. Максимов устанавливает секретную линию связи с ОГПУ. Для ведения секретного делопроизводства и переписки была выделена сотрудница, исполняющая обязанности хранителя Отделения живописи и скульптуры, Л.А. Иванова, давшая специальную подписку при допуске к государственной тайне:

«Подписка при допуске

Я, нижеподписавшаяся *Иванова Людмила Александровна* (здесь курсивом выделен не машинописный, а рукописный текст. — Д.И.) даю настоящую подписку Ленинградскому ОГПУ в том, что обязуюсь выполнить объявленные мне пра-

вила обращения с секретными бумагами и все могущие мне быть известные государственные тайны нигде и ни в какой мере не разглашать.

Мне известно, что за несоблюдение этого обязательства я несу строгую ответственность во внесудебном порядке, согласно известного мне секретного постановления Президиума ЦИК СССР от 26 мая 1927 г.

подпись *Л. Иванова*» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 18].

Этот документ, отпечатанный на бумаге размером примерно в четверть листа, является явно типовым и заранее изготовленным бланком ОГПУ, в котором подписант от руки только вписывал фамилию, имя, отчество и ставил подпись.

Музейному фонду предстоял «напряженный период ликвидации» (определение Капман. — *Д.И.*), а в это время в Хранилище произошло чрезвычайное, но, видимо, весьма характерное для этой организации происшествие. 23 августа 1927 г. дворник А.И. Васильев нашел в садике Ново-Михайловского дворца лежащую на земле картину Мадонны, у которой от сырости в некоторых местах сошла краска [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 7].

2 декабря 1927 г. в Москве в Большом театре состоялся XV съезд ВКП(б), на котором был принят первый пятилетний план, призванный превратить СССР в индустриальную страну, что требовало больших средств, которыми государство не располагало. 9 июля 1928 г. Сталин, выступая на пленуме ЦК ВКП(б), заявил о необходимости изыскания внутренних резервов для проведения масштабной ускоренной индустриализации. Сталин в своем выступлении имел ввиду в первую очередь «нечто вроде дани, нечто вроде сверх налога», взимаемой с крестьянства [Сталин 1949: 159], но был и еще один *внутренний* источник поступления валюты в казну — продажа антиквариата, которая будет, в соответствии с новой политикой, усилена. Еще 23 января 1928 г. вышло постановление Совнаркома СССР «О мерах по усилению экспорта и реализации за границей предметов старины и искусства» [Жуков 1992: 83–84].

30 января 1928 г. уполномоченный Наркомпроса в Ленинграде Б.П. Позерн отправил в Ленинградское отделение музейного фонда секретное распоряжение следующего содержания: «Предлагаю прекратить отправку отобранных для других музеев предметов, без особого на каждый раз моего распоряжения» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 20].

А затем: «Предлагаю предоставить для обозрения представителям С.-Запторга, снабженными мандатами за моей подписью, с целью выделения экспортных экспонатов, весь музейный фонд полностью» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 21]. **Предстояла** большая работа по фактически полной распродаже собранных за десять лет ценностей.

18 апреля 1928 г. вновь арестован (до этого подвергался аресту в 1927 г.) и отправлен в тюрьму А.Р. Дидерихс — один из организаторов первых складов-выставок и аукционов, но арест одного из основоположников торговли художественно-историческими ценностями, естественно, не означал прекращение самой торговли.

12 ноября 1928 г. уволен заведующий Ленинградским музейным фондом Д.М. Максимов, а руководство передано ликвидационной комиссии под началом бывшей революционерки и сотрудницы Псковского ГубЧК А.Э. Капман [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 308 об.], написавшей последний отчет этой организации.

Ленинградскому отделению Музейного фонда в 1928 г. было дано указание подготовить для продажи произведений искусства и старины на сумму 3 миллиона рублей [Попова 1998: 105]. Проблема состояла в том, что сотрудники Фонда всячески затягивали столь важную работу, испортив уже готовые списки, что потребовало составления их заново [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 302 об.]. Однако новой начальнице удалось справиться с ситуацией. В управлении Фонда трудились пять машинисток, перепечатывая списки, и к 1 сентября 1928 г. перестали существовать отделения мебели и бронзы, живописи и скульптуры, керамики, прикладного искусства [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 303].

Неудивительно, что хранителями двух из четырех отделений Фонда, которые удалось ликвидировать к 1 сентября, были недавно пришедшие Н.В. Куранов (керамика) и Л.А. Иванова (живопись и скульптура), а в отделе прикладного искусства работала сама товарищ Капман.

6 марта 1929 г. здание Ново-Михайловского дворца было передано Госторгу, за Фондом временно оставлены четыре комнаты. К 15 апреля 1929 г. в штате Ленинградского музейного фонда состояло всего шесть человек, заканчивавших его ликвидацию [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 310].

По оценке, приведенной в отчете Капман, к 1 октября 1928 г. на экспорт было выделено имущества на сумму 1 185 188 рублей 60 копеек, на 1 апреля 1929 г. — 1 501 104 рубля [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 315 об.].

В 1929 г. Музейный фонд, «собранный революцией», прекратил свое существование — его просто не стало.

Подобно стульям из дома Ипполита Матвеевича Воробьянинова в Старгороде, раритеты отправлялись вк лубы, музеи, на аукционы, и казалось, что найти их концов будет уже невозможно.

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ И КОЛЛЕКЦИИ В ПОИСКАХ СТУЛЬЕВ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ БЫВШИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ

— Я хотел бы, — с невыразимой сыновней любезностью закончил Остап, — найти что-нибудь из мебели папаши, чтобы сохранить о нем память. Не знаете ли вы, кому передана мебель из папашиного дома?

И. Ильф и Е. Петров. «Двенадцать стульев»

Среди монгольских коллекций Музея антропологии и этнографии выделяется коллекция № 2951, поступившая в МАЭ в 1920–1921 гг.⁵¹, зарегистрированная Г.О. Монзелером⁵² 15 июля 1924 г. (Опись коллекции № 2951: 1). При работе с этой «монгольской» коллекцией стало очевидно, что в ее состав входят японские, индийские и китайские экспонаты и среди них нет ни одного монгольского предмета⁵³.

Такое несоответствие описи и действительности уже привлекает внимание, но более того, в это собрание входит очень редко-ебронзовое изображение Амитаюса⁵⁴, которое может быть отнесено к сино-тибетскому искусству и датировано периодом Сюаньдэ (1426–1435)⁵⁵ (рис. 1).

⁵¹ Именно такая двойная дата указана на титульном листе описи (Опись коллекции №2951.Титульный лист).

⁵² Г.О. Монзелер (1900–1959) — японист и китаист. В 1924–1931 гг. был заведующим отделом культуры стран Азии МАЭ. В 1934 г. работал в экспедиции на Кольском полуострове. См.: [Кисляков 2009: 236].

⁵³ Любопытно, изначально (согласно Книге поступлений) коллекция была записана как китайская (что тоже не совсем верно, но ближе к истине), а позднее, уже в 1924 г., определена как монгольская.

⁵⁴ Форма Будды Амитабхи.

⁵⁵ Этой скульптуре был посвящен наш доклад на Радловских чтениях в 2009 г. [Иванов 2009: 214–215].

Целью дальнейшего исследования было определение имени собирателя. Учитывая, что предмет поступил в музей в 1920 или в 1921 г., когда в стране еще шла Гражданская война, и явно был экспроприирован из частного собрания, казалось, что разобраться и установить личность дореволюционного владельца будет невозможно, однако кое-что выяснить удалось. Это небольшое музейно-архивное расследование послужило поводом для дальнейшего поиска и выяснения судьбы других «музфондовских» экспонатов в азиатских (и не только) коллекциях Музея антропологии и этнографии.

В ЦГАЛИИ в архиве ГЭ хранятся документы Музейного фонда, а на некоторых экспонатах сохранились этикетки этой организации. Причем можно выделить несколько типов этикеток, которые соответствуют разным периодам существования Музейного фонда. Некоторые из них содержат только название организации «Инв.Худ.Ком.» или «Музейный фонд» и номер предмета, другие — дополнительную информацию, которая может включать даже адрес. В ЦГАЛИ СПб хранится Инвентарная книга художественных предметов Музейного фонда, датированная 1928 г., однако, как нам удалось выяснить, в эту книгу были включены все предметы, которые когда-либо проходили через эту организацию начиная с 1917 г.⁵⁶ Помогли нам в этом 18 фарфоровых декоративных изразцов из японской коллекции № 2932, хранящиеся в настоящее время в Особой кладовой МАЭ (рис. 2). На этих изразцах, опубликованных А.Ю. Синицыным и датированных им периодом Мэйдзи (1868–1912) изображены знаменитые самураи [Синицын 2009: 68–104]. А.Ю. Синицын отмечает, что на некоторых изразцах присутствуют номера, отличные от номеров МАЭ, которые он справедливо считает номерами Музейного фонда [Синицын 2009: 69]. Так, на фарфоровой пластине № 2932-20 имеется этикетка «Инв. Худ. Ком. № 197» (рис. 3). В Инвентарной книге, хранящейся в ЦГАЛИ

⁵⁶ Появление этого компилятивного общего списка в 1928 г. видимо, связано с работой по ликвидации ГМФ.

СПб под № 197, значатся 18 изразцов японских, расписанных изображением борющихся воинов и конфискованных в 1918 г. из дворца великой княгини Ксении Александровны [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 446. Л. 32]. Необходимо отметить, что совпадают также размеры пластин из Особой кладовой МАЭ с размерами из Инвентарной книги (21,5×21,5 см). В архиве Государственного Эрмитажа также хранится часть материалов Музейного фонда, в том числе и «Опись различным музейным предметам». Согласно этому документу 18 изразцов японских под № 197 были переданы в Этнографический отдел Академии наук [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 84. Л. 10].

Есть две этикетки с надписью «Инв.Худ.Ком. № 323 а,в» и на двух японских подсвечниках из якобы монгольской коллекции № 2951. В Инвентарной книге под № 323 числятся две японские декоративные башенки из темной бронзы. Размер: 21×8 см, изъяты из дворца вел.кн. Ксении Александровны 18 ноября 1918 г. [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 446. Л. 78]. Учитывая, что наши подсвечники имеют форму ступы-пагоды, которая напоминает башенку, мы имеем полное совпадение описания, материала и размеров (рис. 4). В 1922 г. эти «башенки-подсвечники» числились в списках Музейного фонда переданными в Этнографический отдел Академии наук [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 10].

Сравнив Инвентарную книгу Музейного фонда [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 446]; **опись и переписку о поступлении художественных предметов** из дворца Ксении Александровны и Александра Михайловича в Художественную комиссию [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 547]; **списки музейного фонда, в которых указаны места назначения экспонатов** [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79, 82, 84]; Опись коллекции № 2951 МАЭ и сами предметы, мы составили следующую таблицу. Необходимо отметить, что Опись дворца Ксении Александровны [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 547] явно неполная, в инвентарной книге [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 446] гораздо большее число предметов отмечены как поступившие из этого дворца.

№ и описание предмета по инв. Книге Муз.фонда	Опись дворца Ксении Александровны и Александра Михайловича	Описи муз.фонда с указанием передачи в Этнограф. отдел АН	Название и № предмета по Описи коллекции № 2951 МАЭ РАН	Экспонаты
№ 337. Будда. Камень. Стиль индийский. 16,5×8. На голове широкое украшение вроде веера		Инв.№ 337. Будда. Камень	2951-1. Будда из мрамора	Тиртханкара
№ 339 Будда. Стиль индийский. 19×10 (?). Сидящий Будда из черного камня.	Истукан мраморный индийский. № муз. фонда 339	Инв. № 339 Будда. Камень	2951-2. Будда из камня	Тиртханкара (рис. 5)
№216 Будда. Бронза. 31×20 см	Буддийская скульптура металлическая. № муз.фонда 216	Инв. № 216. Будда. Стиль индийский. Темная бронза	2951-3. Бронзовая фигура Будды Амитабхи на алмазном престоле	Амитаюс
№ 324. Будда на фантастическом звере. Темная бронза. 23×18	Фигура кит.бронзовая «Бог». № муз.фонда 324	Инв. №324. Будда на фантастическом звере	2951-4 а.в.с. Бронзовая статуэтка трехликого и шестирюкого бога. Фигура сидит боком на льве	Одна из гневных форм Падмасамбхавы

№ и описание предмета по инв. Книге Муз.фонда	Опись дворца Ксении Александровны и Александра Михайловича	Описи муз.фонда с указанием передачи в Этнограф. отдел АН	Название и № предмета по Описи коллекции № 2951 МАЭ РАН	Экспонаты
№323. Две японские башенки декоративные. Темная бронза. 21×8		Инв.№ 323а,в. Две яп. башенки декоративные. Темная бронза	2951-5/2. Два одинаковых бронзовых подсвечника	Подсвечники
№ 225. Будда. Камень. 38×26	Истукан мраморный буддийский. № муз. фонда 225	Инв. № 225. Будда, стиль индийский. Камень	2951-6. Мраморная фигура Будды	Тиртханкара
№ 463. Будда. Глиняный рельеф. 14×10		Инв. № 463. Будда, стиль индийский. Терракота	2951-7. Барельеф Будды. Терракота (рис. 6)	Будда Шакьямуни

В первоначальной описи, составленной в 1924 г., Г.О. Монзелером упоминается еще один предмет под № 2951-8, Амитабха. Этот экспонат был пропущен при перерегистрации описи в 1982 г. (!), однако он имеется в наличии — это бронзовая скульптура Амитаюса.

Из архива Эрмитажа следует, что в Этнографический отдел Академии наук было передано также несколько японских книг с иллюстрациями из того же дворца, однако ни в одной из коллекций, поступивших в МАЭ из Музейного фонда, этих книг нет. Найти одну из книжек помогла этикетка «Инв.Худ.Ком. № 290». Снизу другими чернилами приписан еще один номер «Г-13-4» (рис. 7). Эта богато иллюстрированная книга в настоящее время зарегистрирована под № 6132-8, а коллекция № 6132 была передана в фонды в 1951 г. из библиотеки Института этнографии АН в Ленинграде (Опись коллекции № 6132, титульный лист). На одной из страниц книги сохранился овальный штамп. К сожалению, надпись на штампе практически не читается, однако, как нам известно, подобные овальные штампы использовались в Библиотеке Академии наук. Скорее всего, дописанный номер «Г-13-4» является старым библиотечным шифром.

По всей видимости, получив предметы из Музейного фонда, в Академии наук вещи сразу передали на хранение в фонды Музея антропологии и этнографии, а книги поступили в библиотеку, из которой одна из них попала в музей только в 1951 г. Книга озаглавлена *Dainihonbussanzue* («Иллюстрированный каталог продукции, выпускаемой в Великой Японии»), датирована 1877 г. и содержит цикл работ известного японского художника Утагава Хиросигэ III⁵⁷ [Ivanov 2011:30] (рис. 8).

Также в документах отмечено, что в Этнографический отдел Академии наук было передано девять пар японских туфель под

⁵⁷ Мы искренне благодарны Сергею Буланцеву (СПбГУ) за помощь в атрибуции предмета.

номерами 666 I—X⁵⁸, а также колокол «стиль яп.» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 84. Л. 18; Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 8]. 18 ноября 1918 г. из дворца великой княгини Ксении Александровны были изъяты две пары японских туфель и одна пара носков, получившие номера 666 I – X/2 [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 446. Л. 699]. Здесь наблюдается явное расхождение документов из разных архивов. Согласно первому было девять пар туфель, по второму — две пары, а по номерам их должно быть десять пар.

Нам удалось найти в МАЭ три пары туфель (две из них имеют сохранившиеся этикетки «666.VIII.» (рис. 9) и «666.IX», у третьей пары этикетка утрачена, но сохранился след от нее) в составе китайской коллекции № 2950.

В документах Музейного фонда эта обувь обозначена как японская, в нашем музее была описана как китайская, а по убедительному мнению корееведа Д.А. Самсонова она является корейской.

Все эти вещи до революции хранились во дворце великой княгини Ксении Александровны (1875–1960). Возникает закономерный вопрос о том, как эти предметы могли у нее оказаться.

Чтобы это понять, необходимо обратиться к событиям, предшествовавшим революции, и к личности ее мужа, великого князя Александра Михайловича (1866–1933), известного также как князь Сандро. Их роман начался, когда Ксении не было еще 12 лет, а Сандро был 20-летним морским офицером. Она была дочерью императора Александра III и родной сестрой цесаревича Николая, он — внуком Николая I, сыномнаместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича и двоюродным дядей

⁵⁸ Судя по нашим наблюдениям, Художественно-исторической комиссии велась порядковая нумерация. Каждый поступавший предмет получал порядковый номер, который становился и его инвентарным номером. Эти номера записывались арабскими цифрами. Парные предметы получали один номер с дополнительным буквенным обозначением — а, б. Если предметы составляли серию, то вся серия получала один номер, а каждый предмет внутри серии получал свой номер, который записывался римской цифрой.

будущей жены. Их брак, последовавший в 1894 г., разрушит традицию, согласно которой дочери императора выдавались замуж за европейских принцев, но этому событию предшествовали длительные плаванья жениха.

Путешествия великого князя

Товарищ я вахты не в силах стоять, —
сказал кочегар кочегару, —
Огни в моих топках совсем не горят,
В котлах не сдержать мне уж пару.

«Раскинулось море широко»

Князь Сандро был, на наш взгляд, личностью своеобразной и несколько даже авантюрной. В нем уживались потуги политического деятеля с увлечением восточными религиями и мистикой, а также с любовью к морской романтике, заставившей его избрать карьеру морского офицера. Высокого красавца брюнета (так его описывают практически все знавшие его) влекли дальние страны. Военно-морская служба прекрасно для этого подходила. В 1886 г. он был приведен к присяге [Лебедев 2011: 230] и в этом же году на корвете «Рында» отправился в кругосветное плавание, во время которого смог побывать в Бразилии, Сингапуре, Гонконге, Японии, Индии, на Цейлоне, Филиппинах и Молуккских островах.

Несмотря на то что Александр Михайлович находился еще только в чине мичмана, он, безусловно, как член императорской фамилии, занимал особое положение на корабле. По всей видимости, на «Рынде» находился даже его личный хор. По крайней мере в официальном описании заграничного плавания сказано: «Вследствие болезни музыканта Омельченко, хора Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича, уход корвета отложен был на одни сутки» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 18]. Свой особый статус отмечал и сам молодой мичман.

«Пока же я всего только мичман. То, что я великий князь и двоюродный брат Государя, ставит меня в особое положение и может вызвать неприязнь моего начальника. На борту корабля — он мой неограниченный начальник, но на суше он должен становиться предо мною во фронт.

Две очень элегантные дамы в одном американском баре в Париже были поражены, когда увидели, как русский «командан»⁵⁹, внушавший им страх, вскочил при появлении в зале молодого человека без всяких отличий. Мне достаточно было намека, чтобы все общество подсело бы к моему столу. Но я не пошевелинулся» [Романов 1991: 79].

Однако для нижних чинов плавание было далеко не столь комфортно. Командир корабля в отчете о плавании указал, что во время перехода от островов Самоа до Нагасаки машинная команда сильно страдала из-за высоких температур в котельных отделениях до 50–52°R; у матросов были «случаи истощения, обессиления с судорогами конечностей и рвотой, но все они кончались скоро и без последствий» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 51 об.].

Несмотря на отсутствие «последствий», в день прихода на Нагасакский рейд заболел исполняющий должность котельного унтер-офицера, котелгар 1 статьи Роберт Браун, с судорогами конечностей, рвотой и потерей сознания. 20 мая он умер от кровоизлияния в мозг и был захоронен на русском кладбище за деревней «Иноса» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 51 об. — 52]. Позднее в Аденском заливе заболел котелгар 2 статьи Карл Пульдас. «У Пульдаса появился упадок деятельности сердца, остановка пульса и сильнейшие судороги конечностей» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 65 об.]. Пульдас скончался и был погребен в Адене на

⁵⁹ Командиром крейсера «Рында» в это время был Федор Карлович Авелан (1839–1916). На следующий год после возвращения из кругосветного плавания был произведен в контр-адмиралы, в 1896 г. в вице-адмиралы, в 1903–1905 гг. занимал пост морского министра.

общем европейском кладбище. Капитан корабля обратился к местному врачу с просьбой об освидетельствовании тела покойного, но тот отказался, сказав, что «кочегары с пароходов гибнут от HeatApoplexie постоянно и поэтому аденский госпиталь всегда держит готовым несколько гробов» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 66 об.]. Кажется удивительным, но, описывая гибель Пульдаса, командир корвета спокойно отмечает: «Случаи подобного заболевания наблюдались на корвете и раньше в жарком климате и почти всегда при условии слабой тяги в кочегарных, но больные быстро поправлялись, без всяких вредных последствий для здоровья» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 66].

Эти злключения команды не нашли никакого отражения в мемуарах великого князя, хотя о смертельных случаях он не мог не знать.

Александр Михайлович в это время знакомился с поразившим его Востоком и ужасался цинизму и равнодушию британских колониялистов: «Сингапур. Я желал бы, чтобы какая-нибудь пресыщенная леди, пьющая чай на террасе своего красивого имения в Англии и жалующаяся на вечное отсутствие мужа, находящегося на востоке, имела бы возможность осмотреть Сингапур и видеть процесс добывания денег, на которые покупаются ее драгоценности, туалеты и виллы. Бедный Фрэдди. Он все время очень много работает. Я не знаю в точности, что он делает, но это имеет какое-то отношение к этим забавным китайцам в Сингапуре!» [Романов 1991: 83]. Далее в мемуарах князя следует сравнение китайского квартала с курильнями опиума, нищетой и развратом с благополучным, ухоженным британским клубом. «Еще одна неделя в Сингапуре, и я бы опасно заболел. Я благословлял небо, когда каблограмма Морского Министерства предписала нам отправиться немедленно в Гонг-Конг» [Романов 1991: 83].

Не менее британский и китайский Гонконг не вызвал у молодого офицера такого отталкивающего чувства, возможно благодаря компании юной американки из Сан-Франциско, с которой он потом еще переписывался в течение года. Но главное любовное «приключение» ждало его в Нагасаки.

Учитывая большое количество именно японских предметов, изъятых из его дворца, мы остановимся на этой истории подробнее. В то время у русских моряков был известный обычай заводить себе японских «временных жен» — *мусумэ*. Не устоял и Александр Михайлович. В деревне Иносса близ Нагасаки, на кладбище этой самой деревни похоронили кочегара Брауна, находился известный русский ресторан для офицеров — с борщом, водкой, икрой и осетриной. Хозяйка заведения по совместительству играла роль сводни, по мнению великого князя, совершенно бескорыстно — «За эту услугу она не требовала никакого вознаграждения, делая это по доброте сердца. Она полагала, что должна сделать все от нее зависящее, чтобы мы привезли в Россию добрые воспоминания о японском гостеприимстве» [Романов 1991: 87]. Стараниями этой сердобольной женщины Александр Михайлович обзавелся собственной *мусумэ*, миниатюрной, веселой и услужливой.

Он настолько увлекся Японией, что решил выучить японский язык под руководством своей «жены». С этим связан самый курьезный случай за все его путешествие. Он был приглашен с официальным визитом к японскому императорскому двору и решил, что лучший способ произвести там впечатление — это заговорить по-японски. Проблема заключалась в том, что его японский был... весьма *специфическим* и сильно отличался от языка принятого при дворе⁶⁰. Возможно для обучения японскому языку им

⁶⁰ Во время торжественного обеда Александр Михайлович решил заговорить с императрицей по-японски, что произошло затем, он прекрасно описывает сам: «Я сидел по правую руку от Императрицы. Выждав немного, набрался храбрости, улыбнулся очень любезно и заговорил с ней по-японски. Сперва она выглядела чрезвычайно удивленной. Я повторил мою фразу. Она вдруг рассмеялась.

Тогда я счел наиболее уместным выразить ей по-японски мое восхищение по поводу достигнутых Японией успехов. Это представляло большие трудности, так как я должен был вспомнить многие выражения, употребляемые в подобных случаях моими друзьями в Ионассе.

Императрица издала странный, горловой звук. Она перестала есть и закусила нижнюю губу. Ее плечи затряслись, и она начала истерически

были приобретены и книги, одна из которых упоминалась выше. В любом случае, внез ависимости от цели, купить он их мог только в то время.

Следующее событие в путешествии, представляющее интерес, произошло уже в Лондоне, где он познакомился с ворчливым и сильно пьющим американским миллионером, живущим безвылазно на собственной яхте «Леди Торффрида». Великому князю приглянулось это прогулочное судно, и он, прибегнув к двум верным помощникам любого торговца — лести и выпивке, уговорил упрямого американца продать ему «Леди Торффриду» с условием, что он переименует ее [Романов 1991: 96–97]. Так великий князь оказался обладателем яхты «Тамара».

Командир «Рынды» записал: «В 3 ч. Дня, проходя Дувр, к Корвету присоединилась для совместного плавания в Кронштадт вновь приобретенная Его Императорским Высочеством Великим Князем Александром Михайловичем паровая яхта “Тамара” и вступила Корвету в кильватер» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 77 — 77 об.].

Правда, в своих воспоминаниях великий князь предпочел написать, что ожидал прибытия «Тамары» в Петербурге [Романов 1991: 99].

смяться. Японский принц, сидевший слева от нее и слышавший наш разговор, опустил в смущении голову. Крупные слезы катились по его щекам. В следующий момент весь стол кричал и смеялся. Я очень удивился этой веселости, так как в том, что я сказал, не было и тени юмористики. Когда смех немного улегся, императрица подала знак принцу, и он обратился ко мне по-английски:

— Позвольте узнать, где Ваше Императорское Высочество изволили научиться японскому языку? — вежливо спросил он с глазами, полными слез.

— А что? Разве я говорю плохо?

— Совсем нет! Вы замечательно говорите, но видите ли, вы употребляете особый местный диалект, который... Как бы вам это объяснить?.. Можно узнать, как долго вы уже находитесь в Нагасаки и не проживали ли вы в округе Ионассы?» [Романов 1991: 91].

Книга воспоминаний Александра Михайловича — это особый жанр: смесь анекдотов с «философскими» рассуждениями о жизни, политике, религии, проникнутыми горечью воспоминаний о прекрасной дореволюционной поре. В ней не нашлось места ни гибели кочегаров, ни обстоятельствам приобретения вещей, ни описанию посещения им центрального Китая и Пекина, а также Кореи в 1888 г., где он встречался с правителем этой страны ваном Коджоном. Это был первый визит члена российской императорской фамилии в Корею после подписания Правил о сухопутной торговле. Во время аудиенции во дворце произошел неслыханный для восточного этикета случай: корейский правитель пожал великому князю руку [Пак 2004: 15]. Факт рукопожатия имел колоссальное символическое значение и был проявлением высочайшего доверия. Никогда ранее корейский монарх не пожимал никому руки [Пак 2004: 16]. Узнать об этом можно из книги Б.Б. Пака, посвященной отношениям России и Кореи, но не из мемуаров князя.

Именно в ходе этого важного в политическом отношении визита, видимо, и была приобретена великим князем корейская обувь, хранящаяся в настоящее время в Музее антропологии и этнографии (рис. 10).

В 1889 г. «Рында» вернулась в Петербург, а уже в 1890–1891 гг. Александр Михайлович совместно со своим братом великим князем Сергеем Михайловичем совершил плавание на яхте «Тамара» в Индию. В этой «экспедиции» их сопровождал знаменитый географ, натуралист, член-корреспондент Петербургской Академии наук Г.И. Радде⁶¹, написавший воспоминания «23 000 миль на яхте Тамара» [Радде 1892, 1893]. Благодаря книге

⁶¹ Густав Иванович Радде (1831–1903) — обладатель Золотой Константиновской медали, золотой медали королевы Виктории Королевского географического общества, Демидовской премии. Принимал участие в многочисленных экспедициях по Сибири, Кавказу, Персии, Турции. Его именем названо село Радде в Облученском районе Еврейской автономной области, а также множество видов животных и растений.

Радде мы знаем о встречах князей с местными правителями и о некоторых дарах, ими полученных.

Помимо Индии они побывали на Яве, где осмотрели Боробудур, а также посетили местного султана, одарившего их надушенными мускусом «пахитос», двумя кинжалами, украшенными алмазами, и отличной тканью на саронги [Радде 1892: 129]. Потом в Джохорском султанате, где они были приняты сыном и племянником султана, поскольку сам султан был болен [Радде 1892: 171], и в столь ненавистном Александру Михайловичу Сингапуре, который очень понравился ученому, оставившему об этом городе поэтические строки в своей книге: «Вечером город еще лучше, чем днем. Бесчисленные огоньки фонарей, особенно на восточном берегу, на каботажных и рыболовных судах отражаются в спокойном заливе. Стоит только набежать ветерку и подернуть легкую рябью морскую гладь, как замелькают, запрыгают светящиеся точки, а запад еще горит в этот час багрянцем. Собравшиеся там тучи прорезываются молниями» [Радде 1892: 171]. Большое впечатление на Радде произвели прекрасные сингапурские дороги и ботанический сад [Радде 1892: 92–94]. Так совершенно по-разному увидели одно и то же место великий князь и ученый.

В результате этих путешествий на корвете «Рында» и яхте «Тамара» оружейная коллекция Александра Михайловича пополнилась многими экземплярами. В Описи старинного восточного оружия из его дворца, составленной при изъятии этих предметов после революции, числятся 13 ножей малайских, сабля малайская, 5 кинжалов-крисов, топор с Филиппинских островов, 3 малайских копья, нож жертвенный из Непала в черных кожаных ножнах [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 547. Л. 68–70]. Радде пишет, что в монастыре Дарджилинг в Сиккиме недалеко от непальской границы великий князь купил кривой нож [Радде 1893: 108].

В 1893 г. Александр Михайлович совершил новое путешествие на крейсере «Дмитрий Донской», на этот раз к берегам Северной Америки.

По возвращении из Соединенных Штатов он женился на великой княжне Ксении Александровне. Свадьба состоялась

25 июля 1894 г. в Петергофе, по этому поводу Александр III подарил новобрачным дворец⁶² в Петербурге на набережной реки Мойки прямо напротив арки Новой Голландии (рис. 11).

Молодожены заказали новую отделку интерьеров инженеру Н.И. де Рошефору⁶³. По его эскизам была также изготовлена ограда с воротами, декорированным инициалами княгини «КА» (рис. 12). Постройка домово́й церкви преп. Ксении Римлянки и благ.вел. кн. Александра Невского была поручена архитектору Н.В. Султанову⁶⁴.

В этом дворце, за которым закрепилось имя его супруги, расположились коллекции, привезенные великим князем из плаванний. В каких именно залах находились восточные раритеты, в настоящее время трудно сказать. Судя по спискам Музейного фонда, в которых японские и индийские вещи перечислены вперемешку с европейской мебелью и прочей утварью, они разместились в разных комнатах, формируя интерьер особняка в целом. Точно можно сказать только, что азиатское оружие хранилось в особой Оружейной комнате [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 547. Л. 68–70].

После завершения периода «больших плаваний» великий князь продолжал заниматься коллекционированием, но уже не восточных раритетов, а преимущественно античных монет, тра-

⁶² В настоящее время в нем находится Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта; наб. Мойки, 106. История дворца началась еще в начале XVIII в., когда Петр I подарил участок на Мойке Ивану Акимовичу Сеньявину. Позднее усадьба несколько раз меняла владельцев, пока не была куплена в 1850 г. М.В. Воронцовой (урожденной Трубецкой). Новая хозяйка поручила перестройку дворца архитектору И.А. Монигетти, а в 1894 г., как раз в год свадьбы, продала здание удельному ведомству.

⁶³ Граф Николай Иванович де Рошефор (1846–1905), потомок выходцев из Франции, был инженером и архитектором.

⁶⁴ Николай Владимирович Султанов (1850–1908) — архитектор, реставратор, искусствовед, директор Института гражданских инженеров (1895–1903). Идеолог византийского стиля в архитектуре.

тя на это значительные суммы. Возможно, этому новому увлечению способствовала нумизматическая страсть его брата Георгия Михайловича, у которого он приобрел Босфорскую коллекцию за 50 000 рублей [РГИА. Ф. 521. Оп. 1. Д. 55. Л. 73]. На пополнение собрания монет Александра Михайловича работала целая сеть поставщиков, как в России, так и за границей. Иногда случались неизбежные в таких случаях казусы. 18 августа 1902 г. Русский консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев вернул великому князю 200 франков, истраченных на оказавшиеся фальшивыми монеты. В сопроводительном письме он объясняет, что не мог определить их подлинность: «В крупном городе можно справиться у знатоков. Здесь же таковых только два: дьякон Клеопа да Американский консул. Они оба нашли монеты настоящими» [РГИА. Ф. 521. Оп. 1. Д. 55. Л. 153 — 153 об.]. **В сохранившихся достаточно подробных описях приобретаемых им ювелирных изделий и произведений искусства никакие восточные предметы не упоминаются.**

Будучи очень деятельным человеком, князь Сандро принимал участие в самых разных предприятиях и начинаниях, многие из которых были связаны с Востоком. Он был активным участником так называемой «безобразовской клики»⁶⁵ и противником политики С.Ю. Витте. С 1902 по 1905 г. руководил специально для него созданным Главным управлением торгового мореплавания и портов.

Во время Русско-японской войны ему было поручено организовать так называемую «крейсерскую войну» (фактически каперскую). Им было закуплено четыре пассажирских парохода,

⁶⁵ «Безобразовская клика» — придворная группировка, названная по имени А.М. Безобразова (1855–1931), с 1903 г. статс-секретаря особого комитета по делам Дальнего Востока. Деятельность группировки была направлена на усиление политического и экономического присутствия России на Дальнем Востоке и во многом спровоцировала ухудшение отношений с Японией. После поражения в Русско-японской войне распалась.

которые оснастили вооружением и отправили «охотиться» за кораблями, везущими сырье и боеприпасы в Японию. Однако как только был захвачен караван из 12 судов, следовавших в японские порты, британское и германское правительства заявили о вопиющем факте пиратства. Захваченные корабли были отпущены, а «крейсерская война» на этом довольно бесславно завершилась [Романов 1991: 180–181].

Более плодотворной была деятельность великого князя как главы Особого комитета по усилению флота на добровольные пожертвования. В результате деятельности этого комитета, основанного в 1904 г., к началу Первой мировой войны было построено 23 боевых корабля [Лебедев 2011: 243]. После революции сотрудники Художественной комиссии, реквизируя имущество дворца Ксении Александровны, внесут в опись памятные доски о закладке военных кораблей [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 447. Л. 259–260]⁶⁶.

Пожалуй, самым успешным начинанием Александра Михайловича, в череде его многочисленных предприятий, была деятельность по организации отечественной авиации. По его инициативе был построен аэродром в Севастополе в 1908 г., а в 1910 г. создана офицерская школа авиации [Лебедев 2011: 244]. Согласно воспоминаниям князя, один из выпускников этой школы сыграет после революции решающую роль в судьбе сразу нескольких представителей Дома Романовых.

Во время Первой мировой войны он продолжил заниматься организацией военной авиации, а в 1916 г. стал полевым генералом-инспектором Военно-воздушного флота [Лебедев 2011: 244].

Интересы князя не ограничивались исключительно государственной деятельностью. Склонный к мистике и религиозным исканиям, он был членом масонских организаций, возглавлял тайное общество розенкрейцеров [Берберова 1997: 283] и увлекался спиритизмом. «Ему было явление духа сирийского провид-

⁶⁶ В 1921 г. Музейный фонд передал в Морской Музей 34 памятные доски о закладке кораблей.

ца Алкахеста, предсказавшего великому князю революцию и то, что он сядет на престол вместо Николая» [Берберова 1997: 27]. Предсказание сбылось лишь наполовину. Вот как развивались события после свершения первой части пророчества.

Александр Михайлович пишет, что после Февральской революции он с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, великой княгиней Ольгой Александровной и ее супругом Н.А. Куликовским⁶⁷ были высланы под конвоем матросов из Киева, где в это время находились, в Крым, в принадлежавшее ему имение Ай-Тодор [Романов 1991: 235–236]. Однако Ольга Александровна, продиктовавшая свои воспоминания Й. Ворресу, отмечает, что их отъезд из Киева был добровольным, а сопровождали их оставшиеся верными императору саперы, которых удалось привлечь на свою сторону Александру Михайловичу. Позднее в Крым приехала и Ксения Александровна с детьми [Воррес 2004: 167]. Столкнувшись в первый раз в жизни с финансовыми трудностям члены бывшей августейшей фамилии обратились за помощью в Совет народных комиссаров.

21 февраля 1918 г. газета «Знамя Труда» написала: «Председателю Совета Нар. Депутатов телеграфируют из Кореиза, что проживающая в имении Айтодор, вместе с дочерью Ксенией Александровной, вдовствующая б. императрица Мария Федоровна израсходовала все имеющиеся в ее распоряжении незначительные средства. Ввиду этого ее поверенные Шервашидзе и Долгорукый просят Председателя Совета Народных Комиссаров обеспечить дальнейшее ее существование.

Выдача пособий и пенсий из капиталов Романовых прекращается. Лица, из числа получающих эти пособия и пенсии, в том случае, если они имеют право на государственную помощь, будут удовлетворяться из кредитов Комиссариата Призрения» [Знамя. 1918. № 138: 6].

⁶⁷ Николай Александрович Куликовский (1881–1958) — второй муж великой княгини Ольги Александровны. Происходил из дворянской семьи, служил в лейб-гвардии Кирасирском полку.

В конце февраля 1918 г. все «крымские» Романовы (кроме Ольги Александровны, бывшей замужем за «простолудином») были переведены в Дюльбер⁶⁸. Это было вызвано разногласиями между Ялтинским и Севастопольским советами. Ялтинский совет настаивал на немедленном расстреле всех членов бывшей императорской семьи, Севастопольский, под арестом которого они находились, ждал указа из Петрограда. Командовал охраной представитель Севастопольского совета товарищ Задорожный — бывший курсант авиационной школы, основанной Александром Михайловичем [Романов 1991: 240]. Товарищ Задорожный, обаятельный убийца, по определению Ольги Александровны [Воррес 2004: 173], полагал, что с расстрелом следует все-таки повременить. В начале марта 1918 г. ситуация накалилась до предела. Одни большевики из Севастополя отбивали атаки на усадьбу других большевиков из Ялты! Неизвестно, чем бы это противостояние закончилось, если бы немецкие войска, оккупировавшие Крым, не освободили арестантов Дюльбера. И теперь уже Романовы просили немецких офицеров не расстреливать команду товарища Задорожного [Воррес 2004: 174, Романов 1991: 247].

В это время (16 марта 1918 г.) в Петрограде Балтийский комитет Всероссийского союза работников водного транспорта обратился в Художественную комиссию с просьбой предоставить ему для заседаний концертный зал во дворце Ксении Александровны, а все имеющиеся там ценные предметы перенести в другую комнату, которая была бы опечатана [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 81. Л. 105].

И в Петрограде, и за его пределами события продолжали развиваться стремительно. Немцы, пришедшие в Крым, проиграли Первую мировую войну и по условиям Компьенского перемирия, заключенного 11 ноября 1918 г., освободили полуостров. 24 нояб-

⁶⁸ Дюльбер — имение великого князя Петра Николаевича. Обнесенную высокой стеной усадьбу было легко оборонять, что и послужило причиной перевода в нее всех Романовых.

ря 1918 г. в Севастополь прибыл британский флот. 11 декабря 1918 г. Александр Михайлович, один, без семьи, на борту английского корабля «Форсайт» покинул Россию. Целью его поездки в Европу был доклад главам правительств Антанты о положении в России и об организации борьбы с большевизмом. Ксения Александровна с матерью и детьми осталась в Крыму и эмигрировала только в 1919 г.

В это самое время, крымских злоключений и бегства за границу, в 1918–1919 гг., в Петрограде сотрудники Художественной комиссии занимались описью и изъятием имущества дворца бывшей великой княгини Ксении Александровны и бывшего великого князя Александра Михайловича. В состав этого имущества входила и одна из самых больших и разнообразных коллекций восточных раритетов, которые представляли всю географию плаваний князя. Возможно, что собрание Александра Михайловича было самой большой частной коллекцией восточных памятников в России, после коллекций князя Эспера Эсперовича Ухтомского и Агафона Карловича Фаберже. Всего из дворца Ксении Александровны в 1918 г. было реквизировано 1500 различных раритетов, вывезенных в 68 ящиках [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 4].

Жизнь бывших владельцев особняка на Мойке в эмиграции сложилась по-разному. Их брак, после отъезда из России, фактически распался. Александр Михайлович жил во Франции, в 1927 г. посетил Абиссинию (Эфиопию)⁶⁹, а в 1928 г. уехал в Аме-

⁶⁹ В интернете имеется очень любопытное интервью с Д.А. Румановым, сыном коллекционера и журналиста А.В. Руманова, который был другом Александра Михайловича [Интервью с Д.А. Румановым]. Согласно этому интервью, целью поездки А.М. Романова и А.В. Руманова в Абиссинию была передача императору Абиссинии некой грамоты «Ключи от Гроба Господня». Дарители не были бескорыстны и надеялись на богатые ответные дары. И они их получили — солью! Соль в Абиссинии стоила очень дорого, и это был истинно царский ответ императора, однако для Романова с Румановым это стало горьким разочарованием [Интервью с Д.А. Румановым 46]. В мемуарах А.М. Романова

рику, где выступал с лекциями, в которых излагал собственные религиозные взгляды и выступал с теорией спасения России оккультным путем [Мосолов 1992: 147]. На этих выступлениях присутствовало много слушателей, а особенно слушательниц [Мосолов 1992: 147]. Написал книгу воспоминаний, изданную сначала в Нью-Йорке, а позднее в Париже. В этой книге он пишет о своем постоянном желании перебраться на Восток, на «далекий остров где-нибудь на Тихом океане» [Романов 1991: 92], но так этого и не осуществил. Скончался во Франции в 1933 г. и погребен на Рокбрюнском кладбище.

Ксения Александровна жила сначала в Дании, а потом в Великобритании (в Виндзоре, позднее в Лондоне). Умерла в 1960 г. Ее прах, согласно завещанию, был перевезен во Францию и захоронен на Рокбрюнском кладбище вместе с мужем.

К.В.

Красный цвет не к лицу Вашему
Высочеству

М.В. Родзянко

В 1920–1921 годах в Музей антропологии и этнографии поступила также китайская коллекция № 2950, в которой наше внимание привлекла резная из дерева лягушка, с еще одной лягушкой (меньшего размера) на спине (рис. 13).

На основании скульптуры вырезана иероглифическая надпись, которая, согласно описи коллекции, была переведена И.В. Сусловой с китайского как «правильный, прямой», а аспи-

эта история отсутствует, он только упоминает о поездке в Абиссинию в 1927 г., однако в интернете же приводятся воспоминания другого русского эмигранта К.Д. Померанцева, который пишет, что также слышал этот рассказ от Руманова [Померанцев]. Не беремся утверждать подлинность события, но сама история интересна и, на наш взгляд, очень соответствует личности князя Сандро.

рантом Л.А. Тетеревым с японского как Масанао⁷⁰ (Опись коллекции № 2950: 5). На дне имеется также этикетка с надписью «Инв. Худ.Ком., № 2159., К.В. ул. Глинки, Ящ. № 132» (рис. 14).

Среди материалов Музейного фонда, находящихся в ЦГАЛИ СПб, имеется следующая пара документов, позволяющая «дешифровать» эту запись.

«Художественно-историческая комиссия
при Зимнем Дворце
17 июня 1918 г.
№ 154

Удостоверение

Комиссия сим удостоверяет, что ее сотруднику Федору Федоровичу Ноттгафту поручено перевезти предметы, имеющие художественно-историческое значение, из дворца б. Великого князя Кирилла Владимировича (ул. Глинки, 13) в Зимний дворец.

Председатель комиссии В. Верещагин.
Секретарь А.Труханов» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп.1. Д. 1а. Л. 53].

«Акт

17-го сего июня Художественно-историческую комиссию при Зимнем Дворце приняты привезенные в этот Дворец из дома №13 по ул. Глинки в Петрограде сотрудником комиссии Ф.Ф. Ноттгафтом предметы, представляющие художественную и историческую ценность, принадлежащие б. Великому князю Кириллу Владимировичу Романову и перечисленные в составленной прилагаемой при сем описи за

⁷⁰ По информации А.Ю. Сеницына, этим именем пользовалась целая династия резчиков из провинции Исэ (современная префектура Миэ), район Ямада. Основатель династии, Масанао I, работал в середине — второй половине XIX в. Школа Масанао специализировалась на изготовлении фигурок животных. Особенно популярны были фигурки черепашек и жаб. Мы выражаем благодарность А.Ю. Сеницыну за предоставленную информацию.

исключением № 17 (желтой китайской вазы-керамика) и № 18 (старинной картины на дереве Мутиано).

Председатель комиссии В. Верещагин.

Секретарь А. Труханов» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1а. Л. 64].

Для нас важно, что в этом списке под № 29 числится «китайская деревянная группа две лягушки».

Становится понятно и содержание этикетки. К.В. — это великий князь Кирилл Владимирович, ул. Глинки — это адрес его дворца (ул. Глинки, 13), а далее номер ящика, в котором эти предметы были доставлены в Зимний Дворец, где располагались склады художественной комиссии. Во дворце находились и другие раритеты из Азии: № 34 **фарфоровый слон**, № 31 **«золоченая витрина со 106 восточными предметами из камня, фаянса и дерева»** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1а. Л. 8 об.]. К сожалению, по столь краткому описанию определить их местонахождение в настоящее время не представляется возможным.

Любопытно, что опись дворцового имущества производилась в присутствии «поверенного гражданина К.В. Романова — Всеволода Николаевича Боева» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1а. Л. 8].

Кирилл Владимирович, как Александр Михайлович, был морским офицером. В 1898 г. он поднял русский флаг над Порт-Артуром. Любопытно, что сам великий князь, а также командующий Тихоокеанской эскадрой в 1897–1898 гг. **адмирал Дубасов** были против размещения военно-морской базы именно в Порт-Артуре, считая это место совсем не пригодным для этих целей.

«Порт-Артур представлял собой скопление голых каменистых сопок, и даже гавань образовывалась там лишь при сильном приливе. Это было самое мрачное и отталкивающее место из тех, что мне когда-либо приходилось видеть!» [Романов 1996: 107]. Однако российское командование настояло на создании морской базы именно здесь [Романов 1996: 108].

Из Порт-Артура Кирилл Владимирович отправился в Нагасаки — это было его первое плавание в Японию, которая очень понравилась молодому морскому офицеру. «Все в Нагасаки казалось мне маленьким, как в игрушечной стране, сошедшей со страниц волшебной сказки: маленькие люди, крохотные животные, низкие дома и храмы — и все исключительно изящное и опрятное» [Романов 1996: 109]. Это впечатление усиливалось сравнением с Владивостоком, который в это время был «лишь захудалой сторожевой заставой России на Тихоокеанском побережье» [Романов 1996: 110] с одним отелем в «стиле Дикого Запада» и в целом напоминал «Северную Канаду времен первых поселенцев» [Романов 1996: 111]. В конце XIX в. во Владивостоке проживали даже такие колоритные личности, как швед Линдхольм, про которого говорили, что он промышляет пиратством [Романов 1996: 112].

Его первое пребывание в Нагасаки, по всей видимости, не было длительным, однако второе посещение Японии состоялось в том же 1898 г., **но это был уже официальный визит члена российского императорского дома к японскому двору.** Во время этого визита император Муцухито⁷¹ вручил русскому великому князю награду императорской семьи — Орден Восходящего солнца и преподнес множество даров (вазы клуазоне, мечи, ширмы и много других ценных вещей), которые позднее хранились во дворце Кирилла Владимировича в Санкт-Петербурге⁷² [Романов 1996: 120]. Мы можем предположить, что наша деревянная скульптура также могла входить в состав императорских подарков.

После Токио представитель дома Романовых нанес официальный визит в древнюю столицу Японии Киото и прогулялся по

⁷¹ Муцухито (годы правления 1868–1912) — император Японии. Известен также под именем Мэйдзи. При нем была свергнута власть сегуната Токугава и в Японии начались капиталистические преобразования и реформы.

⁷² Дворец Кирилла Владимировича располагался в начале XX в. в бывшем доме В.Я. Рагозы. Особняк В.Я. Рагозы был построен в 1873 г. по проекту К.Я. Соколова, перестроен в 1904 г. В.П. Алышковым и Г.Г. Кривошеиным, в 1910-х годах — Н.И. Алексеевым.

модным магазинам, где купил несколько шелковых кимоно для своей сестры Елены [Романов 1996: 121].

В 1902 г. Кирилл Владимирович вновь оказался на Востоке. Его поразили изменения, произошедшие в Порт-Артуре: «Жизнь в городе бурлила. Работали отели, рестораны и даже неплохая больница: на улицах было полно солдат сибирских полков и казаков. Встречались китайцы и, конечно, множество японцев, которые ничего не говорили, но все видели» [Романов 1996: 158]. Летом этого же года он посетил с официальным визитом Пекин, где встретился с императрицей Цыси⁷³ и императором Гуансюем⁷⁴, который пожаловал ему китайский орден Дракона [Романов 1996: 162]. Сложность и вычурность китайского дворцового церемониала поразили великого князя, которого принесли во дворец в паланкине, а императрица, разговаривая с ним, обращалась исключительно к своему коленопреклоненному чиновнику [Романов 1996: 160]. Эта встреча по-своему очень любопытна — последняя императрица Китая принимает великого князя, ставшего в будущем самопровозглашенным императором несуществующей империи.

Позднее уже с неофициальным визитом он опять посетил Японию, где гостил в токийском замке принца Арисугава, бывавшего в России. В апреле 1889 г. японский принц посещал Петербург, встречался в Гатчинском дворце с Александром III и Марией Федоровной [РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 102. Л. 9], которой вручил орден Японской Императорской Короны, учрежденный японской императрицей [Правительственный. 1889. № 89: 1]. Была у молодого принца и возможность ознакомиться с достопримечательностями российской столицы. Правительственный вестник написал по этому поводу: «В субботу, 22-го сего апреля,

⁷³ Цыси (1835–1908) — императрица династии Цин, фактически управлявшая Китаем с 1861 по 1908г.

⁷⁴ Гуансюй (годы правления 1875–1908) — император династии Цин. Фактически был устранен от реальной власти собственной теткой и приемной матерью, вдовствующей императрицей Цыси.

Японский Принц осматривал Петербург и посетил Исаакиевский и Петропавловский соборы; в воскресенье, 23-го апреля, Принц был вечером в Мариинском театре. В пятницу предполагается отъезд Его Высочества в Москву, откуда Принц проследует в Париж, где находится его супруга, Принцесса Иосука. Принц путешествует в строгом инкогнито, которое оставил лишь на время своей официальной миссии» [Правительственный. 1889. № 89: 1]. Через 13 лет японский принц радушно примет неофициально путешествующего русского принца в японской столице. Это был знак необычайного доверия: «Я был первым, кто удостоился такой чести со стороны японской императорской фамилии» — напишет позднее Кирилл Владимирович [Романов 2006: 117]. Гостеприимство японцев очарует, практически обольстит великого князя. Принцесса Иосука с необычайно утонченным мастерством проведет для него чайную церемонию [Романов 2004: 117]. До Русско-японской войны оставалось два года...

В 1902 г. он также побывал в Сеуле, куда доставил на крейсере «Нахимов» нового русского посла в Корею с супругой. Кирилл Владимирович оставил очень любопытную характеристику этой маленькой азиатской страны, которая показалась ему «наполовину китайской, наполовину японской, хотя и обладает собственной очень древней цивилизацией» [Романов 1996: 168].

Наконец после многочисленных переходов из одного дальневосточного порта в другой крейсер «Нахимов» отправился в Европу.

Впоследствии Кирилл Владимирович в звании контр-адмирала и начальника военно-морского отдела штаба командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирала С.О. Макарова примет участие в Русско-японской войне, и в обороне Порт-Артура, над которым когда-то поднимал русский флаг. Вместе с Макаровым Кирилл Владимирович находился на борту броненосца «Петропавловск», когда тот подорвался на японской мине при выходе из бухты Порт-Артура. Тогда погибли известный русский флотоводец С.О. Макаров, самый знаменитый отечественный художник-баталист В.В. Верещагин и почти весь экипаж «Петропавловска»,

а Кириллу Владимировичу удалось спастись, или, что вероятнее, его смогли спасти. Однако он получил тяжелые ранения и отправился на лечение за границу.

Еще в 1891 г. Кирилл Владимирович познакомился в Петербурге со своей двоюродной сестрой принцессой Викторией⁷⁵. Во время лечения в Европе они возобновили знакомство, которое завершилось скромной свадьбой 8 октября 1905 г. Этот брак не был разрешен императором и противоречил канонам православной церкви, поскольку женились двоюродные брат с сестрой. Кирилл Владимирович был лишен всех наград, права наследования престола, исключен из состава армии и флота и выслан из России [Романов 1996: 214]. Его изгнание продолжалось три года [Романов 1996: 215]. Позднее после принятия Викторией православия Николай II присвоил ей титул Великой Княгини Виктории Федоровны и восстановил в правах ее мужа. Великокняжеская семья смогла вернуться в Россию.

В начале Первой мировой войны был определен в военноморское управление адмирала Русина⁷⁶ при штабе великого князя Николая [Романов 1996: 228]. В 1916 г. произведен в чин контр-адмирала и назначен командующим отрядами, минировавшими реки и озера [Романов 1996: 231].

Любопытна жизнь великого князя после Февральской революции 1917 г. 7 марта 1917 г. он подал в отставку с поста командира Гвардейского экипажа [Биржевые. 1917. № 16125: 2], а 9 марта дал несколько интервью столичным газетам. В «Петроградской газете», выпуск которой был озаглавлен «Дни свободы»,

⁷⁵ Виктория Федоровна, урожденная Виктория Мелита (1876–1936) — принцесса Эдинбургская, принцесса Саксен-Кобург-Готская, герцогиня Гессенская, великая княгиня, с 1924 г., по мнению части русских монархистов, императрица. Скончалась в 1936 г.

⁷⁶ Александр Иванович Русин (1861–1956), с 1909 г. — контр-адмирал, с 1912 г. — вице-адмирал, в 1913–1914 гг. — начальник Главного морского штаба, с 17 июня 1914 г. — начальник Морского генерального штаба. После революции эмигрировал во Францию. В 1939 г. переехал в Марокко, где и умер в Касабланке 17 ноября 1956 г.

над объявлением о вечере поэтов в «Привале комедиантов» по адресу Марсово поле, 7 («Вход только по реком. гг. действ. членов») была напечатана статья с характерным названием «Николай Последний» [Петроградская.1917. № 58:1]. В этой статье Кирилл Владимирович заявил о необходимости полной поддержки Временного правительства и описал Февральскую революцию, как «почти бескровный переворот, от которого можно ожидать самые благие последствия» [Петроградская.1917. № 58: 1].

В тот же день корреспондент «Биржевых ведомостей» А. Кан, освещавший также арест Николая II, побеседовал с Кириллом Владимировичем. Перед закрытыми дверьми великокняжеского дворца журналиста встретил матрос Гвардейского экипажа⁷⁷, проводивший его в кабинет усталого хозяина [Биржевые 1917. № 16127: 1]. Интересно, что очерк об аресте бывшего императора был помещен только на третьей странице, а интервью с бывшим великим князем на первой, над объявлениями о переносе концертов «Ансамбля старинных инструментов» и вновь о вечере поэтов [Биржевые. 1917. № 16127: 1, 3]! В беседе Кирилл Владимирович возложил всю вину за прошедшие события на бывшего государя [Биржевые. 1917. № 16127: 1].

Нелепость ситуации, когда великий князь пытается быть краснее большевика, отметил Ремизов: «К Таврическому дворцу с музыкой водили войска. Один полк привел — “великий князь” — и об этом много разговору» [Ремизов 2000: 45]. Еще будучи командиром Гвардейского экипажа, Кирилл Владимирович отличился тем, что привел вверенную ему часть к Таврическому дворцу и объявил, что он и матросы в полном распоряжении Государственной Думы [Воейков 1936: 251].

Правда, позднее, в эмиграции, при написании книги воспоминаний его восприятие февраля и марта 1917 г. сильно изменился. Если в интервью — «Прочь недавнее мрачное прошлое», то в мемуарах описание революционных дней крайне негативное

⁷⁷ Невольно хочется спросить, а как же отставка с поста командира экипажа?

[Романов 1996: 236–245]. Эти статьи и заигрывание с новой властью неоднократно ставилось ему в вину монархистами. По столице в это время стала ходить довольно циничная частушка о его участии в Русско-японской войне:

Погиб «Петропавловск»,
Макаров не всплыл,
Но спасся зачем-то,
царевич Кирилл.

В июне 1917 г. Кирилл Владимирович с дочерьми на поезде уехал в Финляндию [Романов 1996: 245]. В Россию он больше не вернется, а через год, в июне 1918 г., из его дворца стали изыматься предметы, имеющие культурную и историческую ценность. Помимо восточных раритетов, поступивших в Музей антропологии и этнографии, из его особняка было реквизировано также большое количество картин на морскую тематику, переданных Музейным фондом в 1920 г. в **Центральный морской музей**⁷⁸.

⁷⁸ «202. Бегиров А. Русская эскадра под стеклом в золоченой багетной рамке. Подпись в правом углу Бегиров (в тексте неразборчиво. — Д.И.) 1890. На подрамнике синим карандашом написано Б.Каб.В.К.А.М. т. е. Большой Кабинет Вел. Князя Александра Михайловича. 69×106. Акварель» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 3].

«867. Л. Блинов. Корабли в гавани. Картина на холсте без рамы. Подпись Л. Блинов 94. На обороте синим карандашом: Б. кабинет Вел. Князя А.М. Собрание Ксении Александровны. Масло» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 4].

«2204. К. Крыжицкий. Подпись в правом нижнем углу. Картина на холсте. Марина с изображением однострубного корабля. Размер 47 1/2×67 см. К.В. (великий князь Кирилл Владимирович. — Д.И.) улица Глинки 13. Масло» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 5].

«2205. К. Крыжицкий 1902 г. Подпись в левом нижнем углу. Марина с изображ. Трехтрубного корабля. Размер 48×70. К.В. Улица Глинки 13» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 6].

В эмиграции в 1924 г., оказавшись старшим из дома Романовых, провозгласил себя императором. Это решение было воспринято белой эмиграцией неоднозначно, многие вспоминали знаменитые интервью 17-го года.

Скончался Кирилл Владимирович 12 октября 1938 г. в Париже и был похоронен в Германии в родовой усыпальнице своей жены. 7 марта 1995 г. останки Кирилла Владимировича и его супруги были торжественно перезахоронены в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора в Санкт-Петербурге. А в его дворце, надо отметить, весьма небольшом и скромном, в настоящее время находится детский сад (рис. 15).

Якобсон, Кавос, Елисеев

Евгений Цезаревич Кавос, подъезжая к Петрограду московским поездом, очень смеялся рассказу спутника, представляя себе сцены ареста министров. Но поезд остановился, сильно не доезжая вокзала. И Кавос застрадал, как же он потащит несколько своих чемоданов, да непривычными руками. Ведь не поднимешь. — «Нет, это мне не нравится. Я скоро начну кричать — да здравствует Николай II!». И верно, до дому по городу он добирался, пока все вещи, двое суток.

А.И. Солженицын. «Красное колесо. Март Семнадцатого»

Согласно документам из архива Эрмитажа в 1922 г. в Этнографический отдел Академии наук числились переданными четыре предмета из собрания Якобсона: № 6837 бронзовый павлин китайской работы, № 6853 фарфоровое фантастическое животное, а также № 6857, 6967 — бронзовые слон и тигр [АГЭ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 82. Л. 48]. В инвентарной книге Музейного фонда под № 6837 указана «Фигура павлина старинное китайское клуазоне. Фигура изображена с поднятой головой и распущенным хвостом,

верхняя крышка снимается. К нему есть парный. Высота — 29 см, длина — 31 см. Бронза. Собрание Якобсона» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 449а. Л. 446–447]. Необходимо отметить, что в Музее антропологии и этнографии имеется только один китайский павлин (№ 2950 — 8а, б), поступивший из Музейного фонда. Это бронзовая курильница в виде птицы, крылья и хвост которой украшены перегородчатой эмалью (клуазоне). На спине находится съёмная крышка. Размеры курильницы: высота — 21,7 см, длина — 31,2 см (Опись коллекции № 2950: 3).

К сожалению, определить три других дальневосточных экспоната из собрания Якобсона, переданных в Академию наук, нам не удалось.

О дореволюционном хозяине бронзового павлина известно немного. Опираясь на архивные документы можно только утверждать, что его инициалы были А.В. и он был владельцем магазина, расположенного по адресу Большой проспект Васильевского острова, 6, кв.4 [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 257. Л. 2].

По всей видимости, этот домашний (в адресе указана квартира) магазин специализировался на торговле восточным антиквариатом. Кроме приведенных выше четырех предметов, из этого магазина было перевезено на склад Музейного фонда в Ново-Михайловском дворце еще как минимум семь китайских раритетов [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 257. Л. 2]. Изъяты они были, скорее всего, в 1919 г., в документах имеется сноска на опись от 17/XII 1919 г. [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 257. Л. 3]. В 1919 г., как уже упоминалось, был установлен контроль над антикварным рынком, с обязательной регистрацией всех находящихся в обороте художественных ценностей. По всей видимости, Якобсон не смог соблюсти все необходимые формальности, что и привело к экспроприации.

В настоящее время в здании по адресу Большой проспект Васильевского острова, 6 находится жилой дом (рис. 16).

Проще всего оказалось определить дореволюционных хозяев двух предметов — это небольшой японский лакированный шкафчик и японский буддийский киот с резным деревянным позолоченным изображением Будды.

На шкафчике, поступившем в наш музей в 1924 г. со склада Музейного фонда в Зимнем дворце, имеется этикетка бывшего хозяина «Изъ библиотеки Евгенія Цезаревича КАВОСА. № 1369 (номер написан неразборчиво. — Д.И.).

Евгений Цезаревич Кавос родился в 1859 г. в семье академика архитектуры Цезаря Альбертовича Кавос⁷⁹. Евгений Цезаревич был двоюродным братом Александра Николаевича Бенуа и архитектора Леонтия Николаевича Бенуа. Последний построил для Е.Ц. Кавос доходный дом по адресу Каменноостровский пр., 24, Большая Монетная ул., 10.

В одной из квартир этого дома проживал и сам хозяин, который был инженером, увлекавшимся художественной фотографией. Благо его кузен А.Н. Бенуа отмечал: «Единственный сын дяди, мой двоюродный брат Женя Кавос, мог всю жизнь существовать в условиях вполне барских» [Бенуа 2003: 160]. Скончался Евгений Цезаревич в 1918 г.

Другой предмет, японский буддийский киот, имеет этикетку «винные склады Елисеева № 4118» (рис. 17). Согласно инвентарной книге Музейного фонда к ним 5 августа 1919 г. поступило под № 4118 «Старинное изображение будды. Резное дерево, местами золоченое. Будда изображен сидящим на троне и заключенным в деревянный черный футляр. Размер футляра: Выс. — 32 см. Шир. — 12×15 см. Из склада Елисеева. По описи № 79» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 449а. Л. 112], а также «№ 4101. Ваза большая китайская. Эмаль. Выс. — 119 см. Диаметр — 31,5 см. Дна — 21 см. Из складов Елисеева по Волховскому пер.» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 449а. Л. 106].

⁷⁹ Цезарь Альбертович Кавос (1824–1883) — архитектор, автор здания Детской больницы принца П.Г. Ольденбургского (детская больница им. Раухфуса), учредитель Общества российских архитекторов, сын другого известного архитектора Альберта Катериновича Кавоса (1800–1863), автора здания (Театра-цирка) Мариинского театра и внук композитора и дирижера Катерино Альбертовича Кавоса (1775–1840). Род Кавос относится к старинным венецианским фамилиям. Именно Катерино Альбертович Кавос переехал в Россию, положив начало российской ветви семьи.

Винные склады фирмы «Братья Елисеевы» располагались в Биржевом переулке, 2–4 на Васильевском острове [Корзинин]. История этих винных складов начинается в 60-х годах XIX в., когда Григорий Петрович Елисеев приобрел участок земли на Васильевском острове, ограниченный Малой Невой, Биржевой линией, а также Волховским и Биржевыми переулками. Этот район города станет центром торговой «империи» знаменитой купеческой семьи.

В 1861–1862 гг. архитектор Н.П. Гребенка построил на Биржевой линии (дом 14) 4-этажный особняк, на первом этаже которого располагался фирменный магазин, а наверху проживал сам купец с семьей. В 1869–1870 гг. Н.П. Гребенкой было построено здание складов по Биржевой линии и по Биржевому переулку [Корзинин].

Необходимо отметить, что собственно склады Елисеева располагались не в Волховском, а в Биржевом переулке и на Биржевой линии. Любопытно, также, что в документах адрес изъятия многочисленных антикварных вещей (мы выше привели описание лишь двух восточных вещей) — это именно склады Елисеева, а не его особняк, находившейся по соседству. Возможно, купеческая смекалка заставила хозяина заранее перепрятать все свои ценности из особняка в складские помещения, но тогда это было слишком простым решением, которое не спасло его имущество от экспроприации.

Перед революцией дома на Васильевском острове принадлежали Григорию Григорьевичу Елисееву, основателю известных фирменных «Елисеевских» магазинов в Москве и Петербурге.

Мы предполагаем, что появление в «Елисеевской коллекции» восточных вещей, а особенно японского Будды, связано с сыном Г.Г. Елисеева — С.Г. Елисеевым.

Сергей Григорьевич Елисеев (Serge Elisseeff) родился в 1889 г. в Петербурге. В 1906 г. он познакомился с С.Ф. Ольденбургом, который рекомендовал ему заниматься Японией и поступить в Берлинский университет. Елисеев учился сначала в Берлинском, а потом в Токийском университетах. В 1912 г. после окончания Токийского университета он поступил в нем же в аспирантуру.

В 1914 г. Сергей Григорьевич вернулся в Россию, а в 1916 г. был назначен приват-доцентом по японскому языку Петербургского университета. После революции он работал в Азиатском музее. А в 1921 г. вместе с семьей эмигрировал во Францию, где продолжил заниматься востоковедением — работал переводчиком в японском посольстве, читал в Сорбонне, преподавал историю японского искусства в специальной школе Лувра [Фролова].

Научная деятельность Елисеева была замечена в Америке, и в 1932 г. он получает приглашение в Гарвардский университет, в котором читает лекции в 1932–1933 годах. В 1934 г. он становится директором Гарвард-Яньцзинского института, призванного помочь развитию науки в Китае и созданного на базе Яньцзинского университета, располагавшегося недалеко от Пекина [Фролова]. Он принимает участие в публикациях «*Harvard journal of Asiatic studies*», где в частности выпускает статью, посвященную другому известному отечественному востоковеду, не вернувшемуся после революции в Россию, барону Сталь фон Гольштейну [Elisseeff 1938:1–5].

Сергей Григорьевич был избран почетным членом Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, награжден орденом Почетного легиона, избран президентом Американского ориентального общества.

В 1957 г. он вернулся во Францию и скончался в Париже в 1975 г. У Сергея Григорьевича Елисеева было два сына, и оба связали свою судьбу с Востоком⁸⁰ [Фролова].

⁸⁰ Старший, Никита Сергеевич Елисеев (1915–1997), окончил Сорбонну и Школу восточных языков. Во время II Мировой войны был участником Сопротивления. Долгое время работал во Французском институте арабских языков в Дамаске. В 1966 г. стал профессором арабского языка и литературы Лионского университета, а с 1980 г. — директор Института истории и археологии христианского и мусульманского Востока межуниверситетского центра средневековой истории и археологии. В 1965 г. в Дамаске у него родился сын Валерий.

Младший, Вадим Сергеевич Елисеев (1918–2002), как и брат, окончил Сорбонну и Школу восточных языков, был участником Сопротив-

Любопытна и судьба здания Елисеевских винных складов. В 1918 г. оно было национализировано. Новая власть не стала нарушать традицию и на протяжении еще очень долгого времени в этом доме находились винные склады.

Как отмечалось в первой главе, Музейный фонд не только занимался экспроприацией частных собраний, но и имел непосредственное отношение к формированию и ликвидации разных музеев.

В Музее антропологии и этнографии хранится несколько коллекций поступивших в 20-е годы XX в. из других музеев через Музейный фонд. Их судьба достойна небольшого отдельного рассказа.

Пушкинский Дом

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

А. Блок. «Пушкинскому Дому»

Особое место среди поступлений в МАЭ в 20-е годы XX в. занимают коллекции, переданные через Музейный фонд из Пушкинского Дома⁸¹.

Литературный музей передал в этнографический японскую буддийскую скульптуру, китайский фарфор и перегородчатую эмаль, африканские стрелы, персидские ковры и меч из рыбы пиры.

ления. Был специалистом по китайскому языку и культуре. Преподавал в Школе восточных языков, Школе Лувра. В 1982–1986 гг. — главный хранитель музея Гимэ в Париже. Занимался организацией выставок восточного и русского искусства. В 90-х годах прошлого века — президент международной комиссии ЮНЕСКО по изучению шелкового пути. Награжден несколькими орденами и медалями.

⁸¹ Список всех коллекций, поступивших в 20-е годы в МАЭ из Пушкинского Дома и от Б.Л. Модзалевского, см. Приложение 4.

Экспонаты попадали в МАЭ как через Музейный фонд, так и непосредственно из Пушкинского Дома, к ним же, видимо, можно отнести и коллекцию монгольских буддийских икон, полученную от Ученого хранителя и одного из основателей Пушкинского Дома Б.Л. Модзалевского⁸².

8 июля 1924 г. от правления РАН в Музей антропологии и этнографии из Пушкинского Дома поступила коллекция № 2962. В книге поступлений в графе «народ» указаны японцы, в графе «регион» — Япония (Инвентарь коллекциям л. 046 об. — 047). Однако в дальнейшем она была зарегистрирована уже как монгольская! А в описи про состав сказано «буддизм: бурханы⁸³» (Опись коллекции №2962, титульный лист). Если посмотреть на действительный состав коллекции, то мы обнаружим, что в ней нет ни одного монгольского предмета, а все «бурханы» — это японские бронзовые изображения буддийских божеств. Причем это была далеко не единственная коллекция, поступившая в МАЭ из Пушкинского Дома в первое послереволюционное десятилетие.

Сначала (в 1920–1923 гг.) передавались только гравюры и фотографии. Ситуация резко изменилась в 1924 г., когда из Пушкинского Дома и от Б.Л. Модзалевского поступило десять коллекций, включающих оружие, произведения декоративно-прикладного искусства, культовые предметы, археологические находки. Как все эти разнообразные артефакты, включающие меч из рыбы-пилы с островов Океании, самурайские мечи и стрелы из Сомали, оказались в музее русской литературы? А также, почему именно в 1924 г. Пушкинский Дом начинает освобождаться от этих и, как мы увидим ниже, других экспонатов?

⁸² Борис Львович Модзалевский (1874–1928) — историк русской литературы, библиограф, член-сотрудник Русского генеалогического общества (1907), член-корреспондент Императорского московского археологического общества (1908), член-корреспондент АН СССР (1925).

⁸³ Бурхан — монг.: божество, в данном случае изображения буддийских божеств.

История Пушкинского Дома восходит к 1898 г., когда при Академии наук была создана комиссия по подготовке к празднованию столетия со дня рождения А.С. Пушкина. Председателем комиссии стал великий князь Константин Константинович⁸⁴ [Баскаков 1988: 12]. В 1899 г. в Большом конференц-зале Академии наук прошла Пушкинская выставка, организованная Б.Л. Модзалевским, и создана комиссия для сооружения памятника Пушкину в Петербурге [Баскаков 1988: 14–15]. В 1904 г. комиссию возглавил академик С.Ф. Ольденбург, и с его приходом возникла мысль о формировании специального учреждения, посвященного поэту. В 1905 г. была озвучена любопытная идея, что памятник Пушкину желательно учредить не в виде монумента, а как особый музей-памятник [Баскаков 1988: 16–17].

14 июля 1907 г. было утверждено положение о Пушкинском Доме, который впервые годы занимался собиранием книг, рукописей, иконографий [Баскаков 1988: 22, 31]. Своего здания у Пушкинского Дома не было, и первоначально коллекции располагались в Главном здании Академии наук на Университетской набережной Васильевского острова.

Фактически бездомным музей-памятник оставался до революции. В 1918 г. директор Пушкинского Дома Н.А. Котляревский ходатайствовал о предоставлении помещения для музея, и 20 февраля 1919 г. Пушкинскому Дому было выделено здание архива бывшего таможенного департамента на Тифлисской ул., 1. Журнал «Бирюч» написал по этому поводу: «Пушкинский Дом при Российской академии наук наконец получил помещение для своего обширного музея, первоклассного рукописного собрания и весьма ценной библиотеки. Дом Пушкина будет помещаться в бывшем Архиве Таможенного Департамента, между вновь по-

⁸⁴ Великий князь Константин Константинович Романов (1858–1915) не случайно возглавил эту комиссию. Константин Константинович был достаточно известным поэтом и переводчиком, печатался под псевдонимом «К.Р.».

строенным зданием библиотеки Академии Наук и Акцизным Управлением» [Бирюч. 1919. № 17–18: 306]. Однако эта небольшая сохранившаяся часть гостиного двора, построенного Доменико Трезини в 1721–1737 гг., нуждалась в ремонте. Поэтому в 1920 г. Пушкинскому Дому был также определен особняк князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева на Миллионной улице⁸⁵ [Баскаков 1988: 49–51] (рис. 18, 19), который с 1919 г. курировал сотрудник Отдела по охране памятников искусства и старины (Музейного фонда) и член Археологического общества Н.Г. Пиотровский [Прищепова 2000: 88]. При этом в здании уже размещались испанское посольство и уголовный розыск, а с июня 1919 г. часть дома отошла Институту общественного зубоврачевания, возглавляемому Е.Н. Андерсоном. Институт общественного зубоврачевания (ИОЗ) был универсальным стоматологическим учреждением, занимавшимся работой по обследованию полости рта у пациентов, научной обработкой полученной информации, подготовкой врачей-стоматологов [Кунките 2004: 104]. При институте была библиотека и музей, открытый для посещения. За 1921 г. в нем побывало 840 человек и прошли две групповые экскурсии [Кунките 2004: 115].

В августе 1919 г. С.А. Ухтомский перенес все художественные предметы из помещений, занятых стоматологами, в комнаты, оставшиеся в ведение Отдела по охране памятников [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 48. Л. 12]. Модзалевский в записной книжке отметил, что 16 апреля 1920 г. им совместно с князем С.А. Ухтомским, представительницей Жилищного отдела Дудой и районным представителем Калмыковым был составлен акт о приеме для Пушкинского Дома особняка Абамелек-Лазарева [Модзалевский 2005: 12]. Но действительная передача Академии наук для Пушкинского Дома дворца произошла только в феврале 1921 г. в присутствии Уполномоченного Му-

⁸⁵ Дворец имеет двойной адрес: Миллионная, 22; Мойка, 21. Абамелек-Лазареву принадлежали также соседние дома: Миллионная, 24; Мойка, 23.

зейного фонда С.А. Ухтомского и С.М. Дудина [Прищепова 2000: 91]. 5 мая 1921 г. состоялось торжественное открытие Пушкинского Дома в особняке на Миллионной [Модзалевский 2005: 20].

Уже в октябре 1921 г. в новом помещении Пушкинского Дома открылась первая выставка, приуроченная к 100-летию со дня рождения Достоевского, а через два месяца уже вторая, к 100-летию со дня рождения Некрасова [Баскаков 1988: 62].

Пушкинистам очень понравился предоставленный им особняк, соответствующий духу эпохи. Осознавая невозможность отделить литературу от того времени, когда создавались произведения, они начали собирать вещи, подходящие обстановке, в которой работали писатели. В Пушкинском Доме появились отделы реликвий и предметов быта [Скатов].

Сотрудники Пушкинского Дома настолько хорошо освоились на новом месте, что даже иногда использовали для своих документов бланки «Конторы Его Сиятельства Князя Семена Семеновича Абамелик-Лазарева» [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 31 об., 38 об., 41 об.].

В 1924 г. встал вопрос о передаче особняка Абамелек-Лазарева Откомхозу и о переезде Пушкинского Дома в новое здание на Тучкову (Макарова) набережную, дом 2-а. Это предстоящее переселение было воспринято руководством Пушкинского Дома крайне негативно. Директором Н.А. Котляревским⁸⁶ и зав. делопроизводством Шаскольским было написано следующее прошение: «Пушкинский Дом позволяет себе просить о ходатайстве перед подлежащими учреждениями по вопросу об оставлении за ним здания по ул. Халтурина № 22–24/по наб. р. Мойки — № 21–23/, взамен чего готов отказаться от предоставленного ему ныне помещения в доме № 2а — по Тучковой набережной. Последнее помещение совершенно неудовлетворительно в архитектурно-художественном отношении для историко-литературного музея,

⁸⁶ Нестор Александрович Котляревский (1863–1925) — историк литературы, публицист. С 1910 г. — первый директор Пушкинского Дома.

обязанного по возможности соблюдать то, что называется «духом и стилем эпохи». Самое здание новой постройки казенного образца, а отделку внутри, в особенности зала, нельзя назвать иначе, как рыночной» [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 150 — 150 об.].

Однако эти представления о комплексном музее эпохи и литературы не нашли понимания в руководящих инстанциях, и 11 ноября 1924 г. последовал ответ, гласящий, что вопрос о передаче здания на улице Халтурина Откомхозу окончательно решен [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 153].

На наш взгляд, понимание неизбежности предстоящего переезда подтолкнуло администрацию Пушкинского Дома в 1924 г. к началу больших передач предметов из дворца Абамелек-Лазарева, обладающих культурно-исторической ценностью, но не относящихся напрямую к русской литературе, в другие музеи. И, как мы увидим ниже, это было, видимо, правильное решение.

В Государственный Эрмитаж в 1924 г. **через сотрудника Музейного фонда С.Е. Лурье** были переданы венецианский шкаф; картины [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 145 — 145 об.].

14 февраля 1924 г. Правление Академии наук согласилось с предложением Пушкинского Дома о передаче в Государственный Эрмитаж двух картин под № 235 и 338 (номера Музейного фонда. — *Д.И.*). 11 декабря Правление Академии наук поддержало просьбу Государственного Эрмитажа о передаче во временное пользование трех гравюр (виды собора св. Петра в Риме) и шести гобеленов⁸⁷ [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 167]. Среди них, видимо, должны были быть и две огромные шпалеры, представляющие историю Тамерлана и Баязета, сотканые в XVII в. в Брюсселе [Зуев 2012: 359; Столица 1915: 6].

⁸⁷ С этими гобеленами связана очень интересная, по сути, детективная история, изложенная В.А. Прищеповой в книге «Коллекции заговори!» [Прищепова 2000: 94].

6 марта 1924 г. заведующий Художественным отделом Русского музея Петр Иванович Нерадовский принял из выставочного помещения Пушкинского Дома (ул. Халтурина, 22) картину кисти Венецианова: крестьянский мальчик (№ 407) [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 73].

1 декабря 1924 г. Ученый хранитель музея Пушкинского Дома М.Д. Беляев выдал ассистенту художественного отдела Русского музея Е.К. Мроз портрет княгини Е.П. Гагариной, работы Барбье [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 161].

4 декабря Правление Академии наук одобрило передачу Русскому музею во временное пользование 10 торшеров по рисунку Росси, украшавших парадную лестницу особняка [Зуев 2012: 358]; 12 бюстов; портрета Лазарева, кисти Зарянко; 10 литографических камней и оттисков с них [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 163].

6 декабря удовлетворено ходатайство Историко-бытового отдела Русского музея о предоставлении ему во временное пользование портшеза XVIII в. из коллекции Абамелек-Лазарева [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 164].

Самое большое количество различных предметов из особняка Абамелек-Лазарева Правление Академии наук определило в 1924 г. в другой академический музей — Музей антропологии и этнографии. Причем в МАЭ экспонаты передавались не на временное хранение, а *«для включения в состав коллекций»* [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 156]. **Это вазы, оружие, китайские блюда клуазоне, фигуры из корня дерева, лаковая шкатулка, японский шкафчик, китайский магический меч из монет, седло восточное** [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 157]. Первоначальный список отобранных директором МАЭ Е.Ф. Карским вещей насчитывал 30 предметов с номерами Музейного фонда и семи артефактов без номеров [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 157]. Позднее к ним добавились «небольшая коллекция буддийских бурханов»⁸⁸, археологическое собрание и другие раз-

⁸⁸ Коллекция МАЭ № 2962.

личные раритеты [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 64], полученные Ученым хранителем Музея антропологии и этнографии Г.О. Монзелером 6 июня 1924 г. [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 77 об.].

Некоторые из экспонатов, хранящихся в настоящее время в МАЭ, судя по сохранившейся описи Музейного фонда, по всей видимости, сделанной С.А. Ухтомским, комнат № 7 и 8 дворца Абамелек-Лазарева, находились до революции в этих помещениях. В комнате № 7 — два японских меча⁸⁹ и восточное седло⁹⁰; в комнате № 8 — колчан из крокодиловой кожи с десятью стрелами⁹¹ (рис. 21).

Часть этих предметов (эфиопский или сомалийский колчан из крокодиловой кожи со стрелами) были, вероятно, привезены бывшим владельцем особняка из путешествий по Северной Африке и Ближнему Востоку, совершенных Семеном Семеновичем Абамелек-Лазаревым в начале 80-х годов XIX в. Будучи археологом-любителем, он проводил раскопки в Пальмире и Джераше, по результатам которых издал прекрасно оформленные книги «Пальмира» [Абамелек-Лазарев 1884] и «Джераш» [Абамелек-Лазарев 1897]. Самой известной находкой князя стала обнаруженная в Пальмире мраморная плита с надписями на греческом и арамейском языках. Однако научно-исторические изыскания князя носили кратковременный, почти мимолетный характер. Как отметил известный отечественный востоковед Павел Константинович Коковцов, «трудами о Пальмире и Джераше исчерпывается вся учено-археологическая деятельность князя Абамелек-Лазарева, а если присоединить к ним вышедший еще в 1880 г. юношеский труд «Ферейские тираны», то и вся вообще ученая деятельность покойного князя» [Коковцев 1917: 235]. Но не собирательская, князь был известен как увлеченный коллекционер [Зуев 2012: 365]. Журнал «Столица и усадьба» писал

⁸⁹ Коллекция МАЭ № 3030 — 1a,b; 3030 — 2a,b.

⁹⁰ Коллекция МАЭ № 3034.

⁹¹ Коллекция МАЭ № 3059.

в 1915 г. про особняк на Миллионной: «В кабинете князя, как и в других комнатах, по стенам развешаны оригиналы кисти Мурильо, Рибейра, Прудона, Гуарди, Рембрандта» [Столица. 1915: 6].

Интересно присутствие в списке, переданных из дворца предметов, археологических находок. Их появление в особняке может быть связано как с самим бывшим владельцем, так и с Археологическим обществом, занимавшим какое-то время особняк в 1919 г. [Прищепова 2000: 88]. Эти артефакты — изделия из мыльного камня и бронзовые антропоморфные изображения — сформировали в МАЭ коллекцию № 3047. А поступившая в этот же день японская бронзовая скульптура — пресловутую коллекцию монгольских «бурханов». Причем «бурханами» они были названы еще в документе о передаче.

Часть восточных раритетов была явно приобретена Абамелек-Лазаревым в России, в качестве украшения интерьеров своего дворца. На донце одной из китайских тарелок⁹² наклеена этикетка с указанием цены «20 рублей». Семен Семенович был весьма известным коллекционером. Помимо петербургского дворца ему также принадлежала вилла «Абамелек» в Риме, где хранились античные коллекции князя. Сам бывший владелец этих раритетов скончался в Кисловодске в 1916 г. Его итальянскую виллу, коллекции и счета в зарубежных банках унаследовала вдова Мария Павловна Абамелек-Лазарева (Демидова). Петербургское собрание частично было распределено между музеями, а частично просто разворовано хозяйственной частью Академии наук.

Своеобразными памятниками судьбе петербургского имущества князя являются заключительные документы в деле «О здании № 21 по наб. реки Мойки (быв. Абамелик-Лазарева)» из Петербургского филиала архива Академии наук.

⁹² Коллекция МАЭ № 3046 — 11.

«Р.С.Ф. С.Р.

Копия.

Н.К.Ю.

Срочно.

Народный следователь

В.О. района

Гор. Ленинграда

8 января 1930 года

№ 247

В.О. 18 линия д. № 1

В УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ

Академии наук /Университетская наб., 5/

В связи с поступившим в мое производство ут.д. за № 247, о расхищении имущества б. дворца Абамелек-Лазарева должностными лицами Хозчасти Академии, прошу срочно сообщить о нижеследующем.

1/ В котором году означенный дом перешел в ведение Академии /т.е. к Пушкинскому Дому/, от какого учреждения он был принят и имеется ли в делах Академии Акт приемки с подробным перечнем имущества.

2/ Кто в это время ведал Пушкинским Домом; кто был Ст.ученым хранителем Дома, и было ли спец. выделенное лицо, которое ведало Хозчастью дома; кто из должностных лиц П.Д. в настоящее время может дать исчерпыв. объяснения об имуществе, о котором идет речь.

3/ Когда /точно/ Пушкинский Дом переехал на Тучкову наб., № 2-а; какое имущество Абамелек-Лазарева а/ осталось при Пушкинском Доме б/какое имущество было передано другим Учреждениям, входящим в систему Академии и в/какое имущество было передано в Хозчасть Академии, коей ведал БАНЬКОВСКИЙ г/ имеются ли в делах Академии документы /акты передачи, расписки учреждений о приеме имущества и т. д./..

4/ Возможно ли в настоящее время составить общий список наличия имущества Абамелек-Лазарева, с указанием, в каком из учреждений Академии оно находится.

Народный следователь В.О. Района

г. Ленинграда — Штейнберг» [СПбФ АРАН Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 80].

«№ 54

19.I.30 г.

В УД [Управление делами]

На предложение дать ответ на запрос Нарследователя В.О. Района за № 247 **могу сообщить по существу дела следующее:** Так как я лично при приеме дома б. Абамелек-Лазарева или какого-либо имущества из его дома не присутствовал и никакого участия в этом деле не принимал, а из оставшихся в ПД старых сотрудников нет никого, кто мог бы дать точные ответы на ряд поставленных вопросов. Я принужден был для составления настоящего ответа использовать дела Пушкинского Дома, на основании чего могу на поставленные вопросы сообщить следующее:

1/ а/ фактическая передача дома б. Абамелек-Лазарева состоялась 3/II/1921 г.

б/ дом перешел от Отдела Охраны Памятников Искусства и Старины.

в/ акт о приемки дома имеется и прилагается при сем в копии.

г/ подробного перечня при акте не имеется. Но в деле под № 20, ч. II, имеется под стр. №I отпуск отношения ПД в Гос. Музейный Фонд от 3.XI.1923 г. за № 949, **которым ПД обращался с просьбой доставить опись ведомость, составленную Чрезучетом за № 36.** При означенном отпуске действительно имеется опись вещам, находившимся в доме б. Абамелек-Лазарева, но есть ли эта опись та самая, о которой упоминается в акте, сказать трудно, т.к. количество номеров этой описи превышает количество номеров описи ведомости Чрезучета.

2/ а/ в то время, т.е. с 1921 г. до ликвидации б. дома Абамелек-Лазарева Пушкинским Домом ведал Директор его Академик Н.А. Котляревский, б/ Старшим Ученым Хранителем был Б.Л. Модзалевский /оба в настоящее время покойные/, в/ особого лица, которое бы ведало хозяйственной частью ПД, из среды сотрудников ПД никогда не было, ибо все имущество бралось на учет и охранялось Хозяйственным отделом АН; заведовал же домами б. Абамелек-Лазарева с I.VII.1921 г.

гр. Галка, а за отъездом его за границу с I.IX.1922 г. В.И. Богатов. г/ из должностных лиц ПД в настоящее время нет никого, кто мог бы дать не только исчерпывающие объяснения об имуществе, но и хотя бы более или менее точные ответы. Ближе всех к этому делу стоял М.Д. Беляев, Ученый Хранитель ПД, в настоящее время в ПД уже не служащий.

3/ а/ На Тучкову наб. д. № 2 ПД переехал 25.XI.1927 г. б/ О том, какое имущество б. Абамелек-Лазарева осталось в ПД, можно судить по инвентарям ПД. в/ Какое имущество было передано другим учреждениям, — об этом можно судить по актам передачи, хранящимся в делах ПД. г/ На вопрос о том, какое имущество было передано в ХОЗО АН, могло бы ответить отношение ПД от 29.XI.1924 г. за № 750 в Правление АН, если бы при этом отношении сохранились бы какие-либо описи. Но что описи были составлены и вещи были переданы на хранение в ХОЗО, куда была передана и инвентарная опись, явствует из означенного отношения, при сем прилагаемого в копии. д/ Выше уже отмечено п. В, что в делах ПД имеются акты передачи и расписки в приеме имущества, передаваемого через ПД. Имеются ли таковые на предметы, выданные через ХОЗО, мне не известно.

4/ На вопрос, возможно ли в настоящее время составить общий список наличия имущества Абамелек-Лазарева, с указанием, в каком учреждений Академии оно находится, могу ответить, что на основании документов и списков, хранящихся в делах ПД, можно составить довольно значительный список всевозможного имущества, но насколько он окажется полным, судить не могу, т.к. общей инвентарной описи, которая несомненно была передана в Хозяйственный Отдел и о которой идет речь в упомянутом выше отношении ПД за № 750, в ПД не имеется: сохранились лишь черновые описи, составленные, по-видимому, в 1923 г.по предложению Правления АН от 12.VI.1923 г.

Старший Ученый Хранитель» [СПбФ АРАН Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 78 — 78 об.].

В этих двух документах казенно, но очень точно отражена суть происходившего в это время не только с имуществом Абамелек-Лазарева, но и со многими другими частными собраниями. К этому можно добавить только, что нам не известна судьба вещей, оказавшихся в ведении Хозяйственной части (по всей видимости, неизвестной она осталась и для народного следователя Штейнберга), но многие восточные раритеты, переданные ранее из дворца на Миллионной, сохранились в фондах и на экспозиции Музея антропологии и этнографии.

Музей Города в Собственном Дворце

Город — город никогда не плох.
Город — святыня, потому что он
«множество».

В.В. Розанов

В 2004 г. Е.С. Соболевой и С.А. Старостенковым в архиве Государственного Эрмитажа был обнаружен ряд документов, касающихся поступления в Музей антропологии и этнографии экспонатов из Аничкова дворца [Соболева 2004: 85]. На основании этих документов исследователи справедливо указали, что среди предметов, поступивших в МАЭ в 20-е годы XX в., **имеются раритеты** из Аничкова дворца, добавив: «Когда и при каких обстоятельствах они поступили в Музейный фонд, еще предстоит установить. Во всяком случае, обнаруженные архивные документы стимулируют продолжение начатых поисков» [Соболева 2004: 95]. Коллеги также обратили внимание на попытку сотрудников Музейного фонда по каким-то причинам скрыть наличие в Аничковом дворце артефактов восточного происхождения и предположили, что Музейный фонд старался сохранить «большой объем экспонатов для каких-то будущих планов, в том числе распродажи на внешнем рынке» [Соболева 2004: 95].

Чтобы точнее понять обстоятельства, при которых эти раритеты попали в Музейный фонд, почему руководство Музейного

фонда старалось скрыть их наличие в составе дворцовых коллекций и какие планы относительно этих экспонатов были у Музейного фонда, надо обратиться сначала к истории Музея Города в Аничковом дворце, откуда они собственно поступили в Музей антропологии и этнографии (на некоторых предметах сохранились этикетки с надписью «МУЗЕЙ ГОРОДА. Историч. помещ. Аничк. дворца» и номером Музея Города).

В феврале 1917 г. Аничков дворец был национализирован, и в нем расположилось Министерство продовольствия [Аксельрод 1996: 115]. В мае 1918 г. после его эвакуации усадьба была передана культурно-просветительскому отделу городской управы, и тогда же в ней было решено поместить Музей Города [Аксельрод 1996: 116].

4 октября 1918 г. вышел 121-й номер газеты «Северная Коммуна». Содержание номера отражает дух этого непростого времени, и, что самое интересное, в газете больше внимания уделено не событиям на фронтах гражданской войны — взятию красноармейцами Красноуфимска («Если наступление будет удачно развиваться, то в ближайшие дни мы ликвидируем Ижевско-Вяткинское восстание белогвардейцев и всеми силами сможем действовать на Екатеринбург. В смысле настроения войск жаловаться нельзя. Наши питерцы все здоровы и шлют свой привет») или информации о наступлении англо-французских войск на Вологду [Северная. 1918: 2], а повседневным вопросам города и культуры.

В нем сообщается о проведении назначенных на 6 октября митингов — «Зашатались троны», а также «грандиозного митинга трудящейся интеллигенции» на тему «Интеллигенция и революция» под председательством Максима Горького. Докладчиками на этом митинге выступали Г. Зиновьев и А. Луначарский — «После докладов — свободная дискуссия. Вход бесплатный для всех желающих» [Северная. 1918: 1]. Говорится об организации книжных киосков по России и выделении на это одного миллиона двухсот пятидесяти тысяч рублей [Северная. 1918: 2]. Поднимается вопрос о запрещении детям посещать

кинематограф, поскольку «характер картин часто не соответствует детскому возрасту» [Северная. 1918: 3].

В рубрике «Театр и зрелище» анонсируется проведение в 6 часов вечера концерта Государственного оркестра в Зимнем дворце. «Плата за вход 1 руб.». Причем организует концерт Музейный отдел Наркомпроса [Северная 1918: 4].

На первой странице сообщается о переходе здания бывшего Пажеского корпуса на Садовой улице в ведение Комиссариата внутренних дел, а также печатается декрет об учреждении Музея Города, в котором раскрываются основные задачи, ставившиеся перед новым музеем, и определяется его будущее месторасположение.

«Декрет об учреждении “Музея Города” в Петрограде
№ 12231

В целях показательного содействия как общему, так и специальному ознакомлению с прошлым, настоящим и возможными формами устройства городов и с условиями городской жизни, для собирания и хранения научно-художественных материалов и предметов, имеющих то или иное отношение к различным сторонам городского быта и хозяйства, в г. Петрограде учреждается “Музей Города”. “Музей Города” состоит в ведении Народного Комиссариата просвещения<...>.

Для размещения музея отводятся дворцы: Аничковский и быв. Великого князя Сергея Александровича (Невский пр., угол Фонтанки).

Народный комиссар
А.В. Луначарский» [Северная. 1918. №121: 1].

Сразу за декретом приводятся нормы выдачи картофеля по карточкам [Северная. 1918. №121: 1].

Открытие музея состоялось 26 января 1919 г. Журнал «Бирюч. Петроградских Государственных Театров» так описал это событие: «26-го января, в бывшем помещении Аничкова дворца, открылся Музей Города.<...> Товарищ председателя коллегии

Музея Города Л.А. Ильин сделал доклад об истории возникновения Музея Города и постепенном развитии его отделов. Заведующий Художественным отделом В.Я. Курбатов, в частности, коснулся выставки видов Петрограда и говорил об ее организации. Вечером состоялось заседание коллегии Театрально-Зрелищного и Музыкального отдела. Последовали доклады Л.И. Жевержеева (о первоначальной деятельности и ближайших задачах Отдела), Б.Ф. Шлецера, А.М. Брянского (об организуемой Отделом выставке по вопросам Народного театра) и П.О. Морозова (о цикле лекций) «Театр в жизни города» [Бирюч. 1919. №13–14: 187].

Здесь важно отметить, что хотя преемником Музея Города является Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Музей Города в Аничковом дворце был музеем города вообще, музеем городской культуры в целом или музеем урбанизации, его директором стал архитектор Л.А. Ильин, возглавлявший также одно время архитектурный отдел Музейного фонда.

В результате получился, на наш взгляд, очень необычный, но одновременно и очень сложный в структурном отношении музей, в действительности распадавшийся на ряд музеев, объединенных городской тематикой.

В качестве одного из отделов в него вошел собственно Музей Старого Петербурга, зародившийся еще в 1908 г. [Минкина 2005: 143]. Причем Музей Старого Петербурга в качестве автономного отдела Музея города находился не в Аничковом дворце, а в соседнем здании по адресу Фонтанка, 35 [Минкина 2005: 147] в бывшем доме купцов Серебряниковых и был единственным отделом, обладавшим правом пользоваться собственной печатью [Попова 1998: 37].

Перед самим Музеем Города стояли более широкие задачи. Он был призван показать проблемы древних и современных городов (планировка, строительство, культура, благоустройство). Для этого в нем была собрана коллекция архитектурной и художественной графики городов мира [Попова 1998: 3]. В том числе и азиатских, так в 1923 г. В.Я. Курбатов передал в дар большой акварельный план Пекина [Попова 1998: 83].

Когда в 1920 г. была высказана идея о переименовании Музея Города в Музей города Петрограда, она не получила поддержку музейных работников как не соответствующая целям и задачам музея [Попова 1998: 54].

В музее большое внимание уделяли работе с детьми. Для них пытались разработать специальную культурно-воспитательную программу, а в саду дворца открыли детскую игровую площадку [Попова 1998: 49].

В Музее Города прошла выставка «Виды Петербурга и его окрестностей», в феврале — «Игрушка и ее значение в жизни ребенка» из частного собрания А.Н. Бенуа, позднее открылась экспозиция «Виды Москвы и окраин» [Попова 1998: 43, 48].

Проходили в музее и весьма необычные выставки. В июне 1923 г. в него с территории городской бойни был переведен Мясной музей, который раскрывал проблему снабжения города мясными продуктами [Попова 1998: 78].

В 1925 г. в Музее Города два месяца размещалась московская выставка по кремации [Петрова 2014: 212]. Еще в 1924 г. в связи с организацией этой выставки в Музей антропологии и этнографии пришел запрос из Государственного института социальной гигиены (Москва) о предоставлении экспонатов для готовящейся экспозиции, на что директор музея академик Карский ответил, что МАЭ не может выдать предметы, но готов принять сотрудника института, чтобы он сделал копии в виде рисунков и фотографий [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Д. 5. Л. 28].

В Музее Города был сформирован отдел Коммунальной и социальной гигиены, в который поступил Атлас водоснабжения Москвы с чертежами и фотографиями, аналогичные материалы поступили из Харькова [Попова 1998: 83]. Сотрудники занимались научно-исследовательской работой. Заведующий отделом З.Г. Френкель опубликовал книгу «Петроград периода войны и революции. Санитарные условия и коммунальное благоустройство» [Френкель 1923]. Тема крайне актуальная, учитывая, что город пережил один из самых сложных периодов в своей истории, во многом сопоставимый с блокадой Ленинграда. Еще в на-

чале 1920-х годов многие помещения не отапливались, в том числе и Аничков дворец, отопление которого было восстановлено только в 1922 г. [Попова 1998: 62]. В этом же году при Музее города были открыты краткие курсы по коммунальному хозяйству, легшие в основу Техникума коммунального хозяйства [Попова 1998: 68].

Всего в Музее города было семь отделов, а фактически самостоятельных музеев. Одним из них был отдел «Искусство в жизни города», сформированный на основе Сервизного корпуса и *исторических комнат* — личных покоев императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, а также собственного музея Александра III [Аксельрод 1996: 118]. Именно с историческими комнатами и связаны интересующие нас предметы; чтобы понять, как они попали в Музей Города, нужно обратиться к дореволюционной истории Собственного Его Императорского Величества (Аничкова) дворца.

Отправной точкой, которой является 1817 г., когда выкупленный Удельным ведомством дворец был пожалован великому князю Николаю Павловичу и превратился в резиденцию «малого двора», тогда же он получил второе название — Собственный дворец [Аксельрод 1996: 16, 18]. В 1865 г. усадьба была назначена наследнику престола великому князю Николаю Александровичу, который был помолвлен с датской принцессой Дагмар. После неожиданной и скоропостижной смерти Николая Александровича дворец, а позднее и невеста отошли новому наследнику русского престола великому князю Александру Александровичу, женившемуся в 1866 г. на принцессе Дагмар, получившей после принятия православия имя Мария Федоровна. Молодожены поселились в Аничковом дворце, который стал их домом на многие годы. В 1870–1871 гг. во дворце было обустроено помещение для личного музея наследника-цесаревича Александра Александровича. В этот музей поступали картины, различные редкости и предметы декоративно-прикладного искусства [Попова 1998: 13–14]. Став императором, Александр III продолжил жить в Аничковом дворце и Гатчине, бывая в Зимнем дворце лишь по

необходимости [Аксельрод 1996: 82]. В этом дворце прошли детство и юность Николая II. Здесь родился младший сын Александра III великий князь Михаил Александрович, жили до замужества уже упоминавшиеся нами неоднократно великие княжны Ксения Александровна и Ольга Александровна.

После смерти Александра III хозяйкой дворца стала вдовствующая императрица Мария Федоровна, обладавшая большим влиянием на своего сына Николая II. Сохранил свое значение и Аничков дворец, в котором давались балы и проводились приемы. 9 февраля 1914 г. в Собственного Его Величества Аничкова дворца церкви состоялось венчание дочери Ксении Александровны и Александра Михайловича великой княжны Ирины Александровны и князя Юсупова [Аксельрод 1996: 110].

Что немаловажно, Музей Александра III в Аничковом дворце не только сохранялся стараниями Марии Федоровны все это время, но и пополнялся дарами, поднесенными вдовствующей императрице.

Пережил Музей Александра III и революцию, став частью Музея Города. В 1918 г. при участии Петра Николаевича Шеффера (до Октября управляющего конторами великих князей Александра Михайловича и Георгия Михайловича) был восстановлен кабинет Александра III. Ситуация вокруг императорских комнат дворца стала меняться во второй половине 1920-х годов.

В 1928 г. в Музее Города начала работать комиссия рабоче-крестьянской инспекции Ленсовета, которая пришла к выводу, что музей является не музеем, а хранилищем царского и дворянского имущества, которое оберегают «бывшие», 95 % сотрудников имели дворянское происхождение [Минкина 2005: 151–152]. А ведь в 1918–1920 гг. в этом музее работала уже упоминавшаяся М.Д. Врангель — мать знаменитого белого генерала.

Были уволены хранители отдела «Старый Петербург» Е. Михайлова и Г. Султанов — сын известного архитектора Н.В. Султанова, построившего домовую церковь во дворце Ксении Александровны и Александра Михайловича. Если не было «дворянско-интеллигентского» происхождения, то многие сотруд-

ники работали еще при старых владельцах. Так, Н.К. Акулов до революции служил вахтером в Аничковом дворце, а его дочь — крестница императрицы Марии Федоровны. В 1928 г. Н.К. Акулов уволен [Попова 1998: 38–39]. В этом же году своего поста лишился и директор Л.А. Ильин [Попова 1988: 122]. Любопытно, что в 1921 г., когда Л.А. Ильин возглавил Архитектурную секцию при Музейном фонде, Акулов также был принят на жалование в эту организацию.

В самом Музее Города в 1928 г. началась ликвидация исторических комнат Аничкова дворца [Аксельрод 1996: 120–121]. 6 февраля 1928 г. экспертная комиссия под председательством Д.М. Максимова, осмотрев предметы Сервизной кладовой Аничкова дворца, разделила их на пять групп:

«1/ Предметы, представляющие научно-художественное значение для Гос. Эрмитажа;

2/ Предметы того же значения для Гос. Музея Фарфора /Москва/;

3/ Предметы того же значения для Госуд. Русского Музея;

4/ Предметы, представляющие научно-художественное значение для Музейного Фонда (видимо предназначенные на продажу, Музейный фонд сам находился в состоянии ликвидации. — Д.И.);

5/ Предметы, не имеющие музейного значения (стандартная предпродажная формулировка. — Д.И.)» [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 213. Л. 54]. Также в Сервизной кладовой были отобраны предметы для Оружейной палаты Московского Кремля [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 213. Л. 58].

Учитывая, что сам Музейный фонд готовился к большой распродаже, раритеты из Аничкова дворца в нем даже не регистрировались, а распределялись на музейные экспонаты для передачи в другие музеи и на «не имеющий музейной ценности» экспортный товар. Товарищ Капман в своем последнем отчете записала: «Имущество, вывезенное из исторических комнат, не прошло,

ввиду неимения времени, через инвентарь Музейного Фонда и принято и выдается непосредственно по инвентарным книгам Аничкова Дворца, поступившим в распоряжение Музейного Фонда» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 303 об.]. Это подтверждается сохранившимися на некоторых экспонатах МАЭ «старыми» номерами, которые соответствуют не инвентарным книгам Музейного фонда, а номерам Музея Города и Музея Александра III. Всего через Музейный фонд прошло, таким образом, 10846 предметов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 306 об.].

Этнографические предметы из Исторических комнат бывшего Аничкова дворца первоначально предназначались для Этнографического отдела Государственного Русского музея⁹³, но «ввиду совпадения заявок на некоторые предметы с Музеем Антропологии и Этнографии при Академии Наук С.С.С.Р.» комиссия в составе А.Н. Глухова, М.П. Лавровой и Г.А. Пидотти пересмотрела первоначальный отбор [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95].

Таким образом, в Музей антропологии и этнографии поступило большое количество азиатских и африканских экспонатов.

«Акт № 20

25/V[19]28.

25 мая 1928 г. составлен настоящий акт в том, что из Лен. Гос. Муз. Фонда выданы Музею Антропологии и этнографии при Академии наук через его представителя Г.О. Монзелера /удостоверение от 25/V-28 № 1417/ Нижеследующие предметы:

Основание:

Отношение Управл.
Уполномоч. НКП от 16/V-28г.
с резолюцией Зав.
Ленингр. Госуд. Музейн.
Фондом Д.М. Максимовым
от 16/ V-[19]28 года» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 225. Л. 28].

⁹³ В наст. время Российский этнографический музей.

Далее идет очень длинный список вещей, из которого мы приведем лишь отдельные фрагменты, по которым можно выделить несколько основных региональных групп предметов: японские, китайские, африканские, турецкие и среднеазиатские экспонаты, а также раритеты с островов Океании и медный кельт⁹⁴ из археологических раскопок.

В Отделе учета Музея антропологии и этнографии также имеется акт о передаче экспонатов из Государственного музейного фонда, похожий по содержанию, но не аналогичный акту из архива Эрмитажа. Описание предметов в нем гораздо более скудные, зато в графе «Откуда» указаны либо «Муз. А III», либо «Личн. комн.».

В Музее антропологии и этнографии в 1928 г. эти экспонаты были разбиты на несколько коллекций, поступивших 25 мая 1928 г., т. е. в тот же день, когда был составлен акт о передаче вещей из Музейного фонда.

К японским относятся нэцкэ. Японские нэцкэ составили коллекции № 3680, 3681 и 3699, последняя была зарегистрирована позднее — 15 июня 1928 г.» (Опись коллекции № 3699, титульный лист)⁹⁵.

К китайским — статуэтки и одежда. Причем про один из халатов сказано: «Халат китайский, желтый, *императорский*, шитый золотом и цветными шелками. Дл. 2 арш. Инвент. № 2947» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 225. Л. 28]. На этом халате, имеющем в настоящее время № 3682-1, сохранилась бирка — «МУЗЕЙ ГОРОДА. Историч. помещ. Аничк. дворца», на обороте «О 2947/И» (рис. 21). На этом предмете сохранилась и еще одна этикетка «№ 276». Необходимо отметить, что это женский халат, имеющий скорее персиковый цвет (рис. 22).

⁹⁴ Разновидность бронзового топора.

⁹⁵ Ю.В. Ионова в работе, посвященной японским нэцкэ, указала, что в составе этих коллекций имеются работы известных японских резчиков XVIII–XIX вв. (Хидэмаса, XVIII в.; Сюгёку, кон. XVIII — нач. XIX в.; Наохиде, XIX в.; Нагацугу, XIX в.) [Ионова 1966: 200, 207, 218, 220–221].

Про многочисленные среднеазиатские вещи сказано, что это дары Эмира Бухарского [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 225. Л. 29–30]. На трех бухарских экспонатах, хранящихся в МАЭ в составе коллекции № 3687, сохранились бирки «ея величеству императрице Марии Федоровне» [Прищепова 2000: 108]. Примечания к списку, хранящемуся в архиве Эрмитажа, позволяют установить точные даты даров 1874, 1906, 1910 и 1911 года [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 225. Л. 29–30].

Буддийская скульптура богини Лха-мо⁹⁶ сформировала монгольскую коллекцию № 3698 (Опись коллекции № 3698). На этом экспонате сохранилась круглая, металлическая, подвешенная на проволочке бирка Музея Александра III (рис. 23, 24). Монгольский боевой лук — коллекцию № 3697 (Опись коллекции № 3697).

Бамбуковое копьё, лук и стрелы из Океании были зарегистрированы в МАЭ в коллекции № 3691.

Из африканских вещей была создана коллекция № 3684, про которую в описи сказано, что она поступила из Аничкова дворца через Музейный фонд (Опись коллекции № 3684, титульный лист). При этом в списках Музейного фонда про некоторые экспонаты указана довольно интересная информация: «Головной убор черного бархата Абиссинского *Негуса* (императора Эфиопии)⁹⁷. — Д.И.) со сканными украшениями. Выс. 17 ½ см. Инвент.

⁹⁶ Единственное женское божество, которое относится к классу дхармапал. Лха-мо является покровительницей Далай-лам и Панчен-лам [Gordon 1959: 34]. По легенде, Лха-мо была супругой царя демонов на Цейлоне. Она дала клятву либо обратить в буддизм царский род, либо истребить его. Потерпев неудачу на миссионерском поприще, она убила сына, выпила его кровь и съела его плоть. Когда она спасалась бегством, сидя верхом на муле, царь, стреляя в нее из лука, попал стрелой в бедро мула. Лха-мо, вынимая стрелу, сказала: «Рана моего мула может стать глазом достаточным, чтобы видеть 24 региона, и я могу уничтожить род царя Цейлона» [Gordon 1959: 58].

⁹⁷ До середины XX в. Эфиопия в европейской литературе называется Абиссиния. Негус — титул императора Эфиопии до свержения монархии в 1975 г.

№ 660», «Одежда верхняя Абиссинского Негуса, бархатная украшенн. шитьем и бляшками. Инвент. № 662» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 225. Л. 28], «Сабля Абиссинского Негуса, ножны бархатные, рукоятка роговая. Дл. 1 м 5 см. Инвент. № 663», «Щит Абиссинского Негуса, покрытый черным бархатом со сканными украшениями. Диам. 51 см. Инвент. № 661» и две пики [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 225. Л. 28 об.] (рис. 25).

Из турецкой одежды в Музее антропологии и этнографии была сформирована коллекция № 3853.

Видимо, тотальной распродажей памятников искусства из Аничкова дворца можно объяснить отсутствие многих страниц в дореволюционных описях имущества этого дворца, хранящихся в Российском государственном историческом архиве. На последней странице «Описи скульптурным и другим вещам, находящимся в собственном Его Величества дворце» начальником управления Собственным (Аничковым) дворцом генерал-майором Д.А. Озеровым⁹⁸ 12 ноября 1903 г. записано: «Итого въ сей книгѣ пронумерованныхъ, прошнурованныхъ и казенной печатью скрепленныхъ двѣсти (200) листовъ» [РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 522. Л. 18 об.]. Однако на сегодняшний день в данной книге только 18 листов. Все листы с 16 по 198 были аккуратно вырезаны [РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 522]! Не хватает листов также в «Описи бронзовым, мельхиоровымъ и проч. вещамъ» [РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 521]. Мы не знаем, когда были вырезаны листы из инвентарных книг, можно только сказать, что согласно записям на последних страницах эти документы проверялись архивариусами в 1931 г. [РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 522. Л. 18 об.; РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 521. Л. 74 об.].

К счастью, помимо оскопленных дореволюционных списков, находящихся в РГИА, в Центральном государственном архиве литературы и искусств в фонде Музея Города имеется опись

⁹⁸ Давид Александрович Озеров в 1899–1912 гг. — исполняющий обязанности начальника и начальник Управления Собственного Его Императорского Величества Аничкова дворца [Фирсов 2003: 231].

некоторых залов дворца, в том числе помещений Музея Александра III, составленная в 1919 г., по всей видимости, при участии Александра Бенуа, а в Отделе Истории русской культуры Эрмитажа хранится «Опись исторических помещений Аничкова Дворца» 1922 г. [ОИРК ГЭ Музей города]⁹⁹.

Если обратиться к описи из ЦГАЛИ, мы можем найти в ней некоторые из представленных в Музее антропологии и этнографии экспонаты с указанием их положения во дворце на 5 июня 1919 г., фактически соответствующего дореволюционному. Так, нэцкэ из дерева «Мальчик, катящий снежный шар» (рис. 26), а также нэцкэ из слоновой кости «Спрут, обвивший женщину» (рис. 27), «Скульпторы, выкалывающие фигуры демонов в храмах Нара» (рис. 28), «Бог дождя» (рис. 29) находились в витринах во второй комнате второго этажа, выходящей окнами на Невский проспект, в правом углу [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 46. Л. 61, 61 об., 86 об.]. А китайские статуэтки — справа от ларца, на дубовом шкафу, в той же комнате [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 46. Л. 44 об.]. Две абиссинские пики упоминаются в «Дополнительной описи предметов искусства и редкостей, составляющих собрание Александра III» [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 46. Л. 80].

История поступления этих экспонатов в Аничков дворец требует отдельного исследования. Относительно подарков эмира бухарского Марии Федоровне все ясно. Африканские предметы можно с большой вероятностью связать с довольно многочисленными эфиопскими посольствами конца XIX — начала XX в. А вот китайские и японские предметы могли быть как преподнесенными в дар послами или японскими принцами, регулярно посещавшими Петербург, так и подарками побывавших в Китае и Японии великих князей. Еще любопытней происхождение коллекции из Океании. Это может быть дар большого мореплавателя и частого гостя Аничкова дворца великого князя Александра

⁹⁹ Мы хотели бы выразить благодарность Главному хранителю отдела истории русской культуры ГЭ Ирине Михайловне Захаровой, подготовившей для нас материалы из этой описи.

Михайловича, но надо также учитывать, что в 1886 г. известный русский исследователь Океании Н.Н. Миклухо-Маклай встречался в Ливадийском дворце с Александром III, а после его смерти в Гатчине императрица Мария Федоровна принимала вдову путешественника Маргарет Миклухо-Маклай. Такие встречи редко проходили без даров.

Экспонаты, поступившие в Музей антропологии и этнографии из Аничкова дворца, стали последними предметами, появление которых в МАЭ связано с Музейным фондом — одной из самых противоречивых музейных структур, история которой во многом отражает в целом историю России в первое послереволюционное десятилетие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революционное государство, с тысячами сохранных памятников и с сотнями музеев, считало возможным подойти к ним, как к листу белой бумаги, на которой можно написать то, что надо, и так, как надо.

А.М. Эфрос. «Музейное дело в Советской Республике»

Революционные события сделали неизбежным появление такой организации, как Музейный фонд, дать однозначную оценку которому практически невозможно. Отношение к нему менялось от исключительно положительного, в стиле «они все спасали» в советский период, до иногда резко негативного позднее. Пытаясь осмыслить результаты его работы, на наш взгляд, необходимо учитывать несколько факторов: изменение задач, которые ставились перед ним, а также, что может быть еще важнее, общие процессы в музейном деле, происходившие в это время в стране.

К тому же деятельность фонда носила зачастую весьма сумбурный характер. Сейчас довольно трудно объяснить передачу раритетов в пользование различным учреждениям. Упреки и даже обвинения в «разбазаривании» экспонатов в адрес организации, касающиеся этой стороны их труда, оправданы, но хотелось бы отметить пару важных моментов. Через Музейный фонд проходило *все* экспроприированное имущество, включая постельное белье, а главное, сотрудники зачастую просто не могли объективно оценить действительную ценность поступавших в их распоряжение артефактов. Для этого было необходимо слишком большое количество специалистов в разных областях. Особенно это актуально для произведений искусства стран Востока, а также этнографических предметов. Руководство фонда, понимая это, старалось привлекать приглашенных экспертов из других организаций. Еще до Октябрьской революции, в августе

1917 г., Академия наук поручила принять участие в работе Художественно-исторической комиссии ординарным академиком Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому и Михаилу Ивановичу Ростовцеву [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 12]. Какое-то время работал в Музейном фонде этнограф и специалист по Средней Азии Самуил Мартынович Дудин. Но в целом критерии оценки этнографических артефактов, а зачастую и не только их, носили явно субъективный характер.

Кроме того, отсутствовал точный, определенный статус музейного экспоната. Академик Ольденбург, полагавший, в след за Б.Ф. Адлером, что любая вещь, попавшая в музей, становится «научно-музейным объектом», в мае 1928 г., когда Ленинград должен был посетить король Афганистана, обратился в Музей Города с просьбой выдать для приема афганского короля фарфоровый сервиз [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 213. Л. 77]. **В служащие Музея** Города 5 мая 1928 г. выдали для приема короля сервиз и три скатерти с вензелями [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 213. Л. 78, 79]. Этот вопиющий, с современной точки зрения, случай имеет, на наш взгляд, довольно простое объяснение: и для Ольденбурга, и для музейных работников дворцовый сервиз и скатерти оставались просто дорогими и ценными «вещами современной работы», которые еще не так давно использовала по прямому назначению вдовствующая императрица.

Не было тогда и точного представления о ценности национализированных коллекций как сложившихся комплексов, дающих представление о личности собирателя и его эпохи, а иногда, что не менее интересно, позволяющих проследить вкусы и предпочтения нескольких поколений, формировавших единое семейное собрание. Оценка частных коллекций зачастую была пристрастной, полностью зависящей от мнения небольшой группы экспертов. Наиболее резко, хотя и ярко, это выражено в описании Луначарским комнат последнего императора: «Безвкусные покои Николая II. Чего в них только нет! Какой-то пестрый ситец и всюду развешанные фотографические карточки, — ни дать, ни взять, как в комнате первой горничной какой-нибудь миллионерши.

Тут и распутинский уголок, заставленный раззолоченными иконами, тут и какие-то необыкновенные ванны и колоссальные диваны, и весьма странно разубранные «уборные», наводящие на мысль о грубой животной чувственности, тут и базарная мебель, та самая, которую обставляют свой дом разжившиеся выскочки без роду и племени, покупая всякую рухлядь, какая понравится их одичалому вкусу» [Луначарский 1941: 488].

Во многом был с ним согласен Александр Бенуа, полгавший, что наиболее безвкусны покои Николая II в Александровском дворце Царского Села и Александра III в Аничковом дворце, а «Например, чудесные, устроенные Камероном Екатерининские интимные комнаты в Царском революция застала наполненными самой мещанской обстановкой императрицы Марии Александровны» [Бенуа 1923: 25]. Бенуа отмечал, что большинство хранителей созданных домов-музеев старались сначала все исправить и улучшить (в действительности подстроить экспозицию под свой личный художественный вкус), а лишь затем пришло понимание и желание воссоздать интерьеры по старым описям [Бенуа 1923: 25].

При этом очень показательна история самих домов-музеев. Понимая, что музей как частное собрание не может подходить под критерии, предъявляемые советским руководством, дома-музеи повсеместно стали провозглашаться музеями быта, становясь отчасти музеями *этнографии города*. Первым эту особенность заметил С.Н. Тройницкий: «Возможно, что уже теперь, когда еще не осуществлена фактически идея бытового музея, надлежало бы поставить вопрос, не уместно ли было бы рассматривать бытовой музей как секцию и отделение музея этнографического, поскольку бытовой музей отражает более или менее верно черты быта определенных сословий или определенной среды (напр. городской)» [Тройницкий 1923: 23]. Ближе всех, на наш взгляд, к воплощению идеи музея этнографии города оказался Музей Города в Аничковом дворце. Первая половина 1920-х годов — это, в целом, эпоха большого музейного эксперимента. Многие из замыслов того времени остаются актуальными до сих

пор, другие также актуальны и сейчас, но уже совершенно по другой, негативной причине.

Новые революционные власти не только полагали отмененными права частной собственности на художественные и исторические ценности, но и пересмотрели права музеев на собственные собрания. Последствия этой «музейной революции» середины 1920-х годов, требовавшей узкой специализации центральных музеев, ощущаются до сих пор. Ими был запущен процесс массовых передач экспонатов, продолжавшийся где-то до конца 1950-х годов. Сама Седова-Троцкая, стоявшая у истоков музейных реформ, уже давно была в Мексике, а музейные коллекции продолжали дробиться, сортироваться и перераспределяться, теряя зачастую важную сопроводительную информацию и создавая путаницу в учетной документации. А самое главное, уничтожались собрания как исторический комплекс, имеющий большую значимость именно как единое целое. Любопытно, что настоящую финансовую цену неразделенному собранию понимали государственные «торговцы антиквариатом», продавшие целиком имущество дворца Палей и пытавшиеся реализовать убранство Строгановского дворца [Соломахина 2015: 28].

С точки зрения историка, фактически таким комплексом стал после революции и сам Музейный фонд, созданный при Керенском и ликвидированный при Сталине, сыгравший значительную роль в музейном строительстве советского государства, пополнивший запасники и экспозиции многих музеев, а также и государственную казну.

Приложение 1

Список коллекций, поступивших в Музей антропологии и этнографии из Музейного фонда

Номер коллекции	Поступление	Собиратель	Регион (народ)	Регистрация	Состав	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
№2811	Поступила в 1921 г. от Музейного фонда	Якобсон	Персия (персы)	Зарегистрировал С.М. Дудин в 1922 г.	Ваза глиняная Кол-во №№: 1, кол-во пр. 1	Передана в Государственный Эрмитаж постановлением Президиума АН от 29.01.1930 г.
№2817	Поступила в 1922 г. от Музейного фонда		Самарканд (таджики)	Зарегистрировал И. Зарубин в 1922 г.	Предметы быта Кол-во №№: 10, кол-во пр. 12	
№2873	Поступила в 1923 г. из складов Зимнего дворца (Музейный фонд)		Средняя Азия (оседлое население Средней Азии)	Зарегистрировал И. Зарубин в 1923 г.	Шелковое покрывало Кол-во №№: 1, кол-во пр. 1	

1	2	3	4	5	6	7
№2912	Поступила в 1924 г. (по Книге поступ- лений, в описи дата поступления отсутствует) от Музейного фонда из складов Зимнего дворца		Япония (японцы)	Зарегистрировал Г. Монзельер в 1924 г.	Лаковые изделия, фарфор Кол-во №№: 19, кол-во пр. 87	
№2916	Поступила в 1924 г. (по Книге поступ- лений, в описи дата поступления отсутствует) от Музейного фонда из складов Зимнего дворца		Бухара	Зарегистрировал И. Зарубин в 1924 г., пере- регистрировала Е. Китова в 1938 г.	Образцы шелковой ткани Кол-во №№: 48, кол-во пр. 48	
№2917	Поступила в 1924 г. от Музей- ного фонда из складов Зимнего дворца		Бухара		Образцы сырцовой шелковой ткани Кол-во №№: 129, кол-во пр. 129	

1	2	3	4	5	6	7
№2918	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда		Бухара	Зарегистрировал И. Зарубин в 1924 г.	Кол-во №№: 106, кол-во пр. 106	
№2919	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда		Бухара		Образцы полушелковой атласной ткани Кол-во №№: 66, кол-во пр. 66	
№2920	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда		Бухара	Зарегистрирова- ла В.В. Екимова в 1924 г.	Образцы полушелковой атласной ткани Кол-во №№: 40, кол-во пр. 42	
№2927	Поступила в 1923 г. от Музейного фонда		Абиссиния	Зарегистрировал А.Шмидт в 1923 г.	Куски ткани- плащи. Кол-во №№: 4, кол-во пр. 4	
№2932	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда		Япония (японцы)	Зарегистрировал Г. Монзелер в 1924 г.	Ножик, трубка и предметы культы. Кол-во №№: 38, кол-во пр. 133	

1	2	3	4	5	6	7
№2935	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда (из складов Зимнего дворца)		Бухара	Зарегистрировал И. Зарубин в 1924 г.	Образцы полушелковой муаровой ткани. Кол-во №№: 21, кол-во пр. 21	
№2936	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда (из складов Зимнего дворца)		Бухара	Зарегистрировал И. Зарубин в 1924 г.	Образцы полушелковой муаровой ткани. Кол-во №№: 101, кол-во пр. 101	
№2950	Поступила в 1920 или 1921 г. от Музейного фонда		Китай	Зарегистрировал Г.О. Монзелер в 1924 г.	Предметы быта и кульга, фарфор. Кол-во №№: 26, кол-во пр. 29	
№2951	Поступила в 1920 или 1921 г. от Музейного фонда		Монголия	Зарегистрировал Г.О. Монзелер в 1924 г.	«Бурханы». Кол-во №№: 8, кол-во пр. 9	

1	2	3	4	5	6	7
№2969	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда (из кол. Романова)			Зарегистрирова- на С.М. Дудиным в 1924 г.	Изразцовая мозаика. Кол-во №№: 1, кол-во пр. 1	Передана в Государствен- ный Эрмитаж постановлени- ем Президиума АН СССР от 29.01.1930 г.
№2971	Поступила от Музейного фонда в 1924 г.		Бухара	Зарегистрирова- на Зарубиным и Каруновской	Керамика и предметы быта. Кол-во №№: 96, кол-во пр. 104	
№2972	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда (из складов Зимнего дворца)		Персы	Зарегистриро- вана Карвин- Каруновской в 1925 г.	Предметы быта. Кол-во №№: 31, кол-во пр. 38	
№2973	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда (из складов Зимнего дворца)		Средняя Азия	Зарегистрировал И. Зарубин в 1924 г.	Предметы быта. Кол-во №№: 14, кол-во пр. 14	

1	2	3	4	5	6	7
№2974	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда (из складов Зимнего дворца)		Османские турки		Тарелка расписная. Кол-во №№: 1, кол-во пр.1	
№3029	Поступила в 1922 г. от Музейного фонда (из складов Зимнего дворца)		Китайцы		Фарфор, резное дерево, лак, металличе- ские изде- лия. Кол-во №№: 70, кол-во пр. 76	
№3061	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда (из музея Штилица)		Арабы	Зарегистриро- вана А. Шмидтом в 1924 г.	Кол-во №№: 9, кол-во пр. 9	
№3108	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда		Афганцы	Зарегистриро- вана Карвин- Каруновской в 1924 г.	Ружья. Кол-во №№: 2, кол-во пр. 2	
№3149	Поступила в 1925 г. от Музейного фонда		Бухара	Зарегистриро- вана Карвин- Каруновской в 1925 г.	Конская сбруя. Кол-во №№: 3, кол-во пр. 3	

1	2	3	4	5	6	7
№3166	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда (быв. муз. Штигица)		Индия (индусы)		Ткани. Кол-во №№: 284, кол-во пр. 284	
№3167	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда (быв. муз. Штигица)		Индия (индусы)	Зарегистрировал Сетичев в 1932 г.	Металличе- ские изделия. Кол-во №№: 131, кол-во пр. 172	
№3168	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда (быв. муз. Штигица)		Индия (индусы)		Предметы гонимого производства. Кол-во №№: 81, кол-во пр. 103	
№3169	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда (быв. муз. Штигица)		Индия (индусы)		Украшения. Кол-во №№: 28, кол-во пр. 32	

1	2	3	4	5	6	7
№3170	Поступила в 1924 г. от Музейного фонда (быв. муз. Штигица)		Индия (индусы)		Изделия из папье-маше, лакированного дерева, мыль- ного камня. Кол-во №№: 31, кол-во пр. 82	
№3538	Поступила в 1927 г. от Музейного фонда		Китайцы, японцы	Зарегистриро- вана Глускиной в 1927 г.	Предметы буддийского культа, обра- боты по кости. Кол-во №№: 12, кол-во пр. 13	
№3546	Поступила в 1927 г. от Музейного фонда		Индия		Оружие, предметы культа, металлические изделия и лубочные картины. Кол-во №№: 109, кол-во пр. 109	

1	2	3	4	5	6	7
№3672	Поступила в 1928 г. от Государствен- ного музейного фонда		Персы	Зарегистриро- вана Гульбиным в 1928 г.	Книжный переплет Кол-во №№: 1, кол-во пр. 1	
№3673	Поступила в 1928 г. от Государствен- ного музейного фонда		Туркмены	Зарегистриро- вана Гульбиным в 1928 г.	Коврики. Кол-во №№: 2, кол-во пр. 2	
№3674	Поступила в 1928 г. от Государствен- ного музейного фонда		Индусы	Зарегистриро- вана Карунов- ской в 1928 г.	Доска для стола и веер. Кол-во №№: 3, кол-во пр. 3	
№3679	Поступила в 1928 г. от Государствен- ного музейного фонда		Китайцы	Зарегистрирова- на Г. Монзелером в 1928 г.	Разные предметы быта. Кол-во №№: 5, кол-во пр. 5	
№3680	Поступила в 1928 г. от Музейного фонда		Японцы	Зарегистрирова- на Г.О. Монзеле- ром в 1928 г.	Предметы быта. Кол-во №№: 5, кол-во пр. 7	

1	2	3	4	5	6	7
№3681	Поступила в 1928 г. от Музейного фонда		Японцы	Зарегистриро- вана Г.О. Монзе- лером в 1928 г.	Предметы быта. Кол-во №№: 6, кол-во пр. 6	
№3682	Поступила в 1928 г. от Музейного фонда		Китайцы	Зарегистриро- вана Г. Монзеле- ром в 1928 г.	Предметы быта. Кол-во №№: 14, кол-во пр. 14	
№3684	Поступила в 1928 г. от Государствен- ного музейного фонда		Абиссинцы Феллахи	Зарегистрировал Д. Ольдерогге в 1928 г.	Оружие, шарф и плащ. Кол-во №№: 7, кол-во пр. 9	
№3687	Поступила в 1928 г. от Государствен- ного музейного фонда		Бухара	Зарегистриро- вана Гульбиным в 1928 г.	Предметы быта, преимущ- ественно конская сбруя и седельн. прибор. Кол-во №№: 48, кол-во пр. 72	

№3691	Поступила в 1928 г. от Государственного музейного фонда	Малайский архипелаг (индонезийцы)	Зарегистрирована в 1928 г. Каруновской	Оружие. Кол-во №№: 4, кол-во пр. 4	
№3697	Поступила в 1928 г. от Музейного фонда	Монголы	Зарегистрирована Г. Монзелером в 1928 г.	Лук. Кол-во №№: 1, кол-во пр. 1	
№3698	Поступила в 1928 г. от Музейного фонда	Монголы	Зарегистрирована Г.О. Монзелером в 1928 г.	«Докушит из бронзы». Кол-во №№: 1, кол-во пр. 1	
№3699	Поступила в 1928 г. от Музейного фонда	Японцы	Зарегистрирована Г.О. Монзелером в 1928 г.	Глиняная статуэтка и наэцк Кол-во №№: 2, кол-во пр. 2	
№3810	Поступила в 1928 г. от Музейного фонда	Китайцы	Зарегистрирована Г.О. Монзелером в 1928 г.	Покрывала и предметы быта. Кол-во №№: 17, кол-во пр. 17	
№3853	Поступила в 1928 г. от Ленинградского государственного музейного фонда	Турция	Зарегистрирована Изаксон в 1929 г.	Одежда. Кол-во №№: 4, кол-во пр. 4	

Приложение 2

Список коллекций, поступивших в Музей антропологии и этнографии
от Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем

Номер коллек- ции	Поступление	Соби- ратель	Регион (народ)	Регистрация	Состав	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
№2718	Поступила в 1919 г. от ЧК		Китай	Зарегистриро- вана А. Ивановым в 1919 г.	Холодное оружие. Кол-во №№: 9, кол-во пр. 9	
№2719	Поступила в 1919 г. от ЧК		Япония	Зарегистриро- вана А. Ивановым в 1919 г.	Холодное оружие. Кол-во №№: 34, кол-во пр. 34	
№2720	Поступила в 1919 г. от ЧК		Китай	Зарегистриро- вана А. Ивановым в 1919 г.	Холодное оружие. Кол-во №№: 4, кол-во пр. 4	
№2721	Поступила в 1919 г. от ЧК		Япония	Зарегистриро- вана А. Ивановым в 1919 г.	Холодное оружие. Кол-во №№: 1, кол-во пр. 1	

1	2	3	4	5	6	7
№2723	Поступила в 1919 г. от ЧК (У.Т.Ч.К.)		Персия; Средняя Азия	Зарегистриро- вана А. Ивановым в 1919 г.	Холодное оружие. Кол-во №№: 14, кол-во пр. 14	
№2724	Поступила в 1919 г. от ЧК (У.Т.Ч.К.)		Турция; Средняя Азия	Зарегистриро- вана А. Ивановым в 1919 г.	Холодное оружие. Кол-во №№: 18, кол-во пр. 18	
№2729	Поступила в 1919 г. от ЧК		Европа; Африка	Зарегистриро- вана Гавриловой в 1928 г.	Кол-во №№: 2, кол-во пр. 2	
№2753	Поступила в 1919 г. от ВЧК		Индонезия		Оружие Кол-во №№: 2, кол-во пр. 2	

Приложение 3

Список коллекций, поступивших в Музей антропологии и этнографии от Экспертной комиссии и Историко-художественной комиссии при Внесторге

Номер коллек- ции	Поступление	Соби- ратель	Регион (народ)	Регистрация	Состав	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
№2771	Поступила в 1920 г. от Экспертной комиссии		Китай	Зарегистриро- вана А. Ивановым в 1920 г.	Предметы быта и культа. Кол-во №№: 19, кол-во пр. 19	
№2772	Поступила в 1920 г. от Экспертной комиссии		Япония	Зарегистриро- вана А. Ивановым в 1920 г.	Предметы быта и культа. Кол-во №№: 3, кол-во пр. 3	
№2773	Поступила в 1920 г. от Экспертной комиссии		Персия	Зарегистриро- вана А. Ивановым в 1920 г.	Предметы быта. Кол-во №№: 6, кол-во пр. 6	

1	2	3	4	5	6	7
№2788	Поступила в 1921 г. от Экспертной комиссии		Аляска	Зарегистриро- вана С. Штернбергом в 1921 г.	Копия тотем- ного столба. Кол-во №№: 1, кол-во пр. 1	В описи имеется очень любопытная запись Штерн- берга о дорево- люционном владельце экспоната. Согласно этой записи Сергей Михайлович Солошенко еще в 1912 г. (!) подарил предмет Экспертной комиссии, которая, в свою очередь, в 1921 г. передала в МАЭ (Опись коллекции №2788, л.1)

1	2	3	4	5	6	7
№2789	Поступила в 1921 г. от Экспертной комиссии		Китай	Зарегистриро- вана А. Ивановым в 1921 г.	Предметы быта и культа. Кол-во №№: 12, кол-во пр. 12	
№2804	Поступила в 1921 г. от Экспертной комиссии		Китай	Зарегистриро- вана Г.О. Монзелером в 1931 г.	Предметы быта и культа. Кол-во №№: 3, кол-во пр. 3	
№2871	Поступила в 1923 г. от Экспертной комиссии		Бухара	Зарегистриро- вана Н. Зарубиным в 1923 г.	Седло и барабан. Кол-во №№: 2, кол-во пр. 9	
№2872	Поступила в 1923 г. от Экспертной комиссии		Бухара	Зарегистриро- вана Н. Зарубиным в 1923 г.	Шлем, щит и астрономиче- ская таблица. Кол-во №№: 3, кол-во пр. 3	
№2887	Поступила в 1923 г. от Историко- художественной комиссии при Внешторге		О. Ява	Зарегистриро- вана С. Штернбергом в 1923 г.	Холодное оружие. Кол-во №№: 1, кол-во пр. 2	

1	2	3	4	5	6	7
№2942	Поступила в 1924 г. от Экспертной комиссии		Приамур- ский край	Зарегистриро- вана С. Штернбергом в 1924 г.	Корзина. Кол-во №№: 1, кол-во пр. 1	
№2943	Поступила от Экспертной комиссии в 1924 г.		Порт-Саид	Зарегистриро- вана А. Шмидтом в 1924 г.	Предметы культа. Кол-во №№: 3, кол-во пр. 3	
№2955	Поступила от Экспертной комиссии в 1924 г.		Персия	Зарегистриро- вана Н. Зарубиным в 1924 г.	Вазы, подставки. Кол-во №№: 4, кол-во пр. 6	
№2956	Поступила в 1924 г. от Экспертной комиссии		Туркестан	Зарегистриро- вана Н. Зарубиным в 1924 г.	Женские украшения. Кол-во №№: 2, кол-во пр. 3	
№2957	Поступила в 1924 г. от Экспертной комиссии		Турция	Зарегистриро- вана Н. Зарубиным в 1924 г.	Чернильница и туфли. Кол-во №№: 2, кол-во пр. 5	

Приложение 4

Список коллекций, поступивших в Музей антропологии и этнографии из Пушкинского Дома и от Б.Л. Модзалевского

Номер коллек- ции	Поступление	Соби- ратель	Регион (народ)	Регистрация	Состав	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
№2782	Поступила в 1920 г. из Пушкинского Дома		Донская обл. Океания	Зарегистриро- вана С. Кубиш в 1920 г.	Правюры. Кол-во №№: 3, кол-во пр. 3	
№2783	Поступила в 1920 г. из Пушкинского Дома		Италия	Зарегистриро- вана С. Кубиш в 1920 г.	Фотографии	
№2807	Поступила в 1921 г. из Пушкинского Дома		Кавказ, Турция, Швейцария, Сербия	Зарегистриро- вана С. Кубиш в 1921 г.	Фотографии. Кол-во №№: 13, кол-во пр. 13	
№2894	Поступила в 1923 г. из Пушкинского Дома		Россия, Германия	Зарегистриро- вана А. Пиотровским в 1923 г.	Фотографии. Кол-во №№: 15, кол-во пр. 15	

1	2	3	4	5	6	7
№2962	Поступила в 1924 г. из Пушкинского Дома		Япония	Зарегистриро- вана Г.О. Монзелером	Культовые изображения. Кол-во №№: 17, кол-во пр. 30	
№2967	Поступила в 1924 г. от Б.Л. Модзалевского		Монголия	Зарегистриро- вана Г.О. Монзелером	Иконы. Кол-во №№: 3, кол-во пр. 3	
№3030	Поступила в 1924 г. из Пушкинского Дома		Япония	Зарегистриро- вана Г.О. Монзелером в 1924 г.	Мечи и лак. Кол-во №№: 3, кол-во пр. 3	
№3033	Поступила в 1924 г. из Пушкинского Дома		Персия	Зарегистриро- вана А. Федоровым в 1936 г.	Ковры и оружие. Кол-во №№: 17, кол-во пр. 24	
№3034	Поступила в 1924 г. из Пушкинского Дома		Русский Туркестан	Зарегистриро- вана И. Зарубиным в 1924 г.	Седло. Кол-во №№: 3, кол-во пр. 3	
№3037	Поступила в 1924 г. из Пушкинского Дома		Средняя Азия	Зарегистриро- вана И. Зарубиным в 1924 г.	Туркменская дорожка. Кол-во №№: 1, кол-во пр. 1	

1	2	3	4	5	6	7
№3046	Поступила в 1924 г. из Пушкинского Дома		Китай	Зарегистриро- вана Г.О. Монзелером в 1924 г.	Фарфоровые вазы и клуазоне. Кол-во №№: 24, кол-во пр. 24	
№ 3047	Поступила в 1924 г. из Пушкинского Дома			Зарегистриро- вана Федоровым в 1924 г.	Археология (бронзовые предметы и вазочки из мыльного камня). Кол-во №№: 10, кол-во пр. 10	
№3059	Поступила в 1924 г. из Пушкинского Дома		Африка	Зарегистриро- вана Д.А. Ольдерогге в 1941 г.	Оружие. Кол-во №№: 11, кол-во пр. 11	
№3067	Поступила в 1924 г. из Пушкинского Дома		Новая Гвинея		Меч из рыбы-пилы. Кол-во №№: 1, кол-во пр. 1	

**Описание вещей,
выданных из Музейного фонда
и Пушкинского Дома в различные музеи**

В приложении мы указываем только те вещи, которые могут быть, на наш взгляд, легко опознаны и есть информация обеих дореволюционных владельцев. Список составлен на основании описных карточек Музейного фонда (1920 г.), хранящихся в архиве Государственного Эрмитажа. Перечень был разбит нами на группы по организациям, получившим экспонаты из Музейного фонда. Орфография и пунктуация документа сохранена.

Вещи, переданные т. Максимовым в Уфимский подотдел по делам музеев и охране памятников 5 марта 1920 — 12 марта:

«1964. [Кунецкий] Мужской портрет. Внизу слева наклейка № 110. Писана на дереве. Размер: 22/18 сант. Масло. Собр. Ал. Вл. Набокова» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 4].

«3562. Бодуэн Антон Франц. Семнадцатого столетия. Пейзаж, писан на дереве. В старинной позолоченной деревянной раме. Размер 19×25 ½ см. Собр. Болашова. Масло» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 5].

«4262. Поясной акварельный портрет девушки в черном платье с меховым боапашем (в тексте неразборчиво. — Д.И.). В красной бархатной раме. Размер 14×12 см. Соб. Капнист. Акварель» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 6].

«4939. Масло. Неизвестного мастера. Мадонна с младенцем на руках. Младенец надевает кольцо женщине. Картина писана на дереве, на золотом фоне, на котором подпись по латыни. В дерев. старинной работы поломанной раме. 1488 года. Размер 50×40 см. Собр. Князя Орбелиани. По описи № 6» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 8].

В Уфимский музей 20 августа 1920:

«88. Фигура бронзовая. Размер 30 см в высоту из темной бронзы. Фигура опирается на одно колено, одной рукой придерживает волосы, другой грудь. На спине наклейка: «Комитет о принудительном занятии помещений и зданий гр. Петрограда». Дело № 12 Ксен. Алекс.» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 2].

«160. Рождество Христово. Масло. Справа стоит со сложенными руками Богоматерь и смотрит на Спасителя. Слева, со сложенными руками праведный Иосиф. Писана на дереве. Золотая резная рама в стиле Louis XIV. Подписи не имеет.

Бумажная накладка с надписью: «Кабинет Англ. наб. 50». Справа сбоку бумажная наклейка с надписью принадлежит князю Дмитрию Сергеевичу Долгорукому. 1883 г.» Размер: 70×58 см» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 3].

«1036. Фарфоровая фигурка девочки в длинном платье, с опущенными руками и сумкою через плечо. D&G. Выс. 11. По инв. В.К. Ксении Александровны № 311» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 6].

«1055. Фарфоровый щеночек, сидящий на задних лапах развалиясь. Внизу: Royal Copenhagen. Выс. 22 с. Инв. Вел. Кн. Ксен. Алекс. № 287» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 7].

«1066. Фарфоровая статуэтка Утенок лежит. Знак: «Королевская корона» и «Дантогк». Выс. 5 см., д. 12 см. Инв. В.К. Ксении Алекс. № 298» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 8].

Предметы, переданные т. Максимовым 1 июля (или июня, в тексте неразборчиво. — Д.И.) 1920 г. в Центральный морской музей:

Предметы, переданные Ученым хранителем Пушкинского Дома М.Д. Беляевым в Государственный Эрмитаж 25 июля 1924 г.:

«1/ Венецианский шкаф, резной, состоящий из пяти отдельных частей, зашитых в рогожи, и одного открытого ящика с мелкими к нему частями.

2/ Архитектурный вид, масло, холст, Итальянской школы, рама орехового дерева /167×240 см/.

3/ Смерть Клеопатры, масло, холст, Итальянской школы, рама черного багета, /159×205 см/.

4/ Четыре амура, масло, холст, в золоченном багете /102×118 см/.

5/ Мифологический сюжет /с пятью фигурами/, масло, холст, Итальянской школы, в золоченом багете /106×128 см/.

6/ Четыре отдельных панно, масло, холст, Итальянской школы, сцены из эпохи первых времен христианства, в золоченых багетах /все одного размера — 52×118 см/.

7/ Портрет молодой девушки, на плечах черный платок, в волосах цветы, масло, холст, золоченая рама /42×52 см/.» [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 145 — 145 об.].

Список источников

МАЭ РАН

Архив Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера)
РАН. Инвентарь коллекциям МАЭ с № 2412 по № 4824. Архив
МАЭ РАН. К-IV. Оп. 1. Т. 2.

- Опись коллекции № 2796
- Опись коллекции № 2782
- Опись коллекции № 2783
- Опись коллекции № 2788
- Опись коллекции № 2806
- Опись коллекции № 2807
- Опись коллекции № 2808
- Опись коллекции № 2809
- Опись коллекции № 2810
- Опись коллекции № 2833
- Опись коллекции № 2834
- Опись коллекции № 2835
- Опись коллекции № 2836
- Опись коллекции № 2837
- Опись коллекции № 2838
- Опись коллекции № 2839
- Опись коллекции № 2840
- Опись коллекции № 2841
- Опись коллекции № 2843
- Опись коллекции № 2844
- Опись коллекции № 2894
- Опись коллекции № 2939
- Опись коллекции № 2950
- Опись коллекции № 2951
- Опись коллекции № 2962
- Опись коллекции № 2967
- Опись коллекции № 3030
- Опись коллекции № 3033

Опись коллекции № 3034
Опись коллекции № 3037
Опись коллекции № 3046
Опись коллекции № 3047
Опись коллекции № 3059
Опись коллекции № 3066
Опись коллекции № 3117
Опись коллекции № 3681
Опись коллекции № 3682
Опись коллекции № 3684
Опись коллекции № 3697
Опись коллекции № 3698
Опись коллекции № 3699
Опись коллекции № 4115
Опись коллекции № 6132

**Документы Отдела истории русской культуры
Государственного Эрмитажа (ОИРК ГЭ)**

Музей города. Опись исторических помещений Аничкова
Дворца. Рабочая книга № 1. 8 дек. 1922.

Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ)

Фонд № 4. Государственный музейный фонд

Опись 1.

Д. 42. Выдача музейных предметов в клуб Петроградского
общества эсперантистов и коммунистов.

Д. 79. Опись бронзы.

Д. 82. Опись оружия.

Д. 84. Опись различным музейным предметам.

Д. 85. Описные карточки на вещи, переданные т. Максимо-
вым из Музейного отдела в Уфимский музей 20 августа 1920 г.

Д. 225. Акты выдачи музейных предметов, не прошедших че-
рез общую инвентаризацию в музеи и учреждения г. Ленинграда.

Д. 257. Опись художественным предметам, принадлежавшим
Яacobсон А.В., поступившим в Музейный фонд.

Д. 547. Опись и переписка о поступлении художественных предметов из дворца Ксении Александровны и Александра Михайловича в Художественную комиссию по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины.

**Архив Института истории материальной культуры
Фонд № 4.**

**Архив Российского этнографического музея (АРЭМ)
Фонд № 2. Опись 1.**

Д. 95. Дело о передаче Этнографическому отделу Русского музея предметов из фондов Аничкова дворца.

**Российский государственный архив военно-морского флота
(РГА ВМФ)**

Фонд № 562

Опись 1.

Д. 2. Описание заграничного плавания корвета «Рында».

**Российский государственный исторический архив (РГИА)
Фонд № 473. Церемониальная часть Министерства императорского двора**

Опись 2.

Д. 102. О приезде в Санкт-Петербург японского принца Такешиито-Арисугава.

Фонд № 474. Управление Собственным Его Императорского Величества (Аничковым) дворцом

Опись 1.

Д. 521. Опись бронзовым, мельхиоровыми прочим вещам.

Д. 522. Опись скульптурным и другим вещам, находящимся в Собственном Его Императорского Величества дворце.

Фонд № 521. Контора дворца великого князя Александра Михайловича и Ксении Александровны

Опись 1.

Д. 39. Расходы по содержанию яхты «Тамара» и электрического катера великого князя.

Д. 55. Расходы по приобретению ювелирных предметов, картин, ваз, старинных монет. Счета.

**Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН)
Фонд № 142. Музей антропологии и этнографии**

Опись 1.

Д. 3. (1921). Постановления и циркуляры АН и переписка по научно-организационным, экспедиционным вопросам, по передаче коллекций и по вопросам личного состава.

Д. 5. (1922). Переписка (входящая) по поступлению и передаче коллекций, по экспедиционным, издательским, финансовым и хозяйственным вопросам и по вопросам личного состава.

Д. 5. (1924). Исходящая переписка.

Фонд № 150. Пушкинский Дом

Опись 1.

Д. 6. О здании № 21 по наб. реки Мойки (быв.Абамелик-Лазарева).

Д. 2. (1922). Переписка по разысканию, приобретению и получению в дар рукописей и других материалов и музейных предметов от лиц и учреждений. Описи материалов, изъятых из сейфов Волжско-Камского банка.

**Центральный государственный архив литературы и искусств
г. Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб)**

**Фонд № 36. Государственный музейный фонд Главнауки
Наркомпроса РСФСР**

Опись 1.

Д. 1. Материалы о работе Художественно-исторической комиссии (протоколы, доклад, описи и др.). Ч. I.

Д. 1а. Материалы о работе Художественно-исторической комиссии (протоколы, доклады, описи и др.). Ч. II.

Д. 1б. Материалы о работе Художественно-исторической комиссии (протоколы, доклады, описи и др.). Ч. III.

Д. 1в. Материалы о работе Художественно-исторической комиссии (протоколы, доклады, описи и др.). Ч. 4.

Д. 27. Договора с фотографом А.М. Функ о фотографировании памятников искусства и старины.

Д. 35. Журналы заседаний Совета отдела. Ч. I.

Д. 36. Журналы заседаний Совета отдела. Ч. 2.

Д. 48. Материалы об охране дома Абамелек-Лазарева (справка, акты, описи и др.).

Д. 81. Журналы заседаний секции живописи, скульптуры и прикладного искусства.

Д. 110. Личное дело сотрудника В.В. Суслова.

Д. 112. Журналы заседаний совета Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины.

Д. 134. Заявления и удостоверения служащих. 1923 г.

Д. 157. Акты о приеме чужого имущества в ведение Музейного фонда и о смерти лошади.

Д. 238. Материалы о взятии на учет художественных ценностей в квартире коллекционера Е.С. Рахлина-Румянцева (акт, удостоверения, описи, переписка).

Д. 213. Документы о приеме и передаче экспонатов (инструкции, акты, описи, переписка и др.), ч. 1.

Д. 262. Материалы об осмотре банковских сейфов с целью принятия мер по охране находящихся в них художественных ценностей (постановление Наркома финансов, заявления, переписка и др.).

Д. 263. Удостоверения и докладная записка об осмотре картин на станции Охта — Навалочная, находившихся среди невостребованных грузов.

Д. 270. Материалы о взятии на учет художественных ценностей в квартире коллекционера В.В. Суслова (удостоверения, описи, переписка и др.).

Д. 302. Материалы по работе комиссии по отбору и осмотру оружия, имеющего художественное, историческое, этнографическое значение.

Д. 362. Материалы о деятельности экспертных комиссий НКВД.

Д. 397. Отчеты о деятельности Музейного фонда за 1917–1921 гг.

Д. 397а. Отчеты о деятельности Музейного фонда за 1922–1928 гг.

Д. 446. Инвентарная книга предметов Музейного фонда. Ч. 1.

Д. 447. Инвентарная книга предметов Музейного фонда. Ч. 2.

Д. 449а. Инвентарная книга художественных предметов Музейного фонда. Ч. 4.

Опись 3.

Д. 2. Переписка с П.П. ОГПУ по личному составу, автобиографии и список сотрудников.

Фонд № 72. Музей строительства и городского хозяйства Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Опись 1.

Д. 46. Список экспонатов музея. 1919 г.

Д. 213. Документы о приеме и передаче экспонатов (инструкции, акты, описи, переписка и др.), ч.1.

Библиография

Абамелек-Лазарев С. С. Джераш. Археологическое исследование князя С. Абамелек-Лазарева. СПб., 1897.

Абамелек-Лазарев С. С. Пальмира. СПб., 1884.

Авгуль Л. Н., Крылова А. В. Дворец Нарышкиных-Шуваловых. СПб.: Алмаз, 1996. 191 с.

Аксельрод В. И., Буланкова Л. П. Аничков дворец. СПб.: Алмаз, 1996. 174 с.

Аксельрод В. И., Демичева Н. Н. Зодчие и строители Аничкова дворца. СПб ДТЮ, 1994. 61.

Андреев А. И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ: Эко Арт, 1992. 128 с.

Андреев М. С., Половцов А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1911. 41 с.

Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Л., Художественная литература, 1991. Т. 1, 2. 338 с.

Баскаков В. Н. Пушкинский Дом. Л.: Наука, 1988. 312 с.

Бенуа А. Н. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 636 с. 765

Бенуа А. Н. Дворцы-музеи // Музей. Пг., 1923. Т. I. С. 24–32.

Бенуа А. Н. Дневник 1916–1918 годов. М.: Захаров. 2006.??? с.

Бенуа А. Н. Записка Александра Бенуа о сохранении Строгановского, Юсуповского и Шуваловского особняков / Подг. к публ. Е.Ю. Соломаха // Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. Строгановский дворец. СПб., 2015. С. 251–255.

Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997. 400 с.

Березина В. А. Экскурсионная работа в 1920-х гг. (на материалах Петрограда-Ленинграда): Дис. ... к.и.н. СПб., 2015. 199 с.

Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. Пг., 1917. № 16125 8 (21) марта.

Биржевые ведомости. Вечерний выпуск., Пг., 1917. № 161279 (22) марта.

Бирюч Петроградских Государственных театров. Пг., 1919. № 9.

Бирюч Петроградских Государственных театров. Пг., 1919. № 13–14.

Бирюч Петроградских Государственных театров. Пг., 1919. № 17–18.

Ботт И.К. Г.К. Лукомский — хранитель Царскосельского прошлого // Хранители: Материалы ХЦарскосельской научной конференции. СПб., 2005. С. 188–203.

Бусырева Е.П., Чеканова О.А. Лев Ильин // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 2000. С. 192–217.

Верецагин В.А. Из жизни Кружка. Взгляд и нечто (К юбилею кружка любителей русских изящных изданий. 1903–1913). СПб.: [Б.И.], 1913.

Верецагин В.А. Материалы для библиографии русских иллюстрированных изданий. СПб.: [Б.И.], 1908.

Верецагин В.А. Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720–1870). СПб.: Типография В.Киршбаума, 1898. 346 с.

Верецагин В.А. Русская карикатура. СПб.: [Б.И.], 1911–1913.

Верецагин В.А. Русский книжный знак. СПб.: Печатня Р. Голике, 1902. 243 с.

Войков В.Н. С царем и без царя. Гельсингфорс: [Б.И.], 1936.

Воррес Й. Ольга Александровна. Мемуары. М.: Захаров, 2004. 272 с.

Врангель М.Д. Моим внукам // Слово. 1991. № 1. С. 66–68.

Григорьева Н.В. Из истории музейного строительства в Новгородской области. Музей Революции // Вестник Новгородского государственного университета. Новгород, 2014. № 83. Ч. 2. С. 13–17.

Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. Т. I. 624 с.

Ерыкалов В.И. Доклад заведующего Государственным Музейным Фондом на Губернской конференции 1923 года // Музей. Л., 1924. Т. I. С. 1–5.

Жуков Ю.Н. Сталин. Операция Эрмитаж. М.: Вагриус, 2005. 336 с.

Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. М.: Наука, 1989. 304 с.

Жуков Ю.Н. Тайна операции «Эрмитаж» // Смена. 1992. № 1. С. 80–107.

Знамя Труда. Пг., 1918. № 122.

Знамя Труда. Пг., 1918. № 138.

Зоценко М.М. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русслит, 1994. Т. 1. 430 с.

Зуев Г.И. Течет река Мойка: от Фонтанки до Невского проспекта. М.: СПб., 2012.

Игнатович А.Н. О.О. Розенберг и его труды по буддизму // Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991. С. 6–17.

Иванов Д.В. Два изображения Амитаюса // Радловский сборник. СПб., 2009. С. 214–215.

Иванов Д.В. Материалы о Петербургском буддийском храме, хранящиеся в Государственном Эрмитаже // Тибетология в Санкт-Петербурге. СПб., 2014. Вып. 1. С. 26–34.

Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Пг., 1917. № 9. 8 марта.

Известия русского генеалогического общества. СПб.: [Б.И.], 2007. Вып. 19.

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Кишинев: Картя Молдовеняскэ; 1977. 672 с.

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: [Б.И.], 2009.

Ионова Ю.В. Японская миниатюрная скульптура-нэцкэ // Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов. Л., 1966. С. 182–221. (Сборник МАЭ.Т. XXIII).

Каганович С.Б. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. 249 с.

Кантор Ю.З. Реальность и соцреализм: Эрмитаж в 1917–1941 гг. // Звезда., 2003. № 5. С. 182–194.

Кисляков В.Н. Материалы к описанию экспонатов МАЭ РАН по религиозным воззрениям китайцев. Сведения о собирателях // Восточная Азия: Вещи, история коллекций, тексты. СПб., 2009. С. 211–253. (Сборник МАЭ.Т. LV).

Коковцев П.К. Памяти князя С.С. Абамелек-Лазарева // Записки восточного отделения Русского археологического общества. Пг.: [Б.И.], 1917. Т. XXIV.

Кончин Е.В. Эмиссары восемнадцатого года. М. Московский рабочий, 1981. 200 с.

Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. М.: АСТ, 2004. 602 с.

Краско А.В. Дома купцов Елисеевых. СПб.: Белое и Черное 1997. 158 с.

Краско А.В. Три века городской усадьбы графов Шереметевых. М.; СПб., 2009.

Кунките М.И. Из истории петербургской улыбки. Невский, 46: зубо врачевание и не только. СПб.: Поли Медиа Пресс, 2004. 303 с.

Курбатов В.Я. Павловск. Художественно-исторический очерк и путеводитель. СПб.: Община Св. Евгении, 1912. 244 с.

Курбатов В.Я. Петербург. Художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы. СПб.: Община Св. Евгении, 1913. 674 с.

Курбатов В.Я. О скульптурных украшениях петербургских построек. СПб.: [Б.и.], 1914.

Курбатов В.Я. Гатчина. Л.: Ленингр. губ. профсоюзов, 1925. 80 с.

Курбатов В.Я. Музей города. Музей Старого Петербурга. Л.: [Б.и.], 1928.

Лебедев В.Д. Вклад великого князя Александра Михайловича Романова в развитие военно-морского флота и авиации России // Вестник архивиста. М., 2011. № 2. С. 226–247.

Левинсон-Лессинг В.Ф. Вступительная статья // Выставка картин и рисунков русских художников начала XX века. Из собрания Ф.Ф. Нотгафта. Л., 1962. С. 5–12.

Левинсон-Лессинг В.Ф. История Картиной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л.: Искусство 1985. 424 с.

Лисовский В.Г. Владимир Васильевич Суслов. Л.: Лениздат, 1971. 35 с.

Личак Н.А. Н.И. Седова-Троцкая как организатор и руководитель сохранения памятников искусства и старины в губерниях Советской России в 1920-х гг. // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2016. № 1. С. 287–290.

Лукомский Г.К. Краткий каталог музея Екатерининского дворца. Пг.: [Б.и.], 1918.

Луначарский А.В. Советская власть и памятники старины // Луначарский А.В. Статьи об искусстве. М.; Л., 1941 С. 483–491.

Люди и судьбы: библиографический словарь востоковедов–жертв политического террора в советский период (1917–1991). Издание подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорока. СПб.: Петербургское востоковедение, 495 с.

Мариенгоф А.Б. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость... Л.: Художественная литература, 1988. 478 с.

Маяковский В.В. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1987. Т. 1. 768 с.

Минкина Е.В. П.П. Вейнер — музейный работник // Тр. Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 1997. Вып. 2. С. 25–34.

Минкина Е.В. Хранители Музея Старого Петербурга // Хранители. Материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб., 2005. С. 142–154.

Миролюбова Г., Тарасова Л. Белый зал особого назначения // Родина. 2001. № 9. С. 94–96.

Модзалевский Б.Л. Из записных книжек 1920–1928 гг. Публ. Т.А. Краснобородько и Л.К. Хитрово // Пушкинский Дом: материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 7–141.

Мосолов А.А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1900–1916. СПб.; Наука, Мета, 1992. 264 с.

Музейное дело России. М.; ВК, 2003. 614 с.

Острой О.С. История искусствоведческой библиографии в России (XI — нач. XX в.). Л.: ГПБ, 1991. 22 с.

Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Книга вторая 1888–1897. М.: ИВ РАН, 2004. 272 с.

Памятники древнерусского зодчества. СПб.: [Б.и.], 1895–1901. Вып. 1–3.

Петрова Л.И. Городской музей и власть: 1880-е–1930-е годы (Петербургский городской музей, Музей старого Петербурга, Музей Города): Дис. ... к.и.н. СПб., 2014. 308 с.

Петроградская газета. Пг., 1917. 9 марта 1917. № 58.

Пиотровский Н.Г. Русский некрополь: фрагменты. Варшава: Добро, 1929. 91 с.

Попова Г.А. Музей Города в Аничковом дворце. События, судьбы, коллекции. СПб.: Алмаз, 1998. 159 с.

Правительственный вестник. СПб. 1889. № 89.

Прищепова В.А. Коллекции заговорили. СПб.: МАЭ РАН, 2000. 269 с.

Пухов А. Балтийский флот в обороне Петрограда. 1919 год. М.; Л.: Военмориздат НКВМФ СССР, 1939. 140 с.

Равикович Д.А. Формирование государственной музейной сети (1917 — I половина 60-х годов). М.: [Б.и.], 1988. 151 с.

Радде Г.И. 2300 миль на яхте «Тамара». Путешествие Великих князей Александра Михайловича и Сергея Михайловича. СПб.: Типография Эдуарда Гюппе, 1892. Т. 1. 228 с.

Радде Г.И. 2300 миль на яхте «Тамара». Путешествие Великих князей Александра Михайловича и Сергея Михайловича. СПб.: Типография Эдуарда Гюппе, 1893. Т. 2. 211 с.

Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5 Взвихренная Русь. М.: Русская книга, 2000. 688 с.

Романов А.М. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. 166 с.

Романов К.В. Воспоминания. М.: [Б.и.], 2006.

Романов К.В. Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996. 334 с.

Романченко Н.Ф. Древности Старой Ладogi в памятниках зодчества. СПб.: Типография Э.Э. Новицкого, 1905. 20 с.

Романченко Н.Ф. Краткий путеводитель по музею-храму, сооруженному Е.С. Рахлиным-Румянцевым в Новгородской губ., Валдайского уезда близ села Рютино. Пг.: Рос.гос. акад. тип. , 1922. 25 с.

Российская музейная энциклопедия: в 2 т. М.: Прогресс, Рипол Классик, 2001. Т. 1. 854 с.

Рупасов А.И., Скурлов В.В., Фаберже Т.Ф., Бернев С.К. Агафон Фаберже в Красном Петрограде. СПб.: Лики России, 2012. 280 с.

Северная коммуна. Известия Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих и Красноармейских депутатов Северной Области и Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов. Пг., 1918. № 121. 4 октября.

Северная коммуна. Известия Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих и Красноармейских депутатов Северной Области и Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов. Пг., 1919. № 27. 5 февраля.

Северная коммуна. Известия Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих и Красноармейских депутатов Северной Области и Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов. Пг., 1919. № 31. 9 февраля.

Северная коммуна. Известия Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих и Красноармейских депутатов Северной Области и Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов. Пг., 1919. № 38. 18 февраля.

Синицын А.Ю. Картины на фарфоровых пластинах (коллекция № 2932) из японского собрания МАЭ РАН в контексте японской традиции изображения знаменитых воинов и героев прошлого // Восточная Азия: Вещи, история, коллекции, тексты. СПб., 2009. С.68–105. (Сборник МАЭ.Т. IV.)

Соболева Е.С., Старостенков С.А. Из истории пополнений МАЭ в 1920-е годы // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 85–96.

Соломах Е.Ю. «Мир хижинам, война дворцам» // Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. Строгановский дворец. СПб., 2015. С. 7–45.

Соломах Е.Ю. Распродажа запасов Картинной галереи Эрмитажа и мировой кризис 1929 г. // Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1929. СПб., 2014. С. 5–13.

Сталин И.В. Об индустриализации и хлебной программе: Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 157–187.

Станюкович Е.К. В.К. Станюкович — хранитель Фонтанного дома // Хранители: Материалы XI Царскосельской конференции. СПб., 2005. С. 216–225.

- Столица и усадьба. СПб.: [Б.и.], 1915. № 45.
- Строгановский дворец-музей: Краткий путеводитель. Пг.: [Б.и.], 1922.
- Суслова А.В., Славина Т.А. Владимир Суслов. Л.: Стойиздат., 1978. 88 с.
- Таганцев Н.С. Дневник 1920–1921 гг. // Звезда. 1998. № 8. С. 130–157.
- Тройницкий С.Н. Основы строительства гуманитарных музеев // Музей. Пг., 1923. Т. I. С. 18–23.
- Троцкая Н.И. Музейное строительство и революция // Наука и искусства. М.; Л., 1926. № 1. С. 29–53.
- Троцкая Н.И. Основные задачи музейного строительства // Советская культура. 1924. С. 238–239.
- Турьинская Х.М. Музейное дело в России в 1907–1936 годы. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. 122 с.
- Успенский А.И. Императорские дворцы // Записки Императорского московского археологического института им. Императора Николая II. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1913. Т. 1.
- Фирсов С.Л. Святой Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. СПб.; М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. 207 с.
- Френкель З.Г. Петроград периода войны и революции. Санитарные условия и коммунальное благоустройство. Пг.: [Б.и.], 1923. 126 с.
- Ходасевич Г.Д. «Во Дворце, трактуемом как музей...» // Хранители: Материалы XI Царскосельской конференции. СПб., 2005. С. 178–188.
- Шереметьев П.С. Карамзин в Остафьеве. М.: Новый ключ, 2003. (Репринтное воспроизведение издания 1911 г.). 168 с.
- Эрнст С.Р. Бенуа. М.: Терра, 2004. 256 с.
- Эфрос А.М. Музейное дело в Советской республике // Советская культура. Итоги и перспективы. М., 1924. С. 240–266.
- Ятманов Г.С. Деятельность Петроградского отдела музеев по охране памятников искусства и старины и музейному строительству // Музей. Пг., 1923. Т. I. С. 1–12.
- Ятманов Г.С. Задачи «Музея» / Музей. Пг., 1923. Т. I. С. I–IV.
- Gordon A.K. The iconography of Tibetan Lamaism. Tokyo, 1959.
- Elisseeff S. Stael-Hoistein's Contribution to Asiatic Studies // Harvard journal of Asiatic studies. 1938. Vol. 3. № 1. P. 1–8.
- Ivanov D. The Japanese book and other articles from Grand-Ducal palaces, kept in The MAE RAS // Manuscripta Orientalia. SPb., 2011. Vol. 17. № 1. P. 30–44.

Интернет ресурсы

Блинов С.Г. Революционное время в Русском музее и Эрмитаже (воспоминания графа Д. И. Толстого) // <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra2/ra2-330-.htm>

Интервью с Д.А. Румановым. http://lebendige-ethik.net/forum/archiv/1/Vestnik_1-2_2003/044-057.pdf

История КГИОП. http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_govcontrol/istoriya-kgiop/

Корзинин А.Л. Историческая справка о Здании Винных складов фирмы «Братья Елисеевы». <http://spbhistory.spbu.ru/4.php>

Крылов-Толстокович. Придворный календарь на 1915 г. Комментарии // <http://www.proza.ru/2015/03/06/1204>

Ларин Г.А. Описание комбинированного экскурсионного маршрута (часть 3) // http://www.vesegonsk.ru/city/people/blogs-ves/blog_larin/325/

Памятник Борцам Пролетарской Диктатуры, изд. 3, Издание Истпарта, 1925. <http://www.proza.ru/2014/11/03/288>

Померанцев К.Д. Сквозь смерть. http://www.radashkevich.info/KD-Pomerancev/KD-Pomerancev_142.html

Семенов В.А. Первый директор. Граф Валентин Платонович Зубов: страницы биографии. http://www.gatchinapalace.ru/special/zubov_article_semenova.php

Скатов Н.Н. Имя Пушкинского Дома. 2003. <http://www.pushkinskijdom.ru/default.aspx?PageContentMode=1&tabid=54>.

Списки граждан, расстрелянных в 1937–1938 гг. http://vizs.nlr.ru/search/lists/all/236_42.html

Фролова О.П. Выдающийся русский востоковед С.Г. Елисеев. <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/LARYCH/?html=frol.htm&id=1330>

Шкаровский М.В. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией. <http://krotov.info/history/20/1920/1920krematory.htm>

Список принятых сокращений

- ВКП (б) — Всесоюзная коммунистическая партия
(большевиков)
- ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
- ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
по борьбе с контрреволюцией и саботажем
- ГМФ — Государственный музейный фонд
- ГПУ — Государственное политическое управление
при НКВД РСФСР
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- КГИОП — Комитет по государственному контролю,
использованию и охране памятников
в Санкт-Петербурге
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) им. Петра Великого РАН
- Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
- НКВТ — Народный комиссариат внешней торговли
РСФСР
- НКЮ — Народный комиссариат юстиции СССР
- НЭП — Новая экономическая политика
- ОГПУ — Объединенное главное политическое управле-
ние при СНК СССР
- Откомхоз — Отдел коммунального хозяйства
- ПД — Пушкинский Дом Российской академии наук

- ПОХЦ — Петроградский отдел художественных ценностей
- Рабкрин — Рабоче-крестьянская инспекция
- РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
- РКП (б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
- РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
- РСФСР — Российская Федеративная Социалистическая Республика
- РЭМ — Российский этнографический музей
- СНК — Совет народных комиссаров
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- УД — Управление делами Российской академии наук
- ХОЗО АН — Хозяйственный отдел Академии наук
- ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
- Чрезучет — Чрезвычайный учет
- ЭОРМ — Этнографический отдел Русского музея

Список иллюстраций

1. Амитаюс — форма Будды Амитабхи, почитается как божество долголетия. Китай. XV в. (?). МАЭ № 2951-8. Фото С.Б. Шапиро
2. Фарфоровый изразец «Тайра-но Корэмоти встречается женщину-демона». Япония. XIX в. Собрание великого князя Александра Михайловича. МАЭ № 2932-20. Фото А.Ю. Сеницына. Мы благодарны А.Ю. Сеницыну за атрибуцию экспоната
3. Этикетка Историко-художественной комиссии на оборотной стороне фарфорового изразца
4. Подсвечник-пагода. Япония. XIX в. МАЭ № 2951-5/2. Собрание великого князя Александра Михайловича. Фото Д.В. Иванова
5. Тиртханкара — человек, достигший просветления в джайнизме. Индия. XIX в. Собрание великого князя Александра Михайловича. МАЭ № 2951-2. Фото Д.В. Иванова
6. Будда. Индия. XIX в. **Собрание великого князя Александра Михайловича.** МАЭ № 2951-7. Фото Д.В. Иванова
7. Обложка японской книжки «Иллюстрированный каталог продукции, выпускаемой в Великой Японии» со старыми номерами. Япония. 1877 г. Собрание великого князя Александра Михайловича. МАЭ № 6132-8. Фото Д.В. Иванова
8. Разворот книги «Иллюстрированный каталог продукции, выпускаемой в Великой Японии» с иллюстрацией, выполненной Утагава Хиросигэ III. Япония. 1877 г. Собрание великого князя Александра Михайловича. МАЭ № 6132-8. Фото Д.В. Иванова
9. Этикетка Историко-художественной комиссии на подошве корейской туфли
10. Корейская туфля. Корея. XIX в. **Собрание великого князя Александра Михайловича.** МАЭ № 2950-19. Собрание великого князя Александра Михайловича. Фото Д.В. Иванова
11. Дворец великой княгини Ксении Александровны. Фото Д.В. Иванова
12. Инициалы Ксении Александровны на ограде дворца. Фото Д.В. Иванова
13. Резная скульптура «Две лягушки». Япония. XIX в. **Собрание великого князя Кирилла Владимировича.** МАЭ № 2950-12. Фото Д.В. Иванова
14. Этикетка с адресом дворца великого князя Кирилла Владимировича. Фото Д.В. Иванова

15. Дворец великого князя Кирилла Владимировича. Фото Д.В. Иванова
16. Дом, в котором располагался антикварный магазин Якобсона. Фото Д.В. Иванова
17. Этикетка «винные склады Елисеева № 4118» на буддийском киоте. Фото Д.В. Иванова
18. Особняк Абамелек-Лазарева. Вид с Миллионной улицы. Фото Д.В. Иванова
19. Особняк Абамелек-Лазарева. Вид с Мойки. Фото Д.В. Иванова
20. Колчан из крокодиловой кожи. Эфиопия или Сомали. XIX в. Собрание Абамелек-Лазарева. МАЭ № 3059-11. Фото Д.В. Иванова
21. Этикетка Музея Города в Аничковом дворце. Фото Д.В. Иванова
22. Императорский (?) халат из Аничкова дворца. Китай. XIX в. (?). МАЭ № 3682-1. Фото Д.В. Иванова
23. Бирка музея Александра III в Аничковом дворце.
24. Бирка музея Александра III в Аничковом дворце.
25. Щит и накидка Негуса Абиссинии (?) из Аничкова дворца. Эфиопия. XIX в. (?). МАЭ № 3684-6, 7. Фото С.Б. Шапиро
26. Нэцкэ «Мальчик, катящий снежный шар» из Аничкова дворца. Япония. XIX в. (?). МАЭ № 3681-6. Фото С.Б. Шапиро
27. Нэцкэ «Спрут, обвивший женщину» из Аничкова дворца. Япония. XIX в. (?). МАЭ № 3681-3. Фото С.Б. Шапиро
28. Нэцкэ «Скульпторы, выкалывающие фигуры демонов в храмах Нара». Япония. XIX в. Работа известного мастера Нагацуги. МАЭ № 3681-4. Фото С.Б. Шапиро
29. Нэцкэ «Райдэн» (Бог грома). Япония. XIX в. МАЭ № 3699-1. Фото С.Б. Шапиро

Именной указатель

- Абамелек-Лазарев С.С. 40, 135–144
Абамелек-Лазарева М.П. 140
Авелан Ф.К. 106
Адлер Б.Ф. 67, 159
Айвазовский И.К. 32
Акулов Н.К. 42, 151
Александр I 54
Александр II 16
Александр III 22, 104, 112, 122, 149, 150, 152, 154, 156, 157, 160
Александр Михайлович, великий князь 100–102, 104, 105, 107–111, 113–117, 120, 126, 150, 156, 201
Александра Петровна, великая княгиня 32
Александрова, секретарь 88
Алексеев Н.И. 121
Алышков В.П. 121
Ананьев В.Г. 2, 7
Андерсон Е.Н. 135
Андреев М.С. 19
Андреева М.Ф. 55
Андреева О.И. 8
Анисимов, уполномоченный Московской коллегией 87
Анненков Ю.П. 53
Аргуновы, художники 74
Аргутинский-Долгоруков В.Н. 47
Арисугава, японский принц 122
Армадеров Г.А. 24
Армадерева А.Н. (Якоби) 24
Бабенко С.Е. 42
Балашев И.П. 33
Баньковский, зав. хозяйственной частью АН 141
Барбье, художник 138
Бачманов И.П. 34
Бегиров А., художник 126
Безобразов А.М. 113
Беклемишев В.А. 71
Белкин В.П. 23
Беляев М.Д. 138, 143, 183
Бенкендорф П.К. 54
Бенуа А.Н. 9, 14–16, 19–21, 24, 47, 59, 77, 79, 85, 129, 148, 156, 160
Бенуа Л.Н. 129
Бетлинг-Кольбе Д.Р. 42
Блинов Л., художник 126
Блок А.А. 21, 132
Богатов В.И., зав. домом Абамелек-Лазарева 143
Боев В.Н. 120
Браун Р. 106, 108
Брокер Г.А. 70
Брюллов К.П. 33
Брянский А.М. 147
Буланцев С. 103
Булгаков М.А. 18
Ван Дейк А. 32
Васильев А.И. 95
Вейнер П.П. 19, 23, 24, 47, 65
Венецианов А.Г. 33, 138
Верещагин В.А. 11, 12, 15, 16, 19–23, 30, 33, 37–39, 68, 73, 79, 90, 119, 120, 123
Веселова 88
Виктория Федоровна, великая княгиня 124
Витте С.Ю. 113
Войтов А.А. 37
Воронцова М.В. 112
Воронцовы, дворянский род 40, 41, 79
Воррес Й. 115
Врангель М.Д. 22, 150
Врангель Н.Н. 22
Врангель П.Н. 22
Габаев Г.С. 52
Габилев Н.А. 23
Гагарина Е.П. 138
Газе М.Ф. 57

- Гайковская В.А. (Нечай-Гайковская) 24, 37, 40
Галка, зав. домом Абамелек-Лазарева 143
Гашель 54
Гельмерсен В.В. 14, 16
Георгий Максимилианович, герцог Лейхтербергский 32
Георгий Михайлович, великий князь 32, 113, 150
Глухов А.Н. 152
Горький А.М. (Максим Горький) 9, 53, 55, 57, 61, 145
Грaбарь И.Э. 28, 29
Гребенка Н.П. 130
Гуансюй, китайский император 122
Гумилев Н.С. 46
Гусаров А.И. 13, 48
Далай-лама 154
Дементьев Н.Н. 11
Державин Г.Р. 41
Дидерихс А.Р. 57, 58, 96
Динцес Л.А. 52
Добужинский М.Д. 9, 24, 25
Драке В.Л. 32
Дубасов Ф.В., адмирал 120
Дудин С.М. 46, 60, 136, 159, 162, 166
Егоров Н.М. 57
Елaчич Н.А. 44, 45
Елисеев В.С. 131
Елисеев Г.Г. 131
Елисеев Г.П. 130
Елисеев Н.С. 131
Елисеев С.Г. 127, 129, 130, 131
Епанчин Н.Н. 54
Ерыкалов В.И. 6, 21, 30, 41, 47, 51, 52, 54, 59, 71, 75, 90
Жевержеев Л.И. 147
Жемчужников С.А. 76
Жемчужникова А.С. 76
Жуков Ю.Н. 51
Жуковский С.Ю. 28
Задорожный, товарищ 116
Замков А.С. 31
Заряноко, художник 138
Захарова И.М. 156
Захарьенко Е.Я. 52
Зиновьев Г.Е. 53, 145
Зограф А.Н. 72
Зощенко М.М. 8, 41, 93, 94
Зубов В.П. 19, 35, 47, 61
Иванов А. 173–175
Иванов В.Л. 8
Иванов, товарищ 77
Иванова Л.А. 92, 94, 95, 97
Игнатов В.В. 15
Ильин Л.А. 42, 65, 147, 151
Ильф И.А. 8, 79, 98
Иосука, японская принцесса 123
Ирина Александровна, великая княжна 150
Исаков С.К. 52
Кавос А.К. 129
Кавос Е.Ц. 127, 129
Кавос К.А. 129
Кавос Ц.А. 129
Каликин Ф.А. 52
Калинин М.И. 43
Калмыков, районный представитель 135
Каменев Л.Б. 50
Кан А., корреспондент 125
Кандинский В.В. 63
Каплун Б.Г. 39
Капман А.Э. 92, 95–97, 151
Карелин В.А. 20
Карский Е.Ф. 60, 138, 148
Келлер А.П. 57, 58
Керенский А.Ф. 11, 15
Киреева В.Г. 54
Кирилл Владимирович, великий князь 119–127, 201
Кисель В.А. 8
Клеопа, дьякон 113
Клигенберг В.К. 42
Коковцов П.К. 139

- Комаров, сторож 42
Кондратьев Г.П. 48
Кони А.Ф. 61
Коноплева М.С. 73, 76, 77
Константин Константинович, великий князь 134
Копанева Н.П. 2, 8
Коронина И.И. 38
Котляревский Н.А. 44, 45, 134, 136, 142
Красин Л.Б. 53
Кривошеин Г.Г. 121
Кругликова Е.С. 85
Крыжицкий К., художник 126
Ксения Александровна, великая княгиня 100–102, 104, 111, 114–118, 126, 150, 183, 201
Куликовский Н.А. 115
Куранов Н.В. 92, 97
Курбатов В.Я. 23, 65, 72, 147
Курнецова Н.В. 88
Кустодиев Б.М. 24, 25
Лаврова М.П. 152
Лаппо-Данилевский А.С. 159
Ларионов, представитель Рабкрин 58
Лебедева Л.Г. 8
Левинсон-Лессинг В.Ф. 24–26, 34
Лемке М. 45
Ленин В.И. 17, 29, 69
Либкнехт В. 15
Либкнехт К. 82
Линдхольм 121
Лихачев Н.П. 27
Лишев Н.В. 86, 87
Лукомский Г.К. 19, 61
Луначарский А.В. 5, 15–17, 37, 45, 62, 65, 66, 71, 78, 84, 146
Лурье И.М. 52
Лурье С.Е. 137
Макаров С.О. 123, 126
Маковский А.В. 85
Маковский В.Е. 85
Максимов Д.М. 80, 81, 92–94, 96, 151, 152, 182, 183
Малевич К.С. 18, 27
Мандельбаум Б.Д. 14
Мариенгоф А.Б. 8, 49, 63
Мария Федоровна, императрица 115, 122, 149–151, 154, 156, 157
Мацулевич Л.А. 40
Машковцев Н.Г. 29, 66
Маяковский В.В. 20
Мешков В.Н. 28
Микли-Руди В.Г. 83, 84
Миклухо-Маклай М. 157
Миклухо-Маклай Н.Н. 157
Миллер А.А. 67
Миролюбова Г. 12
Миронов А. 74
Михаил Александрович, великий князь 150
Михаил Николаевич, великий князь 104
Михайлов М.И. 33, 36
Михайлова Е. 150
Модзалевский Б.Л. 132, 133, 135, 142, 179, 180
Мокржицкий М.Ф. 54
Монзелер Г.О. 98, 139, 152, 163–165, 170–172, 177, 180, 181
Монигетти И.А. 112
Морозов П.О. 147
Мошков М.П. 82, 83
Мроз Е.К. 138
Муратов П.П. 66
Мурильо Бартоломе Эстебан 21, 140
Муцухито, японский император 121
Мятлева Т.П. 27
Надеждин Б.А. 11, 14, 16, 30, 41, 51–53, 79
Негус Абиссинии 154, 155, 202
Нерадовский П.И. 138
Никитин Н.П. 76
Николай I 17, 104
Николай II 9, 10, 20, 115, 124, 125, 127, 150, 159, 160
Николай Александрович, великий князь 149

- Николай Михайлович, великий князь 20, 61
Николай Николаевич (Младший), великий князь 104, 124
Николай Павлович, великий князь 149
Нотгафт Р.И. 24
Нотгафт Ф.Ф. 24, 25, 34, 119
Оболенская (Урсова) А.А. 46, 47, 54, 59
Оболенский М.Л. 47
Озеров Д.А. 155
Ольга Александровна, великая княгиня 115, 116, 150
Ольденбург С.Ф. 36, 37, 62, 67, 130, 134, 159
Ольденбургский П.Г. 76, 129
Омельченко, музыкант 105
Отт Д.О. 82
Ошанина О.М. 52
Пак Б.Б. 110
Панчен-лама 154
Перовские, дворянский род 40
Петр I 13, 75, 76, 78, 112
Петр Николаевич, великий князь 116
Петров Е.И. 73
Петров Е.П. 8, 79, 98
Петров-Водкин К.С. 24, 25
Пидотти Г.А. 152
Пиотровский А. 179
Пиотровский Н.Г. 11–14, 16, 26, 27, 38, 41, 47, 73, 74
Позерн Б.П. 96
Покровский, военный комендант 14
Полешаев Д. 54
Половцов (Половцев) А.А. 19, 61
Полонская Ж.А. 45
Полонский Я.И. 44
Полонский Я.П. 45, 46
Полянский В.П. 42
Померанцев К.Д. 118
Попов Я.Ф. 74
Потоцкая, графиня 54
Потоцкий П.П. 51, 52
Прищепова В.А. 2, 137
Пузинский В.Ф. 52
Пульдас К. 106, 107
Пушкин А.С. 25, 45, 61, 69, 132, 134
Рагоза В.Я. 121
Радде Г.И. 110, 111
Радлов В.В. 67
Рахлин-Румянцев Е.С. 46, 86, 89–91
Ремизов А.М. 33, 125
Рерих Н.К. 9
Родзянко М.В. 118
Родити Г.К. 52
Розанов В.В. 144
Розенберг О.О. 37
Рокотов Ф.С. 33
Романов А.М. 117
Романов Н.И. 29
Романченко Н.Ф. 90, 91
Росси К.И. 138
Ростовцев М.И. 26, 159
Ротштейн О.В. 74
Рошефор Н.И. 112
Руманов А.В. 117, 118
Руманов Д.А. 117
Румянцев Н.П. 29
Русин А.И. 124
Саминова Е.П. 57
Самсонов Д.А. 104
Седова-Троцкая (Троцкая) Н.И. 28, 29, 43, 58, 62, 64, 67, 68, 76, 91, 161
Семенов Г.С. 40
Сенявин И.А. 112
Сергей Александрович, великий князь 146
Сергей Михайлович, великий князь 110
Симонова Л.Д. 38
Синицын А.Ю. 99, 119, 201
Скильтер Г.И. (Я.) 36
Смирнина В.М. 74
Соболева Е.С. 144
Соколов К.Я. 121

- Соколова Е.П. 52
Соломаха Е.Ю. 45, 50
Спиридонов, сторож 42
Спирин В.С. 30
Спицына М.А. 43
Сталин И.В. 91, 95, 161
Сталь фон Гольштейн, барон 131
Станюкович В.К. 74
Старостенков С.А. 144
Стефановский, художник 32
Страхович, сенатор 47
Строганов С.А. 72
Строганов С.Г. 78
Султанов Г.Н. 150
Султанов Н.В. 112
Суслов В.В. 85, 87–89
Суслова А.В. 88
Суслова И.В. 118
Сытников Е. 57
Таганцев В.Н. 46
Тарасова Л. 12
Теляковский В.А. 80
Тераевич Е.П. 30
Тетерев Л.А. 119
Толстой А.Д. 22
Толстой А.К. 40
Толстой Д.И. 12, 14, 17
Толстой Л.Н. 61
Трапезников Т.Г. 29
Тревер К.В. 25, 72
Трейгут 89
Тройницкий С.Н. 23, 66, 67, 160
Троцкий Л.Д. 28, 39, 45
Троцкий Ной 39
Труханов А.А. 16, 119, 120
Трухачев А.Н. 92
Уteman Ф.Ф. 56
Ухтомская Е.П. (Корсакова) 34, 46
Ухтомский С.А. 34, 46, 54, 135, 136, 139
Ухтомский Э.Э. 117
Фаберже А.К. 31, 59, 117
Философов М.Д. 24, 30, 41, 51, 52, 54, 55, 57
Флаксерман Ю.Н. 20
Френкель З.Г. 148
Френц, художник 32
Харитонов А.А. 54
Хронжтовский Г.П. 90
Циммерман А.И. 59
Цыси, китайская императрица 122
Чайковская И.А. 51, 52
Черенкова Л.Г. 8
Чистов Ю.К. 8
Шаляпин Ф.И. 9
Шапиро С.Б. 8, 201, 202
Шаскольский, зам. делопроизводителя 136
Шервашидзе Г.Д. 115
Шереметьев П.С. 73
Шереметьев С.Д. 45, 73–75
Шеффер П.Н. 150
Шехтман 32
Шкловский В.Б. 22
Шлецер Б.Ф. 147
Шлыкова Т.В. 74
Штейн В.Ф. 46
Штейнберг, народный следователь 141, 144
Штиглиц А.Л. 19, 167–169
Шувалова Е.В. 59, 75
Щербатова Е.А., княжна 22, 72
Щукин Д.И. 70
Эдревич Ф.К. 76
Эмир Бухарский 154, 156
Эрнст С.Р. 16, 34, 47, 72, 74
Эфрос А.М. 52, 60, 69, 73, 76, 158
Ювеналий, архимандрит 86
Юденич Н.Н. 35–38, 40
Юсупов Ф.Ф. 78, 150
Якобсон А.И. 127, 128, 202
Яковлев А.Г. 113
Ясинская М.К. 16
Ятманов Г.С. 14, 55, 66, 67, 71, 79, 92

Научное издание

Д.В. Иванов

**РЕВОЛЮЦИИ И КОЛЛЕКЦИИ:
Петроградское (Ленинградское) отделение
Государственного музейного фонда
и Музей антропологии и этнографии**

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор *М.А. Ильина*
Корректор *Л.Г. Амбросенко*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 09.09.2018.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 14,2.
Тираж 150 экз.

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано

ISBN 978-5-88431-356-9

